

BOOK IN STYLE
КОРТНИ КОУЛ

ПРИЗНАНИЯ

*Милл
Кот*

Казалось бы, в жизни тридцатипятилетней Эллисон, или Элли Ланкастер было все: потрясающая работа, пятнадцатилетняя дочь-красотка, лучшая подружка-зажигалочка и роскошный дом в элитном районе Лас-Вегаса с бассейном и джакузи. А вот чего в ее жизни не было — так это мужа, ведь девять месяцев назад она вышвырнула оттуда своего бывшего, никчемного обманщика. С того момента Элли с завидным усердием погрузилась в пучину нескончаемого самосовершенствования, оплакивая свою судьбу. Но, наконец, она решилась двигаться дальше. Элли, безусловно, понимала, что ей не хватает перемен, но ее соображения о «чем-то новеньком» не шли ни в какое сравнение с дьявольской фантазией ее подруги. Эта чертовка Сара умудрилась все-таки сподвигнуть Элли попробовать секс-игрушки, переспать с молодым парнем и позволить совершенно незнакомому человеку, пусть и в медицинском халате, нанести горячий воск на такие части ее тела, которые ничем, ну абсолютно ничем, не заслужили такой участи. И это только цветочки! Никогда Элли не могла бы предположить, что допустит вообще что-либо подобное в своей жизни. И, конечно, не думала, что кто-то еще способен настолько перевернуть ее мир.

Но такой человек нашелся, и она впустила его. Им оказался эффектный, чуткий и зрелый мужчина. Который не прочь жениться. Элли же, отринувшую институт брака вместе с изгнанием бывшего, это напрягло. И как теперь быть ей, бедной девушке? Впрочем, как говорится, что сделано в Лас-Вегасе, остается в Лас-Вегасе. Но что, черт возьми, делать когда ты сам остаешься в Лас-Вегасе? Ну, крутить рулетку, конечно! Теперь ты в игре, ставки сделаны, а там как фишка ляжет. Элли только надеется, что сумеет не прогадать.

Кортни Коул

Признания Элли Кэт

Серия: Записки хищницы #1

Переводчики: Mayjulia (1–7 главы), Ксюша Ланская (с 8 главы)

Редакторы: Oli4ek (1–7 главы), Юлия Цветкова (с 8 главы)

Главный редактор: Светлана Симонова

Обложка: Julia Polyakova

Оформление: Юлия Цветкова

Переведено специально для группы:

vk.com/book_in_style

(надо же пояснить, как я докатилась до такой жизни)

Попробуй представить, как в один прекрасный день ты (ну не именно ты или я, а вообще) узнаешь, что мужчина, считающийся твоим мужем все последние пятнадцать лет, тебя обманывает.

В честь сего прискорбного инцидента можно и позволить себе наплевать на здравомыслие, и впасть в безумие. И вот — безумная электричка уже мчит тебя (не будем показывать пальцем, кого именно) в безумный город. Еще немного, и ты уже на месте. Город настолько завораживает и захватывает, что ты решаешься остаться здесь. Постепенно он все больше овладевает тобой, и вдруг раз — ты уже готова уйти в безумный монастырь (женский, заметим) и жить там во веки веков.

Сразу оговорюсь.

Всякий раз, когда я упоминаю о безумии, я не имею в виду ту стадию сумасшествия, когда уже требуется смирительная рубашка. Я о таком безобидном безумии. Когда ты заводишь интрижку с молоденьким жиголом и первый раз используешь вибратор. Такое безумие, когда ты идешь и покупаешь туфель на десять тысяч долларов и колешь ботокс. А может быть, даже решаешься на пластику живота, в чем, конечно, никогда и ни при каких обстоятельствах не сознаешься. Да, при таком безумии у девушек надо отбирать кредитки и уничтожать! Но, согласись, это ведь неплохое безумие?

Все же знают, что безумие может быть хорошим или плохим, как есть хороший и плохой жир. Наше безумие полезно, как авокадо. Оно необходимо телу, чтобы оставаться здоровым и сильным.

Может же что-то подобное произойти?

Может. Ладно, так все и было.

И любой же может оказаться в такой ситуации?

Да ладно, признаюсь, это все про меня.

Все это и вправду случилось, и случилось со мной.

Ну, про монастырь я все-таки слукавила.

Временно я сошла с ума, не обезумела окончательно, так почудила на славу. Я же здоровая женщина, из плоти и крови, на пике своей сексуальности. Мне нужен секс! Я добровольно прострелю себе ногу или соглашусь на ежедневную бразильскую эпиляцию, но не буду жить там, где нет мужчин. Без шуток!

Что-то я отвлеклась.

Привет всем! Меня зовут Элли. Мой муж, на которого я угробила пятнадцать лет своей жизни, изменял мне с каждой юбкой в радиусе двадцати миль, от которой требовалось лишь быть живой и безотказной. Я порывалась взять пример с Лорены Боббит (*прим. Лорена Боббит отрезала у своего спящего мужа член и выбросила, после чего была оправдана судом по причине невменяемости*) и кастрировать его. Но не стала.

Вместо этого я с ним развелась, обобрав до нитки, и ушла в отрыв.

Такая вот история.

Добро пожаловать в город сумасшествия! Надеюсь, что пребывание окажется приятным!

Глава 1

(или зачем Господь сотворил лучших подруг)

— Повторяю тебе, Эллисон, надо попробовать. Ей-богу, это оказалось лучшим, что я когда-либо делала для своих гормонов.

— Именно поэтому мне никогда не следует принимать этот совет. Я слишком стара, чтобы идти на поводу у гормонов.

Сара тормозит прямо посреди отдела замороженных продуктов и, уперев руки в бока, впивается в меня своими огромными карими глазами.

— А если ты о них не позаботишься, то кто? Застранец Рик?

— Тшш, Сара! — я оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии свидетелей нашего диалога. К моему облегчению, никого рядом нет.

— Ну? Он, что ли?

— Ты же знаешь, что нет.

— А также мы обе знаем почему. Потому что его хрен был в распоряжении еще, как минимум, четырех женщин, и это только тех, о ком нам известно. И честно говоря, не думаю, что это орудие откажется потрудиться внутри тебя, если ты обратишься к нему снова.

— О, боже, Сара, тише! Кто-то может услышать!

Я судорожно осматриваюсь, слава богу, около нас никого не появилось. Во взгляде Сары читается смесь снисхождения и жалости.

— Мне без разницы, а тебе должно быть и подавно! Я уже сыта по горло женщинами, которые ведут себя так, словно наличие сексуальных потребностей — это что-то противоестественное. Я себя принимаю полностью. Подруга, я угробила двадцать лет своей жизни, считая, что вибраторы от лукавого. Я до сих пор не представляю себе, какого черта слушала свою мать.

Теперь моя очередь изобразить снисхождение.

— Сара, вибратор и молоденький страстный парень — это совершенно разные игрушки. Если бы ты пыталась уболтать меня на покупку вибратора, я бы не возражала.

Но это абсолютно неприемлемо.

Я вижу, как у Сары отпадает челюсть и ее накрашенные ярко-красной помадой губы выдают тираду:

— Вот дерьмо, у тебя что, нет вибратора? Эллисон, какого черта? Ты не боишься, что твоя штучка покроется паутиной и зарастет за ненадобностью?

Я чувствую, что начинаю краснеть, заметив, как нахмурилась пожилая дамочка, передвигающаяся на моторизированной тележке. Срань господня! Как я проглядела ее фиолетовые волосы, когда проверяла зал минуту назад?

«Господи, пожалуйста, только бы она забыла сегодня свой слуховой аппарат!»

— Точно! — неожиданно говорит Сара, выкидывая содержимое моей тележки прямо на полку. — Мы собираемся в один пикантный магазинчик. Сегодня начинается раскрепощение Эллисон! Хотя бы вылезешь из своей скорлупы. Все, провозглашаю своей жизненной миссией заставить твою внутреннюю пантеру вырваться из клетки. Эта сучка засиделась там непозволительно долго.

Она хватает меня за руку, вынуждая развернуться и оставить тележку, и тащит в сторону выхода. Звонкий стук наших каблучков привлекает к нам внимание каждого, кто оказывается

поблизости.

Такое обычно предвещает намерение Сары вести себя еще более непристойно.

— Я собираюсь отыскать для тебя самый большой силиконовый член, какой только существует, а ты готовься пустить его в дело, если не хочешь, конечно, чтобы я связала тебя и сама сделала это.

Хочется провалиться сквозь землю.

Я в ужасе слежу за каждым мальчишкой, попадающим нам на пути, черт, двоих из них я знаю. Они учатся в школе с Софи, моей пятнадцатилетней дочерью.

— Боже, боже, боже! Сара, заткнись! — я уже шиплю на нее.

— Только если ты начнешь шевелить задницей. Это должно быть исправлено. Сегодня. И более подходящего момента не найдется. Софи не будет дома еще два часа.

На споры и уговоры времени больше нет.

— Спорить, похоже, бесполезно, — ворчу я. — Переведи дыхание, Сара.

— Разберемся, мисс Скованная Сексуальность, разберемся.

Спустя целый час позора мы с Сарой устроились за моим компьютером, листая онлайн каталог с мужчинами. Хотя называя их мужчинами, я, на самом деле, деликатничаю. Представленные самцы уже вроде не подростки, но и возмужать еще явно не успели: некоторые особи мужского пола частенько застревают в такой промежуточной стадии между школой и поступлением в колледж на несколько лет.

Не могу поверить, что делаю это.

— По моим ощущениям, рассматривать этих детей с каким бы то ни было сексуальным подтекстом неуместно, — говорю я своей безбашенной подружке с неуверенностью. В ответ достаиваюсь полностью лишенного стеснения взглядом.

— Поверь мне, Эллисон. Это им хочется, чтобы на них так смотрели. И они не дети. Все легально.

Я просматриваю еще одного парнишку, которому едва ли дашь шестнадцать лет.

— Еперный театр, Сара! Он ведь чей-то сын! Ручаюсь, его мать не в курсе, что он жиголо.

— Еперный театр? Да ладно! — она смотрит на меня скептически. — К тому же он не жиголо, а ты заканчивай строить из себя скромницу! Он эскорт. А это две большие разницы.

— Эскорт, который не прочь за небольшую доплату завершить ночь в постели с клиентом. Это как ты называешь?

Смех Сары приобретает порочный оттенок.

— Я называю это своей большой удачей.

— Сара, я серьезно.

— Я тоже. Послушай только, как вижу это я. В некотором роде я тоже помогаю Чезу воплотить его мечты. Он пробует и учится делать такие вещи, переживает такой опыт, какой большинству мужчин даже вдвое старше не доведется познать.

— Не сомневаюсь, что так и есть, но тебе не удастся меня убедить, что кто-то нашего возраста может всерьез заинтересовать двадцатилетних. Побойся бога, Сара, сегодня утром, подойдя после душа к зеркалу, я реально испугалась. До меня даже не сразу дошло, что это мое тело. У меня мешки и неровности на тех местах, коим, в принципе, не полагается быть шероховатыми, а еще эта дряблая кожа на задней части предплечий, как будто я белка-летяга. Долбаная белка-летяга! Какой двадцатилетний захочет трахнуть белку-летягу?

— Блин, Элиссон, ты когда-нибудь прекратишь критиковать себя? Мужчины видят нас не так. И слава богу! Они видят нас теплыми, мягкими, прекрасными и любвеобильными созданиями, которые фантастически пахнут и трахаются как дикие кошки. Мы знаем, что мы хотим и как мы этого хотим. Может, наши руки и напоминают уши слоненка Дамбо, но им на это плевать. Им важно, что мы можем высосать из них всю душу и заставить спустить шины за две секунды.

— Сара! У меня даже уши покраснели!

— От этой привычки тоже стоит избавляться. Расслабься немного. Мир же не рухнет если не стесняться в выражениях и открыто говорить о минете. Ты совсем не помнишь старшие классы?

— Помню, конечно. Помню, как была влюблена в парня, которого считала своей второй половинкой, как была беременна нашей чудесной дочкой и как мы еще пятнадцать лет занимались сексом, который предполагался как эксклюзивный до того момента, как я узнала, что он мне изменял.

— Черт, как же долго ты училась?

Я вздыхаю с досадой.

— Сара, я хочу жить дальше, но мне надо двигаться постепенно.

— Вот именно, это тебе не надо, Элиссон. Тебе нужно разом и глубоко нырнуть и найти ту дикую, отважную девчонку, которой ты была до того, как засранец Рик ворвался в твое сердце. И в твою вагину. Тебе нужно вытащить на поверхность истинную себя. Ту, которую он больше не сможет контролировать. И я здесь, чтобы помочь тебе. Тебе же нравятся пенисы. Нет, ты, блин, жить не можешь без пенисов! Твоей вагине лишь стоит напомнить об этом. Подруга, тебе это просто необходимо. И ты решительно собираешься заполучить себе один из них.

Я ничего не отвечаю. Вместо этого тупо смотрю на мою самую лучшую подругу. Я понимаю, что она всей душой на моей стороне. И знаю, она единственный человек на планете, кому я могу полностью и безоговорочно доверять. Так почему я упираюсь? Что я теряю? Моя жизнь, которой я жила раньше, закончена в любом случае.

— Сдаюсь. Один раз я попробую, но не гарантирую, что прыгну в объятия первого встречного мальчишки, который немногим старше моего собственно ребенка.

Сара радостно визжит, повиснув на моей шее.

— Боже, как же мы повеселимся! — она восторженно хлопает в ладоши и снова откидывается на свой стул. Совсем рядом со мной она произносит: хорошо!

— Давай настроим твой аккаунт, пока я здесь. Тебе требуется рекомендация одного из действующих членов, даже чтобы получить доступ к сайту. Потом мы подберем игрушку.

— Думаю, что насмотрелась достаточно игрушек на сегодня, — мрачновато отзываюсь я.

— То, что мы делаем, — это не плохо, Эллисон. Это хорошо, — она пристально смотрит на меня несколько секунд, затем кладет руку мне на плечо. — Ладно, давай уже сделаем это. Просто выбери парня, который тебе нравится, а я сделаю остальное. Ок?

— Ты говоришь прямо как ушлый продавец подержанных машин, — заявляю я. Она прожигает меня фирменным взглядом «Лучшего риелтора года» в самом Лас-Вегасе.

— Видимо так, — добавляю я со вздохом.

Она выдает улыбку победительницы.

— Без энтузиазма, на который я рассчитывала, но и на том спасибо.

— Мам, мне действительно это нужно. Может, ты хотя бы подумаешь об этом?

Держа кухонную лопатку в руках, я оборачиваюсь к дочери.

— Софи, ты вообще представляешь, сколько могут стоить услуги персонального инструктора по плаванию?

— Нет, но я уговорю папу оплатить половину, так что получится нормально.

Мам, все пловцы, готовящиеся в Олимпийскую сборную, занимаются с персональными тренерами. Ты же знаешь, мне никогда не достичь такого с мистером Салливаном.

— Мистер Салливан прекрасно справляется со своей работой, Соф. Именно благодаря ему ты победила на прошлом чемпионате штата.

— Я знаю, мам. Но этого недостаточно, если я хочу попасть на Олимпиаду. Пожалуйста. Скажи хотя бы, что подумаешь. Кайла даже знает парня, который был в команде по плаванию ее колледжа. Она утверждает, что он сможет подтянуть меня до следующего уровня. Наверняка, это окажется и дешевле.

— Софи...

— Не называй меня Софи, мама. Ты относишься ко мне как к несмышленому ребенку. Я гораздо ответственнее и целеустремленнее большинства моих сверстниц. Я никогда не впутывалась в неприятности и учусь практически на отлично. Сделай эту единственную вещь для меня. По-жа-луй-ста!

Я смотрю в эти большие, полные мольбы карие глаза, которые так похожи на мои. Этот ребенок — моя слабость, она может вить из меня веревки.

— Хорошо. Собери побольше информации об этом знакомом Кайлы. Для начала.

Но со своим отцом будешь договариваться сама, юная леди!

Ее улыбка озаряет все вокруг словно лампочка в тысячу ватт, такая прекрасная, юная и невинная. Как и у меня двадцать лет назад, пока засранец Рик не вселил в меня обиду на все пенисы мира.

— Обещаю. Огромное спасибо, мам, — она чмокает меня в щеку, перегибаясь через кухонный островок.

Она действительно хороший ребенок. Мне надо только перестать обращать внимание на те ее черты, которые иногда напоминают Рика, например, на морщинки у ее рта, появляющиеся, когда она свирепо смотрит на меня. Или как она стоит, когда раздражена, упирая руки в бока и напуская злости в свой взгляд. У нее мои глаза, но этот конкретный взгляд достался ей в наследство именно от Рика.

Я вздыхаю. Она наполовину в Рика, но и моя тоже. И это делает ее обалденной. Она хороший ребенок. И она моя. А Рик может катиться ко всем чертям.

Я вздыхаю с гордостью. Сара бы мной гордилась. Мне не следовало бы сквернословить, но я бы это повторила без всякого зазрения совести.

Это хренов прогресс!

Не могу сдерживать усмешки.

Спустя день, пытаясь найти в рабочем портфеле файл, я натываюсь на пакет с тем самым купленным для меня огромным дилдо.

Вот же блин!

Я еще даже не вытащила его, а уже чувствую, как вспыхивают мои щеки.

Я извлекаю его из пакета и откладываю в сторону, подальше от себя. Продолжаю

копаться в поисках файла, но ловлю себя на том, что возвращаюсь взглядом к упаковке снова и снова. И вот, на моем лице уже блуждает сексуальная улыбка.

Шейд (*прим. Шейд переводится как тень, оттенок*). Что, черт возьми, за жиголо скрывается под именем Шейд? Даже несмотря на такой мысленный вопрос, я уже, блин, решила, что он, должно быть, очень неплохой. Такое темное и сексуальное имя крайне подходит для темненького и сексуального парня. Я чуть не облизнула монитор, увидев, как он улыбается мне с экрана. Он самый сексуальный предмет, какой я когда-либо видела. Пусть он и вдвое младше меня.

— Тебе еще не сорок, Эллисон, — напоминаю я себе. Впрочем, в свои тридцать пять, бывает, что я чувствую себя и на все сорок. И именно по этой причине я согласилась на предложение Сары. Я ведь не планирую кончить как мать-одиночка, разведенка и директор по маркетингу, которая живет только работой и упивается собственными обидами. Я не хочу, чтобы закончились мои веселые деньки, толком не успев начаться. Это было бы равносильно бесповоротной капитуляции, все равно, что вручить Рику лучшие годы своей жизни без права на амнистию. Я отказываюсь это допустить!

Самое лучшее непременно еще впереди. Непременно! Поддаваясь порыву, я скидываю все с кровати. Отмахнувшись от раздражающей мысли, что потом придется убирать разлетевшийся ворох бумаг, я принимаюсь яростно распечатывать коробку с вибратором.

В моих руках оказывается двадцатисантиметровое изделие, больше похожее на тотемный столб, и меня начинает потряхивать. Какая же я трусливая дура! Стискивая зубы, я продолжаю знакомство с пенисом. У него рельефная розовая поверхность по всей длине и белка с бобром по бокам. Нет, это не рисунок или гравировка, это двое игрушечных животных, венчающих выдающиеся с обеих сторон основания отростки.

— Все друзья Бемби в сборе, — в моей голове рождается невольная ассоциация.

Пытаюсь представить, как бобер должен стимулировать чувствительные зоны спереди, а беличий хвост тогда... сзади?

Мой долбаный зад???

Даже в уединении своей спальни я заливаюсь краской.

— Гореть тебе в аду, Сара! Что ты пытаешься из меня сделать? Чертов беличий хвост? Может это считаться зоофилией хоть в каком-то смысле, виде или форме? Господи, боже мой!

Я достаю пять батареек ААА со дна пакета и вставляю их в вибратор, затем включаю его. Головка пластикового пениса начинает вращаться с небольшим радиусом, бобер с белкой пульсируют, а я хихикаю. Господи, боже правый!

Все еще в недоумении от выбора секс-игрушки моей подруженции я выключаю ее и несусь в ванную комнату, чтобы помыть.

Жду, пока вода станет теплой, наношу на руки антибактериальное мыло и принимаюсь за дело. Я провожу пальцами вдоль бархатистого, но все же твердого пластика и позволяю мыслям бесконтрольно блуждать. И снова возвращаюсь к образу Шейда, а значит, моя подруга, чертова плутовка, добилась-таки своего.

Что же это за парень такой, подрабатывающий жиголом в свободное время?

Я напоминаю себе, что у меня нет намерений это выяснять. Мне просто любопытно. Очень любопытно!

У него меньше вибратора? Того же размера? Больше? Даже мысли об этом вызывают прилив горячего желания внутри, чего я и в правду не ожидала от себя. Я считала, что давно

уже растеряла восприимчивость к адреналину такого рода. Тем не менее, меня очень возбудила эта новая игрушка вместе с образом моего скорого эскорта. Я прямо вижу этот сахарный лакомый кусочек в своей голове.

О, господи, настоящий искуситель! Прямо желание, загаданное на Рождество!

Но, быть может, нечто новое, нечто шаловливое и запретное — это именно то, что мне нужно, чтобы стряхнуть с себя почти два десятка лет, потраченных на изменника? Пятнадцать выкинутых Рождественских праздников, проведенных с никчемным и лживым мужем. Теперь пришло время для нового и волшебного Рождества!

Думаю, это то, что доктор (точнее Санта) прописал.

Хотя, конечно, в роли доктора в данном случае выступила Сара.

Я ополаскиваю вибратор горячей водой и нарекаю его Джеронимо. С этого момента я полна решимости испробовать все новое. По мере того, как Джеронимо согревается в моих руках, я все детальнее представляю супергорячего Шейда. Каково это — иметь своего личного «карманного» мальчика, эдакого сексуального раба, у которого нет иных забот, кроме как угождать и доставлять мне удовольствие.

К моему полному удивлению, от распутных фантазий мои трусики моментально намокают. Вот черт! Но это не должно было так ошеломить меня. Я прожила почти два десятка лет с мужиком, который становился вялым на второй минуте секса, а еще через две — отворачивался и начинал храпеть. Тогда понятно, почему меня будоражат мысли о ком-то, кто с энтузиазмом возьмется за воплощение любых моих сексуальных желаний, пусть бы и за деньги. Инстинктивно я стягиваю трусики, и полуобнаженная иду к кровати. И это середь бела дня!

Я волнуюсь.

Очень волнуюсь.

А что, если он застрянет внутри, а Софи вернется домой и увидит свою мать с жужжащим вибратором, торчащим из ее вагины, и ей придется везти меня в больницу, где его смогут извлечь только хирургическим путем??? И мне, конечно, повредят там скальпелем нервные окончания, и я больше никогда не смогу достигнуть оргазма...

Я идиотка.

Знаю.

Я сексуально зажатая идиотка.

Глубоко вдыхая, ложусь на спину, сгибая колени, и закрываю глаза, вновь вызывая образ Шейда. Щелкаю кнопкой вибратора.

Бобриный нос вибрирует между моих ног, можно сказать, что бобер (*прим. Бобер в английском сленге переводится как волосы на лобке*) подбирается к моей мохнатке, обхохочешься! Ха! Я верчу Джеронимо, пока он не занимает полагающуюся ему позицию. Ощущение будто по мне бегают муравьи, я напрягаюсь, но через мгновение оно становится привычным.

Твою ж мать!

Чтобы не задохнуться, я шумно втягиваю воздух.

Святая Мария, Божья Богородица! В моей промежности лучи света взрываются миллионами осколков. Не хватает только баптистского хора, прыгающего вокруг меня и рукоплескающего под пение «Аллилуйя».

Я делаю еще один вдох и решаюсь привести его в движение.

Господи, был бы это язык Шейда!

Я развратная, развратная женщина.

Я грежу о мальчике, чьему языку надлежит находиться в колледже. Впрочем, как и всем остальным частям его тела. Но я не могу ничего с собой поделаться. По мере того, как Джеронимо подталкивает меня к краю пропасти, к которой я не приближалась годами (если не сказать, что никогда!), фантазии полностью захватывают меня и я не позволяю стыду встать между нами.

У Шейда, должно быть, молодое тело: полностью загорелое, сильное и гибкое. Засранец Рик и в лучшие годы не выдержал бы такого сравнения. Тьфу! Меня аж передергивает. Так, ввожу новое правило — никогда не вспоминать застранца Рика во избежание сексуального облома.

Сосредотачиваюсь на Шейде. Представляю, как бы он смотрелся, нависнув надо мной и направляя в меня свой огромный, совершенный, юный пенис. Как бы он посасывал мои соски и сжимал волосы в порыве страсти, вбиваясь в меня словно бас-барабанщик на концерте группы «Кисс».

Я придаю Джеронимо небольшое ускорение.

Затем еще немного.

И вот, я кончаю.

С Рождеством меня!

Нежась в чувстве ошеломительного удовлетворения и пытаюсь отдышаться, я серьезно раздумываю, а не написать ли Саре слова вечной благодарности.

«Срань господня, подруга! По ходу, я люблю тебя».

В общем-то, я влюблена в Джеронимо.

Это идеальный пенис. Большой, твердый и без мужчины в комплекте со всеми сопутствующими проблемами, вроде пивного живота, дурацких шуток и измен. Я не прекращаю смотреть на него с нежностью, пока мою и убираю его в прикроватную тумбочку.

Да, я однозначно влюблена в него.

Со счастливым вздохом я впервые осознаю, что с нетерпением жду субботнего свидания.

— Выглядишь сокрушительно! — восклицает Сара, когда я скрываюсь в спальне.

— Скорее нелепо.

— Почему это? Мы просто две состоятельные женщины, которые могут себе позволить оттянуться в самом крутом ночном клубе Лас-Вегаса в сопровождении симпатичных «карманных» мальчиков. Не вижу повода для беспокойства.

— Я одета как Джулия Робертс в «Красотке», только размер не тот, — показываю на свое короткое и обтягивающее платье. — И как ты снова сумела меня уговорить на такую попку?

— Ну, я когда-то думала, что такой наряд поможет тебе наладить отношения с засранцем Риком, но, как видишь, ему нашлось лучшее применение. Смотрится на тебе очень аппетитно. И размер у тебя — что надо!

Она поднимается и подходит ко мне. Проводит пальцами по моей щеке и запускает длинные ногти в мои волосы.

— Такие роскошные волосы, — шепчет она. — Безупречного темного оттенка, блестящие и очень густые. Могла бы сниматься в рекламе шампуня. Seriously. — Я с

озорством закатываю глаза, но не успеваю вставить и слова. — А твои зубы! — она продолжает. — У тебя идеальная улыбка. Ослепительно белая. Твоя улыбка заставляет меня почти ненавидеть тебя. Какой мужчина сможет устоять перед ней?

Я смотрю на нее с недоверием.

— Мои зубы? Какого черта? Никто не будет встречаться со мной только на основании состояния моих зубов. Я же не лошадь, Сара!

— И такое красивое лицо, — не унимается она, игнорируя мои комментарии, опускает руки и начинает гладить мою грудь, чуть сжимая ее.

— Пышный бюст, — заявляя это, Сара хватается за талию и разворачивает. — И отличная задница, — восклицает, шлепая меня по попе. — Ты восхитительна, с какой стороны ни посмотри, и любой мужчина в здравом уме отдаст свое левое яйцо за возможность облизать тебя от макушки до мизинчиков на ногах, не пропуская ни одного сантиметра между ними.

— Думаю, ты втайне хочешь меня, — веселюсь я. — Может быть, мне стоит предпочесть твое сопровождение?

— Ах ты, подлиза! Если бы каждая из нас переметнулась на другую сторону, мы бы стали отличной парой. Но, увы, я любительница сосисок, и ты тоже. И никакими лепешками так это не заменишь.

Я не могу удержаться от смеха.

— Ты всегда такой была, а я только сейчас это заметила?

— Да. Ты годами была поглощена другими заботами.

— Я начинаю действительно любить новую тебя. Даже если эта незнакомка меня регулярно шокирует и частенько втягивает в авантюры.

— Тебе это нравится, и ты сама это знаешь. Я привношу в твою жизнь необходимую степень азарта, — резюмирует Сара, подходя к зеркалу, чтобы подкрасить губы.

— А я говорила тебе, что в восторге от твоей прически? — я спрашиваю, намекая на ее новую темно-красную стрижку в стиле пикси. У Сары, бесспорно, достаточно дерзости, чтобы решиться на такую.

— Продолжай в том же духе, и я полностью твоя.

Мы обе хохочем.

— Ну, я думаю, что готова, — бурчу себе под нос. — По крайней мере, настолько, насколько это возможно.

— Значит, время выдвигаться.

Мой желудок сводит от страха и тревоги, но еще и от возбуждения. Сделав глубокий вдох, улыбаюсь Саре. Она переплетает наши руки и ухмыляется.

— Добро пожаловать в премьерную ночь твоей новой жизни.

Мы начинаем наш путь, выходя на улицу, где нас уже ожидает сверкающий черный лимузин. Дорога занимает всего двадцать минут, в течение которых я успеваю влить в себя столько шампанского, что мне позавидовал бы самый бывалый моряк.

Мы плавно останавливаемся около клуба, и я вылезает из машины следом за Сарой.

От мужчины, встречающего меня, дух захватывает.

Он выше, чем я воображала, и более широкоплечий, нежели я ожидала. Косая сажень в плечах, облаченная в безупречно подогнанный смокинг... Такое впечатление, что его талия уже моей. У него темно-каштановые волосы и такие же темные глаза с голубым отливом, какими он смотрел с фото.

Он молод, несомненно. Но в нем нет ничего подросткового. Совсем ничего. Я осторожно вкладываю свои пальцы в его ладонь, и он улыбается. Опасаюсь, как бы у меня не подкосились колени и не случился приступ вагинизма. Но когда он начинает говорить, я понимаю, что все трудности позади и можно ликовать. Аллилуйя!

— Ты оказалась гораздо красивее, чем я мог себе представить, — он шепчет глубоким, бархатным голосом.

Да, я однозначно собираюсь поскакать на нем сегодня, как на родео. И никаких «но»! Эта мысль вызывает мою улыбку.

(а если взглянуть на происходящее мужскими глазами)

Шейд

— Ты — рок-звезда, — внушаю я парню в зеркале, завязывая ему галстук бабочку. — Долбаная рок-звезда!

— Чувак, что за черт, с кем ты там разговариваешь?

Чез появляется в раздевалке. Точнее очень вальяжно заходит. Чез всегда расхаживает как мелкий напыщенный петух. Это чертовски раздражает. Собственно, в нем все чертовски раздражает. Но на сегодня пара клиенток заказала нас обоих, так что мы вынуждены побыть напарниками. И я в курсе, что он доволен этим фактом не больше моего. Он такой придурок, что я буквально молюсь, чтобы продержаться эту ночь и не заткнуть его петушью глотку его же зубами. Забив на его вопрос, переключаюсь на свое отражение, откуда на меня смотрит уверенный, галантный и дьявольски сексуальный парень. Он словно прирожден носить смокинг с накрахмаленной манишкой, а под чарами его обаяния любая женщина мгновенно будет счастлива распрощаться с любимыми трусиками «Виктория Сикрет».

Он же Шейд, а Шейд — долбаная рок-звезда!

— Ты готов? — Чез нетерпеливо вскидывает бровь. — Собираешься, блин, как девчонка, — бурчит уже себе под нос.

Я оглядываю его. Он развалился на красном бархатном диване слева от меня, стуча своими коротенькими ногами по деревянным ножкам. Да он же коротышка! Не понимаю, что женщины в нем находят. В ожидании он берет леденец с серебряного подноса и закидывает в рот, придерживаясь одного из наших правил: всегда иметь свежее дыхание, но никогда не жевать жвачку.

Мы в роскошной, уединенной раздевалке, где все призывает к успокоению. Большинство моих коллег (так вежливо я их называю) в успокоении вовсе не нуждаются. Они уже довольно давно занимаются этим. Я же здесь новичок, в команде самый молодой и зеленый. В деле я всего шесть месяцев, но зато каждые выходные, то есть набежало уже двадцать четыре уик-энда...

Двадцать четыре свидания. Так мы их называем — свидания.

Я улыбаюсь про себя: в старших классах и даже в колледже свидания были совсем другими. Смутно припомнились неловкие обжимания и неумелое лапание друг друга в припаркованных по темным аллеям машинах с запотевшими стеклами. Чуть не заржал.

Я, определенно, смог сделать огромный шаг вперед.

С тех пор как мой друг Адам посвятил меня в специфику своей работы, моя жизнь изменилась и круто. Мне больше не надо выпрашивать деньги у своего старика и жить по его правилам. Я могу себя полностью обеспечить, потому что зарабатываю дофига денег, при этом делая то, что мне нравится. А это значит, что мне незачем получать долбаный диплом по бизнесу, чего так хотел от меня отец. Мне это не интересно. Я еще не понял, что же мне все-таки интересно, но это, блин, точно не бизнес.

Из зеркала мне улыбается парень, полный уверенности и решимости. Ростом сто восемьдесят пять сантиметров, темные волосы взъерошены. Он откидывает их назад, демонстрируя свои темно-синие глаза. Кобальтовые, по словам некоторых женщин. Черт знает, что это значит, но с ними я дьявольски хорош. Никто еще не оставался равнодушным.

— Готов, — выдает парень в зеркале, и я поворачиваюсь к Чезу.

Сейчас я Шейд. А Шейд готов ко всему. Всегда и везде. Я на ходу подхватываю мятный леденец. Я долбаная рок-звезда, мать его.

Мы спускаемся и пересекаем закрытые залы «Утопии». Увидеть их, а также примыкающие комнаты дозволено только клиентам, выложившим кругленькую сумму за эскорт. Меня до сих пор удивляет, что женщины готовы платить столько денег всего лишь за секс с мужчиной. Господи, я в том смысле... Женщина же всегда его может получить, стоит только захотеть. За что платить то?

Однако эти дамы платят. Они, не задумываясь, протягивают свои кредитки просто потому, что им хочется, чтобы я их трахнул без всяких обязательств. Им нравится, что они могут говорить мне, чего именно им хочется, и знать, что я их за это не буду осуждать.

Даже если это действительно окажется чем-то чудным и странным, всякое может случиться. О некоторых вещах я даже не подозревал, пока не начал тут работать.

Я поправляю свой пиджак, проходя мимо закрытых дверей, из-за которых не доносится ни звука. Здесь все двери и стены очень толстые по известной причине.

Полная анонимность. «Утопия» гарантирует ее своим клиентам. Женщины, попадающие в эти помещения, должны носить бархатные повязки, скрывающие глаза, пока не окажутся в спальнях за этими закрытыми дверями. Это обеспечивает конфиденциальность их личности и любого, с кем они могут столкнуться. Все интерьеры выдержаны в красных тонах, включая фактурные обои. От настенных бра идет приглушенный свет, что создает идеальную атмосферу для соблазнения, хотя клиенты никогда особо не приглядываются к таким деталям. Я разгуливаю здесь уже достаточно непринужденно. Я же Шейд. А Шейд никогда не смущается. Мы подходим к двери, ведущей к основному клубу, официальной части «Утопии». Обычные люди, пришедшие просто выпить и потанцевать, тусуются здесь, отплясывая как придурки на танцполе и светясь в темноте зелеными неоновыми браслетами. С такими опознавательными знаками охрана, стоящая на каждом выходе из зала, ни за что не пропустит их дальше. Так что без эскорта туда доступ заказан, и точка.

Это эксклюзив.

И делает меня самого очень эксклюзивным. Я расправляю плечи. Здесь, в стенах «Утопии», я веду себя иначе. Во мне нет страхов и внутренних ограничений. Я всегда готов ко всему.

Всегда тверд и в настроении. Как раз за это мне и платят. Мы пробираемся через толпу потных людей и выходим к главному входу как раз вовремя, чтобы встретить двух женщин, выходящих из сверкающего черного лимузина. Сначала в поле моего зрения попадают только стройные ноги. Их обладательница раздвинула их чуть шире, чем требуется, чтобы выбраться из авто, прозрачно и явно намеренно намекая нам, что она без белья.

Высший класс!

Худоцава и выглядит бледноватой в обрамлении своих огненных, очень коротких волос. Богата и, определенно, привыкла командовать. Это заметно невооруженным глазом. В общем, есть, на что посмотреть, но все-таки мое внимание привлекает красивая женщина, появляющаяся вслед за ней. Господи милостивый!

Именно в такие моменты я действительно люблю свою работу.

Я подставляю ей руку, помогая выйти из машины. Достаточно высока для девушки, но стройна, с женственными бедрами и потрясающей грудью. На ней короткая, едва

прикрывающую задницу юбка и кофточка с эффектным глубоким декольте.

Я не ожидал такого, когда мне сказали, что моей клиентке хорошо за тридцать. У нее очень подтянутое тело, требующее, должно быть, регулярных тренировок. Темно-каштановые локоны рассыпаны по плечам, а взгляд выдает, что она здесь из-за меня. Спасибо, господа!

— Ты оказалась гораздо красивее, чем я мог себе представить, — шепчу ей. И я искренен. Она сразу расслабляется, начиная нерешительно улыбаться.

— Шейд? — она тихонечко спрашивает. Смущается, полная противоположность своей достаточно дерзкой подруги. Я наклоняюсь поцеловать ей руку. Еще одно правило: всегда баловать того, кто тебя ангажировал.

Это всегда оплачивается щедро.

Ее лицо озаряется улыбкой, и я улыбаюсь в ответ.

— Я — Шейд, — подтверждаю. — А ты, видимо, Эллисон.

— Можешь называть меня Элли, — говорит она. Я вижу, что она нервничает. Следующее правило: всегда обеспечивать даме комфорт.

— Итак, Элли, — говорю я с самоуверенной ухмылкой. — Добро пожаловать в лучшую ночь твоей жизни!

Она уже лучезарно улыбается, но за этим все еще прячется стеснение.

Очаровательно! Я протягиваю свою руку.

— Идем? — спрашиваю. Она кивает, чуть сжимая губы. Определенно еще нервничает.

Пока мы идем, я наклоняюсь, касаясь чувствительного местечка за ее ухом. Она пахнет дорогим парфюмом. Не знаю точно, что это. Что бы это ни было, но мне хочется облизать ее.

— Расслабься, — шепчу ей. — Ты здесь для того, чтобы получать удовольствие. Обещаю.

Взгляд ее карих глаз встречается с моим.

— Не сомневаюсь.

Мы пробираемся через огромный, шумный клуб. Эллисон слегка опирается на мою руку, и я веду ее сквозь толпу. Когда мы достигаем заднего коридора, ведущего в приватную зону, Чез и его дама останавливаются, чтобы завязать ее глаза. Та отыскивает пальцами Эллисон, выписывая на ее плече: «Наслаждайся, милая!»

С повязкой для глаз в руке я оборачиваюсь к Эллисон.

— Это, действительно, необходимо? — она неуверенно спрашивает.

— Что? — спрашиваю я. — Завязать тебе глаза? — Она кивает, а я становлюсь позади нее.

Невзначай провожу пальцами по ее груди. Уловив ее вздох, я наклоняюсь снова к ее уху, чтобы прошептать:

— Доверься мне. Тебе понравится.

Я затягиваю повязку, после чего возвращаю ее пальцы на свою руку.

Будет весело.

(или: Я что, реально это делаю? Разбудите меня!)

Элли

Черт возьми!

Чувствую приближение панической атаки, все-таки я в первый раз оказалась с завязанными глазами. И вот, посмотрите на меня, позволила симпатичному жиголо завязать мне глаза, и теперь он ведет меня в свое сексуальное гнездышко.

— Дыши, Эллисон, — этот красавчик шепчет мне прямо в ухо. Его голос хрипловатый и глубокий, как горячая карамель или теплый кленовый сироп... Нет, еще круче, как расплавленный шоколад. Я сглатываю, резко ощущая голод, а еще и возбуждение.

— Окей, — соглашаюсь, стараясь как-то наполнить мои предательские легкие кислородом.

Попытка не удастся, я все ловлю воздух, чувствуя себя идиоткой под этой бархатной и атласной повязкой. Ее никак не назовешь неудобной, но мне все же некомфортно. Что же меня ждет такое, раз так необходимо лишиться зрения? Жуткие плетки и цепи? Наручники и интимные шарики?

Черт возьми!

Я уже практически задыхаюсь, когда слышу, как с помощью карточки открывается дверь. Раздается щелчок и поворачивается ручка. И меня бережно заводят в любовное гнездышко.

Господи!

Господи, боже мой!

Что я наделала?

Я прямо в чертовом гнезде разврата!

Я уже стара для всего этого!

И тут с меня снимают повязку.

Вокруг сплошная роскошь. Массивная дорогая мебель. Тяжелые и мягкие покрывала и подушки. Все щедро декорировано хрусталем и красным деревом.

Абсолютно нормально для подобного рода комнаты.

Нормальная такая комнатка, блин... Я в шоке.

Мне надо спокойно осмотреться, ведь Шейд повернулся ко мне и улыбается.

— Ну как? — он усмехается. — Ты ожидала еще чего-то?

— Да, — я признаюсь. — Не знаю чего, но точно не этого.

— Может быть, этого? — спрашивает Шейд и нажимает на кнопку в стене. В потолке бесшумно раздвигается дверца, и оттуда опускаются секс-качели, свисая до края кровати.

Я сглатываю от того, что они напоминают петлю... Петлю, в которой я по ходу повешусь.

— Может быть, — отвечаю я.

Я внимательнее разглядываю их. Выглядят устрашающе. Похоже на штуковину для пыток, в духе спальни Мартиши и Гомеза Аддамс. Ремни отстрочены мягким бархатом. Но все равно, на мой взгляд, удобством тут не пахнет. Законностью тоже. Я снова сглатываю.

Шейд снова усмехается.

— Нервничаешь?

Я киваю.

— Не стоит, — его голос смягчается. Он приближается ко мне, а я невольно отступаю на шаг. Опять усмешка. И вдруг я начинаю ощущать, словно он лев, а я его добыча. — Нам необязательно ими пользоваться. Пока.

Шейд хохочет, запрокинув голову, и я вспоминаю, что я здесь гостя. Здесь я — жертва, а он — лев. Это его владения, его территория для брачных игр. Он знает, что делает, а я — нет, хотя это я старше него лет на двадцать. Ну примерно.

— Сколько тебе лет? — я спрашиваю, прищурившись.

Шейд перестает смеяться и присматривается ко мне.

— Ах, вот что, Элли, — шепчет он, делая шаг в мою сторону. — Возраст — это просто цифра, ты сама знаешь. Обещаю, что сегодня мой возраст, и даже твой возраст, станет последним, о чем ты задумаешься. Более того, смею заверить, после того как я закончу с тобой, ты с трудом имя-то свое сможешь вспомнить.

Мне следует посмеяться над этим, но я на секунду сбиваюсь с дыхания. Взяв себя в руки, поворачиваюсь к нему и выдаю усмешку, хочется верить, что это получилась невозмутимая и уверенная усмешка.

— В самом деле? Ты настолько уверен в себе?

Шейд пожимает плечами.

— Я должен. Если ты сам не веришь в себя, никто за тебя этого не сделает.

— Здравая мысль, — я киваю. — Очень зрело.

— Я очень и очень зрелый. А теперь подойди сюда, — командует он. — Расскажи мне, что тебе нравится.

Мое сердце бьется так громко, что, кажется, он может услышать его даже с такого расстояния. Черт, да даже из Канады его можно услышать. Я прикрываю глаза и делаю шаг.

— Я пятнадцать лет была замужем за человеком, который был, мягко говоря, холоден в постели. Так что, честно, я не знаю, что мне нравится. Шейд подносит свой прекрасный палец ко рту, который также хорош, молча, словно прицениваясь ко мне.

— Хм, — наконец, выдает он, а его кобальтовые глаза загораются. — Похоже, тебе следует показать, чего же ты хочешь, и я этим займусь. Тебе повезло. Ведь здесь, в «Утопии», мы руководствуемся политикой стопроцентного удовлетворения клиента. А это значит, что я буду делать все, что в моих силах, до тех пор, пока не уверюсь, что ты удовлетворена. В любом смысле.

Шейд пристально смотрит на меня, настойчиво, сексуально, прямо дух захватывает.

Делает шаг вперед.

Я делаю шаг назад.

Лев и добыча.

Хищник и жертва.

Чувствую себя молодой раненой газелью.

На шпильках-то.

А значит, мне не убежать.

Черт!

Я снова задыхаюсь.

— Ты в безопасности, — уверяет меня Шейд, наблюдая за мной, точно прикидывая, как поймать меня. — Почему бы тебе не присесть на кровать? А я вернусь через минуту.

Он разворачивается и уходит в комнату, которую я и не заметила сразу. Должно быть,

ванная.

— Думаю, тебе хочется устроиться поудобнее, — бросает он, высунув голову из-за угла, и снова исчезает.

Устроиться поудобнее?

Что он имеет в виду?

Раздеться?

Боже мой! Я перевожу взгляд на свое облачение, такое ощущение, как будто оно село на пару размеров за последние пару минут, наверно, от того, что я все время пытаюсь вдохнуть. Не стоило, видимо, надевать корректирующее белье, достаточно плотное, чтобы утянуть зрелой женщине пивной животик.

Капец!

Корректирующее белье.

На фигу я вообще надела это корректирующее белье?!

Надо его как-то снять. Не могу же я допустить, чтобы прекрасный и совершенный Шейд раздел меня и обнаружил такое отвратное телесное белье. После такого было бы слишком унижительно даже просто взглянуть на него, не говоря уже о том, чтобы получить оргазм от его умелых пальцев.

Насчет последнего я могу пока только предполагать, но уверена, что умениями он не обделен.

В конце концов, он же профессионал.

Я уже говорила, что это капец?!

Я вскакиваю и скидываю свои шпильки, чтобы все-таки стянуть чертово белье со своего взмокшего тела. Не могу поверить, что я потею. Бьюсь об заклад, что совершенный и шикарный Шейд никогда не потеет. От всех этих мыслей я начинаю сомневаться в собственном запахе.

Черт! Стоило мне только поднять руку, чтобы принюхаться, как Шейд возвращается из ванной. Чертовски хорош. Он улыбается и словно не замечает, что одна моя рука задрана, нос утыкается в подмышку, а вторая рука замерла под утягивающим поясом, демонстрирующим всю мощь нашей швейной промышленности.

Господи!

Шейд уже без смокинга, в одних черных брюках. Его обнаженный рельефный торс совершенен. Еще чуть влажный. И блестит под мягким светом. О-мой-бог!

Я немедленно хочу его облизать. Черт меня подери! Шейд подходит ко мне, нежно обхватывает мое запястье, от той самой руки, что застыла в воздухе, словно парализованная, и опускает, проводя носом по моему предплечью.

— Ты изумительно пахнешь, — говорит он.

Готова провалиться сквозь землю. И от того, что он прекрасно понял, что я делала, и от его убийственно сексуального голоса. Я смотрю на него и не вижу ни тени смущения.

— Не стесняйся, — велит он мне невозмутимо. — Ничего не стесняйся. Это первое правило. Все запреты должны оставаться за порогом, чтобы мы смогли выгащить и воплотить все твои желания.

— Все-все? — я спрашиваю, переживая за свои руки (как у белки-летяги, помните?).

— Все-все, — кивает Шейд.

— Есть еще правила? — уточняю немного нервозно. Мне же никто не давал соответствующую инструкцию для ознакомления.

— Только несколько, — он легко стягивает мое плотное эластичное белье, и после того как я перешагиваю через него, брезгливо отбрасывает в угол.

— Второе правило — никогда не носи такое нелепое дерьмо. Тебе оно не требуется.

Он опускает на меня взгляд, который становится одобрительным, когда он пробегается пальцами по моему оголившемуся торсу, вызывая волну мурашек.

— Ты совершенна.

— Я же плачу тебе, так что вполне логично услышать что-то подобное, — напоминаю я и наталкиваюсь на улыбку, полную дерзости и озорства.

— Верно. Но я всегда говорю правду, — отвечает он. — Всегда. И толкает меня на кровать. Я буквально плюхаюсь на толстое и мягкое одеяло.

— Что за черт, — только и успеваю прошипеть я, потому что он забирается на постель, и я уже вновь заморожена красотой его мускулистой груди. Он как дикий кот напротив меня... надо мной, за мной... Я чувствую себя немного подавленной.

Похоже, мне нравится это ощущение.

— Тебе нужен тот, кто покажет, кто тут босс, — серьезно говорит он. — Думаю, я привяжу тебя, Элли. Ты несла на себе груз ответственности, принятия решений и была самой сильной слишком долго. Теперь тебе нужен тот, кто сам будет решать, и кто позаботится о тебе.

— Ты додумался до этого за десять минут? — я спрашиваю, боясь признать, что он прав на сто процентов.

— Это несложно уловить, — он кивает. — Я чувствую тебя.

Шейд двигается со скоростью леопарда, даже этим доминируя надо мной, придавливая своими предплечьями. Я стараюсь усмирить дыхание, глядя в его голубые, голубые, голубые чертовы глаза.

— Я позабочусь о тебе, — обещает он. — О каждом сантиметре твоего тела. Боже мой! У меня перехватывает дыхание. Шейд опускает свою голову и безо всяких прелюдий зарывается в мое декольте, нащупывая и расстегивая мой черный кружевной лифчик. Отбрасывает его в сторону и обводит языком мой сосок.

— Ах, — вырывается из меня, и я вливаюсь в подушки. Чувствую, как Шейд улыбается, а затем накрывает грудь своим ртом и начинает посасывать.

— Боже! — только и могу прошептать. Во мне будто искрится каждое нервное окончание. Пожарная тревога! Они вот-вот вспламенятся. Или вообще взорвутся. Или что там еще может случиться с раскаленными нервами. Или меня просто хватит инфаркт.

Я собираюсь с силами, выпускаю подушки из рук и принимаюсь поглаживать юную и мускулистую спину Шейда, шелковистую на ощупь. Черт! Засранец Рик и в лучшие годы не мог похвастать такой формой.

Даже *мечтать* о таком не мог. *Не думать о засранце Рике.*

— Не думать о засранце Рике, — повторяю про себя. Хотя, честно скажу, я не особо и нуждаюсь в таком аутотренинге, ибо все мое внимание приковано исключительно к тому совершенству, что сейчас передо мной. И только я собираюсь добраться руками до его совершенной точеной задницы, как Шейд перехватывает мои запястья одной рукой, надевает на них наручники и закрепляет их на изголовье кровати. Какого черта!

Я в панике, он же совсем спокоен.

— Эллисон, ты слишком привыкла обо всех заботиться. Этой ночью я буду заботиться о тебе. Но думаю, если не ограничу тебя, ты возьмешься за старую привычку. Доверься мне, я

знаю, о чем говорю. До утра ты еще прокричишь мое имя много-много раз. Но в любой момент, когда ты действительно захочешь, чтобы я остановился или снял с тебя наручники, тебе достаточно сказать «ананас».

— Ананас? Почему?

— Потому что я люблю ананасы, — он пожимает плечами. — Наручники не жмут?

Я дергаю руками, проверяя. Металл обернут плотной и приятной тканью. Так что я качаю головой.

— Нет.

— Ты доверяешь мне? — улыбается Шейд. Его улыбка выходит очень порочной, мне нравится, я тоже начинаю чувствовать себя порочной.

— Да, — отвечаю. Не знаю почему, но я доверяю. Были бы у него постоянные клиенты, если бы он не оправдывал доверия? Я качаю головой для убедительности.

— Хорошо. Есть что-либо такое, что для тебя абсолютно неприемлемо?

Я раздумываю над вопросом. Насколько я вообще в состоянии думать, когда такое тело нависает надо мной. Это, знаете ли, немного отвлекает.

— Вряд ли, — наконец выдаю я. — Из того, что я уже пробовала, отрицания ничего не вызывало. Если ты сделаешь что-то не то, я скажу тебе. Договорились?

— Договорились, — говорит он с улыбкой. Я просто влюблена в эту его улыбку. Я готова приобрести элитную квартиру в Сохо или другом таком же крутом районе, чтобы поселиться с «ней», с этой улыбкой, и завести кучу улыбчивых детишек. Вот насколько я влюблена в эту улыбку! Шейд просовывает свои большие ладони под мои ребра, от их тепла даже бегающие мурашки затихают. Подхватывает за бока так, что выгибается моя спина. Глядя прямо в мои глаза, он наклоняет голову и проводит языком вокруг моего пупка. У него мягкий и теплый язык. В общем-то, это единственная мягкая часть его тела. Ну, за исключением разве что волос. У него великолепные волосы. И почему же я думаю про его волосы?

Он проводит языком по моему животу к груди, но не останавливается на ней, вопреки моим ожиданиям, а доходит до шеи. Трется об нее носом, потом целует. Потом лижет. И посасывает. Не могу сдержать стоны. Почему мне никто не говорил, что шея может быть настолько эрогенной зоной? Вот черт!

Теперь очередь моего уха, и он уделяет ему столько же внимания. Передвигается ко рту. К этому моменту я готова к поцелую. Хочу, чтобы его язык был во мне. Не важно, где именно. Сейчас я согласна и на рот. Он врывается в меня, совсем не нежно, поглощающе. Я не могу дышать, пока его язык подчиняет мой.

— Ты мне доверяешь? — Шейд снова задает вопрос, смотря мне в глаза. Раскрасневшаяся, разгоряченная, растрепанная, я киваю.

— Да.

— Хорошо. Я снова завяжу тебе глаза, на этот раз тебе понравится.

— Да, — я киваю. — Думаю, понравится.

— Я знаю, что понравится, — говорит он с низким смешком.

Он надевает на меня повязку, и комната погружается в темноту. Меня огорчает всего один факт. Я больше не могу видеть глаза Шейда. Я расстроена. Я не могу смотреть на него и не могу трогать его. Чего-то я уже сомневаюсь в его затее с завязыванием глаз.

Пока он не начинает ласкать языком внутреннюю поверхность моего бедра.

Мое сердце начинает биться в такт его движениям.

— У тебя восхитительные ножки, — тихо говорит он. — Должно быть, ты много тренируешься. Я не нахожу сил ответить, почти задыхаясь. Я чувствую себя полностью подчиненной, с завязанными глазами, в наручниках. Но вместе с тем более раскрепощенной. Я достаточно доверяю этому человеку, чтобы пережить с ним этот опыт. Может быть, я потеряла рассудок. Но мне это нравится.

Пока еще не настолько, насколько это произойдет дальше. Его рот накрывает мой клитор, а губы обхватывают его словно вакуумом. Бедрa не слушаются меня, безвольно дергаясь от его прикосновений.

— Тебе нравится, котенок? — шепчет Шейд. И начинает лизать. А вскоре добавляет к процессу свой палец, то вводя его, то вынимая. Черти бы его побрали! На что я профукала всю свою предыдущую жизнь?

Я мокрая насквозь. Чувствую, как жидкость и влага течет между ног, но он сразу слизывает ее, лижет, лакает, упивается. А меня накрывает волнами чего-то ошеломительного. Только так получается это описать. Или как там еще описывают оргазм в дурацких любовных романах, которые я читала? Блин, так все и есть. Подумать только, я ведь прекратила их читать, потому что считала, что они безбожно врут!

— Ты такая тугая, киска Элли, — шепчет Шейд, скользя во мне пальцем и продолжая дразнить меня языком. Господи, как такое выдержать? И мне так нравится, как он назвал меня киской Элли.

— Задержи дыхание на минуту, — велит он. — Ты сейчас кончишь, а это сделает оргазм ярче.

Я слушаюсь его.

И он прав. В следующую секунду я кончаю, а задержка дыхания значительно усиливает ощущения.

Тяжело выдыхая, обмякнув, откидываюсь на кровать.

И тут безо всякого предупреждения, кроме быстрого шуршания фольги, Шейд входит в меня. Его пенис, толстый и длинный, заполняет меня и выбивает дыхание. Жаль, что я не могу его потрогать и сжать, руки-то у меня скованы. Так что я обхватываю его ногами и прижимаюсь как можно ближе.

Шейд пахнет божественно, свежим воздухом, мужчиной и еще кедром. Я вдыхаю его запах, пока он трахает меня. Он двигается быстро, затем замедляет темп. Туда-сюда. Быстрее. Медленнее. Мучительно и сладко. Он замирает, останавливая головку своего пениса у самого входа.

— Скажи, что тебе нравится мой член, — горячо шепчет в мое ухо. Это слово такое непристойное, и, честно говоря, я никогда не произносила его вслух. Но сейчас я больше не стесняюсь.

— Мне нравится твой член, — отвечаю я.

— Скажи, что ты охренеть как любишь мой член, — продолжает он. Его дыхание немного сбивается.

— Я охренеть как люблю твой член, — шепчу я. Он начинает вдалбливаться в меня, сильнее, сильнее, сильнее...

— Кричи это, — командует он сбивчиво.

И я подчиняюсь, чувствуя себя абсолютно раскованной. Я всегда была очень скованной и сдержанной со своим бывшим мужем. Оказывается, выкрикивать непристойности, когда тебя трахает такой кравчик, — просто фантастически. В общем, я начинаю орать снова. И

еще. И еще! Шейд был прав. К концу ночи, на самом деле, всего лишь к середине этой ночи, я выкрикиваю его имя.

(или: А тем временем в голове у Шейда...)

Шейд

Эллисон такая тугая и горячая, в ней все — вопреки моим ожиданиям. Кажется, только сейчас до меня дошло, что при моей работе вообще не стоит загадывать.

И за это я, в общем-то, должен быть благодарен.

До рассвета я как следует оттрахаю Эллисон.

И за это, я знаю, она будет благодарна.

На этом поток связных мыслей прерывается, ибо вся кровь отхлынула от головы к другому месту (как это бывает у мужчин), которое у них в чем в чем, а в мыслительных процессах точно не участвует.

(или: Лучший день для покушения на убийство)

Элли

Я просыпаюсь, чувствуя себя... полностью удовлетворенной.

Сегодня суббота, а это значит, что не нужно вскакивать и нестись ошалело в душ. Вот я и валяюсь, лениво рассматривая потолок и вспоминая прошлую ночь.

Вот же черт!

Воспоминания о том, как губы Шейда ласкали все мое тело, врываются в сознание. Его пальцы побывали везде, касаясь, массируя, теребя, растягивая...

Я сглатываю.

Я даже предположить не могла, что трахаться — так круто. И мы именно трахались. Это нельзя назвать занятием любовью, о любви там и речи не шло. Он был мягким и нежным, затем грубым и жестким, потом снова нежным. Я пытаюсь вздохнуть, проверяя свою шею. Был момент, когда Шейд снял с меня наручники и трахал сзади, придавливая за шею.

Это было так жестко, грубо, первобытно.

И мне понравилось!

Со мной что-то не так?

Я сбрасываю одеяло и перешагиваю через свой вечерний наряд, раскиданный по полу. Сегодня впервые за много лет я спала обнаженной. А если честно, то просто впервые.

Все со мной в порядке, решаю я, разглядывая себя в зеркале и чистя зубы.

Я здоровая женщина, из плоти и крови. Мне нравится секс. И я имею полное право познать себя и с этой стороны. Дискутируя подобным образом с собственным подсознанием, я с особым усердием чищу зубы.

Мне не за что испытывать вины. Я не сделала ничего дурного.

Я вглядываюсь в свое отражение и наконец полощу рот.

И как только я сплевываю и выпрямляюсь, натываюсь на отражение встревоженного лица Софи позади меня.

— Мам! Боже! Накинь на себя хоть что-нибудь! Блин!

Она отворачивается, закрыв рукой глаза, а я, краснея, тянусь за халатом.

— Прости, Соф. Я не думала, что ты вернешься так рано. Стоп. Почему это я извиняюсь? Это моя ванная. Если бы ты потрудилась постучать, то сейчас не пришлось бы краснеть.

Я делаю невозмутимое лицо и поворачиваюсь.

Софи сверлит меня взглядом.

— Ты куда вчера ходила в таких туфлях? — она указывает на разбросанную одежду.

— Ох. Мы с Сарой просто решили потанцевать. Надо было немного развеяться. Вы с папой весело провели время? Почему ты вернулась так рано? Я думала, тебя не будет до завтра.

Нельзя сказать, что Рик забирает ее на выходные при первой возможности. Вообще, это случается достаточно редко. У Софи неплохо получается делать вид, что она не заморачивается. Но я-то вижу, насколько она переживает. И меня так и подмывает снова взгромоздиться на шпильки, ворваться в его долбаную квартиру и проткнуть этими каблуками его чертову задницу.

Вздых Софи отвлекает меня от кровожадных замыслов, возвращая в реальность.

— Папе надо сегодня поработать, как я поняла. А мне не охота сидеть весь день в его квартире, там совершенно нечем заняться. Так что я попросила его завезти меня домой по пути на работу. Ты не против? Он заберет меня, когда поедет обратно.

Она так взволнованно на меня смотрит, что я спешу успокоить ее, хотя совсем не в восторге от перспективы увидеться с Риком. Меня даже подташнивать начало. Но я сглатываю и киваю.

— Конечно, милая. Все в порядке. Я всегда рада, когда ты дома.

Ее лицо мгновенно расслабляется, и вот она снова похожа на самоуверенного подростка, которым, собственно, и является.

— Я подумала, может, нам сегодня пройтись по магазинам, если у тебя ничего не запланировано. Устроим девичник для мамы и дочки. Мне нужны новые черные джинсы. Что скажешь?

— Хм... Смотря какие. Если они не дороже четырехсот долларов, то можем посмотреть. Если дороже, то тебе надо спросить у отца.

Софи смеется, как будто никогда не просила купить нечто столько дорогое. Но мы обе знаем, что это не тот случай.

— Мам, пожалуйста. Мы можем заодно пообедать. И, возможно, сделать маникюр.

Я вздыхаю. Я прямо чувствую, как деньги буквально улетают из моего кошелька. Но я люблю свою дочь. И как всегда, когда она чего-то хочет, мне безумно трудно сказать нет.

— Ладно, — снова вздыхаю, отыскивая свой любимый растянутый и выцветший свитшот. Он сохранился еще со времен колледжа, и когда-то я обрезала ворот так, что он теперь спадает с плеч. Этот прием стар как мир и ничем не красит мою фигуру, но я люблю его вопреки всему.

— Ладно, — повторяю я. — Мне все равно надо было купить увлажняющее средство.

— Ты реально собираешься пойти в этом? — Софи оглядывает меня с сомнением.

— Не наезжай, — я приподнимаю бровь. Софи закатывает глаза и ретируется, а я завершаю приготовления, собирая волосы в низкий хвост и нанося блеск для губ. Сегодня мне ведь не на кого производить впечатление, да? Могу одеться так, как мне вздумается, даже в торговый центр.

Раз уж мне предстоит потратить черт знает сколько денег на пополнение бездонного гардероба дочери, то право надеть свой любимый свитшот я точно заслужила.

За два часа я успела пожалеть, что надела свой свитшот.

Не отойдя еще от вчерашнего великолепнейшего секса кое с кем, кто младше меня на двадцать лет, я напрочь забыла, что это Лас-Вегас и это весна. Здесь не нужен свитшот. Можно даже сказать, я бы лучше вообще разгуливала тут голой, если бы подобное не сочли непристойным поведением в общественном месте.

Но пока за это грозит тюремный срок, поэтому мне, взмокшей и сердитой, как и Софи, приходится запихивать наши покупки (на семьсот девяносто три доллара, на минуточку!) в багажник своей черной Ауди. Если честно, то двести тридцать четыре доллара были все-таки потрачены на меня. Но все остальное — на Софи.

— Спасибо за вещи, мам, — радостно говорит она и, воткнув в уши наушники, забывает о моем существовании.

Серьезно. Эта маленькая сопля берет и отворачивается к окну, как будто меня тут и

рядом не было, и ее приступы шопоголизма финансируются сами по себе. Я качаю головой. В такие моменты я абсолютно солидарна с хомьяками, которые пожирают своих отпрысков.

— Пожалуйста, — бормочу я, в тысячный раз поправляя длинные рукава и подставляя перегревшееся лицо под кондиционер в надежде, что это вернет моей красной, как помидор, мордашке оттенок легкого загара. Ну, или хотя бы просто румянец.

Смотрю на часы и включаю радио. Сейчас только половина второго. Еще успею пообедать, перед тем как Рик заберет Софи из дома.

Только я начинаю сдавать назад, как до меня доносится крик.

— Ю-ху! Эллисон! Это ты?

И тут раздается отвратительный стук.

Слава богу, я не успела отвлечься на оклик и среагировала на мерзкий звук.

Мгновенно переглянувшись с Софи, я жму на тормоз, переключаюсь на паркинг, и мы выскакиваем из машины. И нашему взору предстает отвратительная, омерзительно тощая дрянь, рухнувшая прямо перед моим левым задним колесом.

И я назвала ее омерзительно тощей, потому что я точно знаю, кто это. Сразу определила по ее дешевому чувству стиля и гигантскому камню на паучьем левом безымянном пальце.

Это новая невеста Рика, Ванесса.

И она действительно омерзительно тощая.

Из округлостей только силиконовые сиськи, которые ей выбрал и оплатил Рик, так что теперь сможет воспользоваться ими в качестве спасательного круга в случае такой маловероятной неприятности, как авиакатастрофа. Впрочем, как оказалось, в случае такой, гораздо более вероятной, неприятности, как наезд автомобиля на пешехода, они особо не помогают.

Со вздохом я присаживаюсь около нее.

— Ванесса! Господи! Ты в порядке? Ты меня слышишь?

Она стонет и оборачивается ко мне, жалобно поскуливая.

— Ты настолько меня ненавидишь, Эллисон? Seriously?

Я смотрю на нее, на ее идеальные по-детски голубые глаза, идеальную форму бровей, идеальное тело двадцатитрехлетней Барби, пухлые губы цвета розовых яблок в карамели. Да, да, я ненавижу ее. Но не настолько, чтобы садиться из-за нее в тюрьму. Хотя, не буду лукавить, пару раз я все-таки фантазировала об этом.

— Я не видела тебя, Ванесса, — выдыхаю я. — Что ты делала за моей машиной?

— Смотреть надо, куда едешь! — огрызается она, рассматривая свои ногти цвета розовых яблок в карамели. Лак идеально подобран под помаду. — Я только что сделала маникюр, а теперь один ноготь сломан. Спасибо!

Я снова выдыхаю и предлагаю ей свою руку.

— У тебя что-то болит? — спрашиваю. Софи нависает над моим плечом. Даже наушники из ушей вытащила, чтобы насладиться моментом. Ванесса качает головой.

— Вроде нет. Только ноготь сломан. Ты должна заплатить мне за коррекцию, Эллисон! — огрызаться она. — Я просто подошла поздороваться, а ты взяла и сбила меня, словно в тебя бес вселился.

— Я не сбивала тебя, — поправляю, устав уже от попыток поставить ее на ноги. — Я просто тебя не видела.

Эта Мисс Идеальность прерывает меня, взвизгнув от боли. Я наблюдаю за ее бешеными прыжками на одной тощей ноге. На секунду прикидываю, может ли столь тонюсенькая нога

подломиться под ее весом, но понимаю, насколько это нелепо. Под ее весом не скомкается даже мокрая туалетная бумага.

— Ой, ой, ой! Думаю, у меня нога сломана. Ты сломала мне ногу, ты, злобная сука! — Ванесса перестает строить из себя застенчивого раненого ребенка.

Я ошарашено смотрю на ее шпильки. Кто ходит по магазинам на шпильках, да еще и в субботу утром?

Ее лодыжка синееет на моих глазах.

— Уверена, что ты подвернула ее, когда падала, — говорю ей, поддерживая под руку. — Почему ты на каблуках?

— Причем тут мои каблуки? Даже не думай перекладывать вину на меня. Ты меня сбила.

Выдох. Если бы в досягаемости было что-то острое, я бы выколола себе глаза.

— Я не сбивала тебя, — повторяю. — Я просто задела, пока сдавала назад. Надо бы показать доктору твою ногу. Ты здесь одна?

Я оглядываюсь, но больше никого не вижу. Она качает головой.

— Да. Тебе придется меня отвезти. Это меньшее, что ты можешь сделать.

— Да, это меньшее, что я могу сделать, — стараясь не смотреть на нее, я едва ли не заталкиваю ее на заднее сидение. — Береги голову.

Я поворачиваюсь к Софи.

— Соф, набери отцу и попроси встретить нас в медицинском центре «Дезерт Спрингс». Там есть травмпункт.

Она кивает и достает телефон, а я пытаюсь абстрагироваться от хлипов, подвываний и откровенно сволочных обвинений Ванессы.

— Ты не повезешь меня туда. Это богадельня для бомжей и людей на пособии.

— Ты просто хотела меня изуродовать, чтобы Рик больше не хотел меня.

— Это все твоя ревность, ведь я моложе и темпераментнее тебя.

Я не считаю нужным отвечать ни на один выпад за крайне долгие двадцать минут поездки. Хорошо хоть Софи нацепила свои наушники и ничего не слышит.

Когда мы, наконец, доехали, я отправляю Софи за креслом-каталкой и везу Ванессу уже сама. Чувствую себя очень уж дерзкой и едва сдерживаюсь, чтобы не вкатить ее прямо в мусоросборочный фургон, что курсирует по парковке.

Не убивать Ванессу.

Не убивать Ванессу.

Не убивать Ванессу.

Я повторяю это про себя, пока мы проходим через раздвижные двери и регистрируемся. Только я пытаюсь решить, оставить тут Ванессу одну или нет, как Рик с важным видом появляется в зале ожидания.

Рик всегда ходит с очень важным видом, ибо уверен, что без него никогда и ничего не начнется.

Мой бывший муженек неплохо выглядит. Насколько может быть привлекательным тридцатидевятилетний мужчина. Ростом в шесть футов (*прим. пер.* — примерно 183 см), с темными волосами с проседью на висках. Гладко выбрит и подтянут. Владеет рекламным агентством, где он и познакомился с Ванессой. Она была его ассистентом-администратором. Хорошо, видимо, «поассистировала».

Но я отвлеклась.

Внешне Рик кажется лакомым кусочком. Симпатичный и успешный. Так и не скажешь, что, по сути, он лживая тварь. Я сразу вспоминаю, что мне следовало бы жалеть Ванессу, а не ненавидеть. Она даже не представляет, с кем связалась. Хотя такая хищная шлюха, наверное, этого заслуживает.

Срань Господня! Я же не сказала этого вслух? Я быстро оглядываюсь и облегченно вздыхаю. Слава богу! Не сказала.

— Какого черты ты творишь? — начинает наезжать на меня Рик, приближаясь к нам. Ему без разницы, что мы стоим в переполненном зале и что рядом со мной его дочь.

— Ничего. Твоя девушка споткнулась позади моей машины, когда я сдавала назад, — уверенно отвечаю я.

— Хрень, — рывкает Рик. Он подходит к нам, нагибается к Ванессе, целует ее в губы и гладит по платиновым блондинистым волосам.

— Ты в порядке, тыковка? — он мурлыкает с ней, а я еле сдерживаю тошноту. Тыковка? Ей сколько лет? Двенадцать? Ой, подождите. Может, и вправду. Или ему так кажется.

Она демонстрирует ему сломанный ноготь и опухшую ногу и трогательно хныкает.

Рик выпрямляется и оборачивается ко мне.

— Ты довольна? — он вопрошает. — Ты хотела мне отомстить, и у тебя получилось. Но тебе не стоило для этого нападать на Ванессу.

— Рик, это смешно... — начинаю я.

— Пап, — перебивает Софи, — я была там. Мама не нарочно. Ванесса выбежала перед машиной. Это был несчастный случай.

Рик ходит кругами и разглядывает ее.

— Софи, не вмешивайся. Твоя мать совершила чудовищный поступок. Не могу поверить, что ты ее защищаешь.

Я смотрю на него в недоумении.

— Чудовищный поступок? Если чудовищным ты считаешь то, что я подняла с тротуара твою смазливую малолетку, которая практически шагнула под мою тронувшуюся с места машину и подвернула ногу из-за того, что ходит по магазинам на шпильках. Которую я потом чуть не на руках усаживала в свою машину, везла через весь город в больницу, где записала ее, проводила в зал ожидания и была с ней до твоего появления... То да, ты прав. Я совершила чудовищный поступок. Если ты подразумеваешь что-то еще, то ты больной. Хорошего дня, Рик!

Я задеваю его, проходя мимо, и направляюсь к выходу, а он кричит мне вслед:

— С тобой свяжется наш адвокат. Передаст тебе иск за это.

Я ошеломленно застываю. Считаю до пяти и глубоко дышу, чтобы не развернуться и не убить их обоих. Медленно поворачиваюсь, мысленно аплодируя своей титанической выдержке.

— Рик, ты идиот! На парковке торгового центра куча видеокамер. Уверена, что любой суд присяжных или судья Америки сочтет, что я ничего не нарушила. Они увидят, что твоя подружка шагнула под машину, и поймут, что это несчастный случай. А также они увидят, что твоя подружка — практически ребенок, так что любая присяжная будет на моей стороне хотя бы просто из женской солидарности. Но если тебе хочется докопаться до меня любой ценой, то вперед, умерь свой пыл, мы ведь оба знаем, что у тебя с этим проблемы.

Вот блин! Увидеть у Рика такое выражение лица — бесценно! Мне бы должно было быть стыдно за то, что наговорила все это при Софи, но я слишком взбешена, чтобы ясно

мыслить. Я собираюсь уйти, и Софи следует за мной.

С удивлением смотрю на нее, а Рик напоминает, что она должна остаться. Она оборачивается к нему.

— Я передумала, папа. Нет желания проводить с тобой выходные. До тех пор, пока ты не начнешь лучше относиться к маме.

Она резко разворачивается и уходит к машине. Я в шоке. Обескуражена. Потеряла дар речи.

— Отлично. Посмотри, что ты натворила, — ухмыляется Рик. — Настроила дочь против меня.

Я снова обескуражена и не знаю, что сказать. Это мой рекорд. Дважды за минуту.

— Рик, ты все это сделал сам.

Теперь уже я разворачиваюсь. Жалею только об одной вещи. Что надела этот дурацкий свитшот. Было бы прикольно сейчас выглядеть чертовски соблазнительной, а не затрапезной и взмокшей. Ну да ладно. Что поделаешь.

Софи сидит в машине. По обыкновению, в наушниках. Я сажусь на водительское сиденье, поворачиваюсь к ней, протягиваю руку и тяну наушник.

— Софи, тебе необязательно принимать чью-то сторону. Твой папа — это твой папа, а я — твоя мама. Наши с ним проблемы — не твои.

Она так смотрит на меня, как будто я вдруг выросла на две головы и начала носить ее прошлогодние вещи.

— Ты в своем уме? — спрашивает она, а голос ее срывается. — Папа вел себя как засранец. А я не хочу иметь ничего общего с засранцами.

Я автоматом начинаю просить ее не называть отца засранцем. Но он-то застранец. Мы могли бы его даже называть засранистым засранцем. Так что я затыкаюсь и сворачиваю в сторону дома.

— А мы разве не собирались пообедать? — канючит Софи, высовывая голову из пассажирского окна.

— Да ладно? После всего ты еще думаешь о еде?

Она смотрит на меня в недоумении. Я вздыхаю.

— Ты же еще тинэйджер.

— Но я твой тинэйджер, — она улыбается. Софи отлично знает, как меня уговорить. Хитрая у меня девочка.

Я отвожу ее в наш любимый китайский ресторанчик, и мы обедаем цыпленком «Кунг Пао» и двойным шоколадным вулканом на десерт.

Мы смеемся все это время, совершенно забыв про гнусности засранца Рика.

— А я рада, что силиконовые сиськи Ванессы не лопнули, — хихикает Софи, поглощая шоколадный соус. — Взрыв донесся бы до Японии. И мог бы вызвать еще одно цунами.

Не могу удержаться от смеха, но прошу ее не шутить по поводу цунами. Она округляет глаза.

— Я не шучу. На полном серьезе. Взрыв такой амплитуды вполне может вызвать где-нибудь стихийное бедствие. Например, сход лавины в Кордильерах или еще что-то. Никаких шуток.

Я хохочу, прося счет, ведь она права. Силиконовые сиськи Ванессы огромны.

— Как думаешь, какого они размера? — развиваю тему, доставая кредитку. — D?

Глаза Софи лукаво загораются.

— DD, — говорит она с уверенностью. — Я видела ее беспонтовый лифчик в стирке у папы. Я все время жду, когда же она, наконец, грохнется под их тяжестью.

Я понимаю, что неправильно шутить над такими вещами вместе с Софи, но после этого утра ничего не могу с собой поделаться. Знаю. Я — Мать года, посмотрите на меня!

— Не хочешь сходить в кино? — предлагает Софи, когда мы выходим. Я в шоке. Ей никогда не приходило в голову пойти со мной в кино. Я стала для нее отсталым родителем, как только ей исполнилось тринадцать. Она оговорилась, я уверена.

Она ржет, глядя, как у меня отпадает челюсть.

— Чего? — невинно хлопает глазами. — У нас же девичник?

Я снова таю.

В общем, мы отправляемся в кино и берем на двоих огромное ведро попкорна и гигантскую колу. Потом возвращаемся домой, натягиваем спортивные штаны и всю ночь смотрим сериалы. Вот так, валяясь в обнимку со своей дочкой, превратившейся ненадолго в ангелочка, я размышляю о том, что удача, похоже, начала мне улыбаться.

Что мы имеем? Я трахалась с обалденным юным богом секса, сбила новую невесту моего лживого бывшего (случайно!) и провела потрясающий день со своей обычно неприветливой, но только не сегодня, доченькой. Это были охренительно сказочные выходные!

И, чуть не забыла, я осваиваю искусство сквернословия.

Хрень, охренительно, капец, пипец, член!

Неплохо получается, как думаете?

(или: Если Вам прилетают крученые мячи, просто трахните подающего)

— Я не перезвонила тебе вчера, потому что весь день была занята. Сбивала невесту Рика на парковке, знаешь ли, — говорю я Саре, жуя огурчик. Она в нетерпении отковыривает кусочки от своего сэндвича. — Не делай так. Вся ветчина останется под ногтями.

Сара таращится на меня.

— Мне хватило одного раза, чтобы запомнить твои объяснения. И мы еще вернемся к этой теме, ибо это должно быть безумно уморительным. Но сначала хочу сообщить, что я зла на тебя. Серьезно. Что, было так уж сложно на минутку мне набрать и в двух словах рассказать, как прошло с Шейдом? Все-таки это я все организовала, и я заслужила хотя бы услышать обо всех пикантных подробностях.

— В смысле заслужила обсмаковать все пикантные подробности? — я смеюсь.

Она сверлит меня взглядом, а я смеюсь снова. Вообще-то, она в чем-то права.

— Ладно, ладно. Согласна. С меня причитается. Шейд был шикарен.

— Так ты всласть поскакала на этом малолетнем скакуне? — ее глаза загораются.

— Шейд — не малолетка, — меня передергивает.

— Я в курсе. Но он недалеко ушел от разрешенной возрастной планки, — она ухмыляется.

— А ты в курсе, что ты больной человек? — говорю я. Она кивает без намека на стыд.

— В курсе. И для справки, мне не особенно нравятся малолетки. Мне просто нравится шокировать.

— Можно подумать, я этого не знаю, — бормочу я.

— На самом деле, речь не об этом, — она выдает своими огненно-красными губами. — Через тридцать минут мне уже надо быть в офисе. У меня сегодня день открытых дверей. Мне просто надо знать. Это было восхитительно? С тебя Лексус или Феррари?

— Не угадала. С меня огромное охренительное спасибо! — я усмехаюсь.

— Я так и знала! — визжит она. — Расскажи мне ВСЕ!

И я рассказываю. И про наручники, и про жесткий секс, и про то, как он лизал и покусывал... В общем, обо всем. К концу повествования Сара заморожено пребывает в прострации.

— Я так и знала, что он окажется хорош, — говорит она, постукивая красным ноготком по столу кафе. — Если бы я не была так привязана к Чезу и не заботилась о его успеваемости в колледже, я бы попробовала и с Шейдом.

— Ну-ну! Да тебе плевать на его образование, — говорю я, но, на самом деле, удивлена, какое собственничество я ощущаю по отношению к Шейду и насколько мне не хочется, чтобы Сара с ним спала. Я сглатываю. Он жиголо. Он спит с множеством женщин. Вот, чем он занимается. Это его работа. Я снова сглатываю.

— Тем не менее, — настаивает Сара. — Я истинный покровитель искусств. Особенно интерактивных.

— Сара, секс — это не искусство, — я хихикаю.

Она пристально смотрит на меня.

— Если ты так считаешь, значит, ты не умеешь им заниматься. И если уж говорить о

правильном сексе, пойдешь со мной на бразильскую эпиляцию. Я записала нас на послезавтра. Сможешь отблагодарить меня в следующий раз. А лучше поручи это Шейду, — выдает она со зловещим смешком. Я пялюсь на нее с отвисшей челюстью.

— Бразильская эпиляция? Это прямо воском? Прямо там?

Моя зона бикини в ужасе пытается забиться поглубже в мое тело. Я мысленно напеваю ей: «Все в порядке, моя девочка. Я никому не дам тебя в обиду».

— Ты в своем уме, Сара? — произношу я уже вслух. — Я никогда, никогда и ни за что не пойду на бразильскую эпиляцию. Ни в жизни. Ни за что!

В ее взгляде ни капли сострадания.

— Я уже записалась. В 6:45. И ты пойдешь. Тебе понравится. И Шейду тоже. Это высвободит твою внутреннюю львицу. Поверь мне.

— Я не львица, и я не пойду, — продолжаю настаивать.

И в этот момент я абсолютно серьезна.

— О, ты пойдешь, — произносит она, доедая последний кусок сэндвича.

— Думай, что хочешь, — я качаю головой, собирая со стола. — Мне надо возвращаться на работу. Вроде бы сегодня встреча с нашим новым вице-президентом. Так что нельзя опаздывать.

Сара переводит на меня взгляд.

— Как там дела у мозговитого Брайана? Знаешь, что говорят про умных мужчин? У них большие пенисы.

— Никто так не говорит, — вздыхаю я, доставая кошелек. Мозговитый Брайан — это мой недавно разведенный коллега. Он прилично выглядит, довольно мил и неплохо зарабатывает. Сара несколько месяцев пыталась убедить меня закрутить с ним роман хотя бы просто для практики. Но он не в моем вкусе: слишком бесхарактерный, что ли. Мне нужен кто-то понапористее. И что-то я очень сомневаюсь, что у него большой пенис. Впрочем, мне нет до этого никакого дела.

Разве что у него совсем маленький. Но мне, в любом случае, без разницы, я же в нем не заинтересована.

— У него все, как обычно, Сара. Узнать для тебя его номер?

— Может быть, — бросает мне она. — Позвони мне вечером.

— Может быть, — бросаю я в ответ.

От этого маленького парка, где мы с Сарой всегда встречаемся в обед, мне недалеко ехать до офиса. Мне нравятся здесь фонтанчики, а Саре — роллеры с обнаженным торсом, катающиеся без рубашек. И вообще парк расположен на полпути от ее агентства недвижимости до моей работы. Мы всегда находим компромисс.

— Здравствуйте, миссис Ланкастер! — приветствует меня в холле Ларри с ресепшена.

— Теперь мисс Ланкастер, Ларри, — напоминаю я, а он кивает.

— Простите, забыл, мисс Ланкастер.

С улыбкой я продолжаю свой путь. Только вызываю лифт, как ко мне подлетает Тейлор, мой администратор, будто специально меня поджидала. Она передает мне письма, тархтя с бешеной скоростью до прибытия лифта.

— Ты следила за мной через окно? — спрашиваю я с подозрением.

— Нет, конечно, — невинно отвечает она. — Я просто спустилась в холл к автомату.

— С моими письмами в кармане? — сомневаюсь я. Она пожимает плечами. — Совпадение?

Я вынуждена улыбнуться. Моя ассистентка чертовски хороша. Она ведет мое расписание, дружит с головой и знает, когда мне нужно выпустить пар. И несмотря на то, что у нее в носу колечко, я счастлива, что она у меня есть. Одним из моих самых больших страхов является день, когда она вручит мне заявление об увольнении. Правда, она заверила меня, что такого никогда не случится, пока мы не умрем в один день и после кремации не разделим одно место в колумбарии. Подозреваю, что она просто прикалывалась.

— Ой, — говорит она, поворачиваясь ко мне. — Звонил адвокат засранца Рика. Сказал что-то про твой наезд на его невесту.

Примечание: Да, я называю своего бывшего засранцем Риком при всех, кто готов об этом слушать, кроме моей дочери. Так прозвище срастается с человеком. Люди начинают его тоже так называть, что меня нереально веселит. Ладно, продолжаю.

Открываются двери лифта, мы заходим внутрь. Я вздыхаю.

— Серьезно? Не могу поверить, что он на самом деле обратился к адвокату.

Тейлор смотрит на меня, ожидая подробностей.

— Ну, я слегка наехала на Ванессу в торговом центре вчера утром. Ничего страшного, да и она сама виновата. Перезвони, пожалуйста, адвокату Рика и попроси общаться со мной только через моего адвоката. Я уже задолбалась объясняться с ними.

— Будет сделано, — отвечает она, строча в своем блокнотике. — А вы, действительно, взяли и прямо наехали на нее? Вы круты, босс!

Решаю не повторять, что это был несчастный случай. Побуду немного крутой.

— И не забудьте, что мы сегодня встречаемся с новым боссом, — напоминает она, пока мы проходим через отдел маркетинга, которым я руковожу, к моему угловому кабинету. — Вы же не хотите, поставить его в известность, что сбили кое-кого вчера.

Я закатываю глаза.

— Я помню. Ты уже видела его? — спрашиваю потому, что от зоркой Тейлор не ускользает ничего. Она все знает. Вдобавок, она общается с другими администраторами. А без их ведома тут и муха не пролетит.

— Видела, — отвечает она с гордостью, пока я захожу в кабинет и ставлю портфель на стул у моего стола для совещаний. — Он ошеломительно хорош, ну для мужчины в возрасте.

Я приглядываюсь к ней.

— А в возрасте — это для тебя кто? — Тейлор двадцать пять, так что ее можно не так понять.

— Ну, я не знаю, — задумавшись, она протягивает мне повестку дня. — Наверно, где-то тридцать пять — сорок лет.

— Хм, — отвечаю рассеянно, просматривая повестку. Похоже, из-за нового босса день пройдет на грани фолла. У меня с ним ознакомительная встреча в три, сразу после его обращения к моим сотрудникам, которое начнется в два. — Звучит обнадеживающе.

— Конечно, обнадеживающе, — утверждает Тейлор. — Он очень аппетитный.

Я отрываюсь от бумаг и перевожу на нее взгляд.

— Даже не говори так. Отношения с коллегами противоречат правилам.

— Не противоречат, просто не одобряются, — отвечает она. — Вдруг он — тот самый. Вы же не хотите вставать на пути у истинной любви?

Я закатываю глаза. Видимо, меня повсеместно окружают сумасшедшие. Я не успеваю ответить, как в дверь вежливо стучат. Мы с Тейлор оборачиваемся и видим мужчину среднего возраста, который уверенным шагом заходит в мой большой кабинет.

Я резко вздыхаю, чего, надеюсь, никто не заметил.

Он очень, очень привлекательный мужчина среднего возраста. Вау!

Высокий, ростом где-то шесть футов и один дюйм. С темными коротко и ровно подстриженными волосами. Изысканный и сексуальный. В очередной раз понимаю, насколько несправедливой бывает матушка природа. И она точно не женщина. Женщина никогда бы так несправедливо не одарила мужчину такими преимуществами. Напротив, это бы мужчины рожали, зарабатывая растяжки, кормили бы грудью, пока их мужские сиськи не отвисли бы до состояния двух носков, заполненных влажным песком. Она бы не позволила им вот так стареть. Точно-точно!

«Сосредоточься, Эллисон, — говорю я себе. — Сосредоточься на этом прекрасном мужчине, что стоит перед тобой».

Прекрасный мужчина, одетый в темный, очень дорогой костюм, протягивает мне руку для рукопожатия.

— Вы, должно быть, Эллисон, — говорит он. А я так залюбовалась его темно-голубыми глазами, что чуть не забыла, что надо бы и ответить. Так что Тейлор пришлось подтолкнуть мою руку к его.

— Хм, извините. Да, я Эллисон Ланкастер. Можно просто Элли.

— Хорошо, — быстро отвечает он, крепко пожимая мою руку. — Я Александр Харрис. Можно просто Алекс. Очень ждал встречи с вами. Я собираюсь немного пообщаться с вашим департаментом, а потом пообщаться тет-а-тет. Хотелось бы узнать, как вы работаете, как обстоят дела и прочее. Похоже на план?

Он кажется таким знакомым, как будто мы уже встречались. Но я знаю, что это не так. Я бы точно запомнила такого красавца. В смысле, Алекса. У него такая доминирующая аура. И вообще он шикарен.

— Конечно, — отвечаю я с радушием. — Буду ждать.

— Что ж, договорились, — говорит он. Когда он улыбается, у него появляются маленькие морщинки в уголках глаз. Интересно, ему под сорок или уже за. Я уже говорила, что он шикарен? — Скоро увидимся.

И уходит.

Тейлор оборачивается ко мне.

— Я же говорила, — она так проницательна, что это даже раздражает.

— Ну, я надеюсь, что у него есть стоящие идеи для департамента, — произношу я как ни в чем не бывало. Опускаюсь в свое кресло, беру мышку и начинаю пролистывать почту. Тейлор игнорирует мой намек. Немного медлит, размышляя об Алексее.

— Как думаете, он женат? Я не заметила у него кольца.

— Многие мужчины их не носят, — отвечаю я, не отрываясь. — Особенно лживые обманщики, нежелающие афишировать девицам, что они женаты. Но в любом случае тебе вовсе не стоит заморачиваться по поводу его семейного статуса. Иди и займись звонками, будь добра.

Я улыбаюсь, делая вид, что не злюсь, но она понимает, что как раз это я и делаю. Хватит уже обсуждать новоявленного шефа!

Через двадцать минут я стою в глубине основного конференц-зала, наблюдая, как он общается с моими сотрудниками.

Он с ними на одной волне, смеется, искренне и открыто говорит о переменах, которые планирует, и о том, что останется по-прежнему. Он легко управляет аудиторией, при этом

ведет себя не как новый старший вице-президент бизнес-департамента, а скорее как компетентный и дружелюбный товарищ, который теперь просто работает с ними.

Во время речи он находит меня взглядом. В нем мне видится тепло и вселенская мудрость, а еще отблески темно-серых вкраплений в синеве глаз.

И опять это чувство, что я его уже знаю. Это сбивает с толку.

Он заканчивает выступление кратким диалогом с присутствующими и направляется ко мне.

— Вы не возражаете, если мы встретимся с вами в моем кабинете минут через пять? — он улыбается. А у меня подгибаются колени.

Черт! Плохо дело. Как быть с дрожащими коленками?

— Конечно, — киваю я. — Я подойду.

— Хорошо, — он снова улыбается и уходит. Сзади меня толкает локтем Тейлор.

— А можно я скажу «я же говорила»?

Я смотрю на нее.

— Неа, нельзя.

— Окей, — задорно щебечет она. — Достаточно того, что я просто это знаю.

Она уносится поболтать с кем-нибудь, более расположенным пообсуждать с ней нового босса. Я же делаю то же, что и любая уважающая себя, вменяемая женщина перед встречей с дьявольски сексуальным новым шефом. Бегу в дамскую комнату поправить помаду.

Через четыре с половиной минуты я тихонько стучу в дверь кабинета Алекса. С идеально покрашенными губами.

— Войдите, — отзывается он из-за своего стола. При моем появлении он встает и указывает в сторону двух роскошных кожаных кресел, стоящих перед его столом. — Пожалуйста, присаживайтесь. Располагайтесь с комфортом.

Я выбираю место.

— Спасибо, что пришли поговорить со мной, — приветливо произносит Алекс. Теперь, когда он снял пиджак, я не могу не заметить, как сидит на нем приталенная рубашка. Я прямо вижу, как перекачиваются его мускулы под дорогим хлопком. Он точно частый гость в спортзале.

— Ну что вы, — отвечаю со скромностью, ну или, по крайней мере, стараюсь ее изобразить в меру своих представлений. — Я не знала, что именно вы бы хотели обсудить, так что боюсь оказаться неподготовленной. Не взяла с собой никаких материалов.

— Ничего страшного, — говорит Алекс, улыбаясь. — Я просто хотел узнать ваше мнение о департаменте и как там сейчас обстоят дела. Вы же возглавляете его, верно?

— Да, — я киваю. — Я работаю здесь уже десять лет. Начинала с рядового менеджера, потом получила MBA и стала продвигаться по карьерной лестнице.

Алекс просматривает досье, лежащее на его столе.

— Сейчас вы исполнительный директор, руководящий одним из ключевых департаментов. Маркетинг играет важнейшую роль в развитии любой компании. Должно быть, вы периодически испытываете стресс. Вы хорошо справляетесь со стрессом?

Станный вопрос, я немного раздумываю, смотря на него.

— Да, хорошо, — честно отвечаю.

— Хорошо, — говорит он. — Потому что, явижу, вы недавно развелись. Не в моих правилах лезть в личную жизнь сотрудников, но я хочу быть уверенным, что вы сможете справиться с профессиональным стрессом, переживая свой личный стресс.

Мы смотрим друг на друга. Он спокоен и уравновешен, я бы даже сказала, что он непробиваем. Взгляд его темно-голубых глаз невозмутим. И все равно он прекрасен, даже несмотря на то, что лезет в мою личную жизнь и задает неудобные вопросы.

— Я развелась девять месяцев назад, — говорю я. — Самым стрессовым был первый месяц. Сейчас я в полном порядке, могу вас заверить, впрочем, как и на протяжении всего развода. В компании я работаю давно и знаю всю ее подноготную. Я в состоянии справиться с любой задачей, поставленной вами, и даже попросить добавки.

Я машинально вскидываю подбородок. Меня выводит, что этот новенький думает, что может ставить под сомнение мои способности. Да я одной рукой способна сделать в два раза больше, чем он! В этом-то я уверена. А он, похоже, не ожидает от меня столь решительного тона.

— Эллисон, я не хотел вас обидеть, — говорит он примирительно. — Я сам прошел через развод. И спрашиваю только потому, что помню, чего мне это стоило. Это очень стрессовая ситуация. Мне просто нужно знать, оставить ли пока в вашем департаменте все по-прежнему или вы сразу сможете справиться с изменениями, которые я хотел бы внедрить. Поверьте, я не сомневаюсь в ваших способностях. Я слышал о вас только восторженные отзывы. Вас высоко ценят подчиненные, так же как и коллеги.

Мое раздражение мгновенно улетучивается, и я прихожу в себя.

— Ох, — произношу я. И даже не знаю, что добавить. — Извините, если мои слова прозвучали излишне оборонительно. Дело в том, что эта компания долгое время была, по сути, мужским междусобойчиком. И за свое место мне пришлось побороться. Так что я просто не могу допустить, чтобы кто-то счел меня слабой. Потому что это не так.

— Не сомневаюсь, — заверяет Алекс. — А что вы имели в виду под мужским междусобойчиком?

— Хм, — пытаюсь уклониться я. — Окей, давайте считать, что я погорячилась с формулировкой. Я хотела сказать, что тут не так много женщин на руководящих позициях. У руля, преимущественно, мужчины преклонного возраста, которые работают в компании уже много лет. Такой вот клуб для своих. Так что мое кресло досталось мне с боем.

— Пришлось изрядно потолкаться шпильками на карьерной лестнице? — Алекс ухмыляется, а я вздыхаю. Боже, от этой мужской улыбки прямо дух захватывает.

— Образно говоря, да, — я киваю.

— Хорошо, — он кивает в ответ. — Мне нравится, когда мои сотрудники обладают мужеством. Мне нравится, что вы им обладаете.

Его взгляд полон одобрения и тепла, и это тепло передается мне, согревая лицо и не только. Как же я смогу работать с этим новым и таким сексуальным боссом? Он не только красив, но и чертовски очарователен. Идеальный коктейль для полного фиаско.

— Расскажите мне немного о работе департамента, — просит он. А я увлечена его руками. У меня имеется кое-что для этих сексуальных мужских рук. Говорят же, если у мужчины длинные и сильные пальцы, то и все остальное им под стать. У Алекса то точно. Я стискиваю зубы.

— Конечно, — отвечаю.

И в течение следующих тридцати минут я старательно игнорирую эти руки, рассказывая, что у меня в подчинении три директора, пять старших менеджеров и сорок рядовых сотрудников, которые отчитываются передо мной и, в конечном итоге, перед ним. О процессах. О текущих стратегиях, которые мы разрабатываем. Даже о корпоративной

культуре. И все это я рассказываю, старательно игнорируя его великолепные руки.

К концу я испытываю за себя гордость.

Я определенно полна мужества.

Закончив, я смотрю на нового босса в ожидании реакции. Он присаживается в кресло. Так развалившись, он выглядит очень расслаблено. И сексуально. Я уже говорила про его сексуальность?

Он кивает, о чем-то раздумывая. Поворачивается и смотрит в окно, соединяет пальцы, дует на них. И, наконец, разворачивается ко мне.

— Мне нравится. Текущая структура. Оставим ее без изменений. Я готовлю спецпроект, к которому хотел бы подключить вас, но мы можем обсудить это позже.

Он встает и протягивает мне руку.

— Эллисон, было очень приятно побеседовать с вами. Уверен, что мы сработаемся. Из нас получится отличная команда.

Я улыбаюсь в ответ и пожимаю его руку, стараясь не замечать электрических разрядов, которые проходят через мое тело от прикосновений к нему.

— Мне тоже было очень приятно. С нетерпением жду ваших идей по развитию компании.

Он провожает меня до дверей, и я возвращаюсь к себе. Едва войдя, окидываю взглядом свой просторный кабинет, его дорогую обстановку, кожаные кресла, окна по периметру. Я вкальвала как проклятая, чтобы заполучить этот угловой офис. Я не могу сейчас отвлекаться на нового босса, которого угораздило оказаться сексуальным обладателем чертовки восхитительной улыбки.

Я справлюсь.

Я точно справлюсь.

Остаток рабочего дня я продолжаю гордиться собой, чувствуя себя суперженщиной в режиме карьеристики и не думая о своем боссе или даже о Шейде. Я составляю графики продаж, занимаюсь маркетинговым планом и под конец пробегаюсь с Тейлор по моему завтрашнему расписанию. И все это делаю, не позволяя себе отвлекаться.

Я реально суперженщина!

Ну, не настолько супер, чтобы готовить сегодня ужин. Я все-таки охренеть как устала для такой ерунды. Так что по пути домой заскакиваю взять что-нибудь из ресторана. Софи будет счастлива, по-любому. Ведь не придется убираться после ужина на кухне.

Влетая домой с едой в одной руке, портфелем — в другой и бутылкой воды и почтой, зажатыми где-то посередине, я выкрикиваю «Привет!».

Тишина.

Окей. Ничего страшного. Она точно дома, раз дверь оставлена распахнутой настежь и тут же валяется рюкзак. Наверно, она как обычно в своих наушниках и просто не слышит меня. Я иногда подумываю оплатить операцию, чтобы наушники имплантировали ей прямо в уши. Уверена, это сделало бы ее жизнь намного проще.

Я скидываю каблуки, разбираю почту, отвечаю на письмо в телефоне, и тут до меня доносится громкий смех со стороны внутреннего дворика через стеклянные французские двери. И мужской голос. У меня в голове перемыкает. Какого черта? Софи хорошо известна правила. Никаких приятелей в гостях, пока меня нет дома. Я несусь в патио, готовая прибить ее.

Распахиваю двери и вылетаю во двор.

И останавливаюсь, как вкопанная, с открытым ртом.

В бассейне с Софи Шейд.

Моя дочь и жиголо, с которым я переспала.

Прямо передо мной.

В бассейне.

Я в шоке. Возмущена. Парализована.

Он не трогает ее. Он просто рядом с ней, балансирует на руках. Явно в плавках. Явно красив. И мокрый. И рядом с моей, блин, дочерью.

Софи, заметив меня, машет мне рукой.

— Привет, мам! — кричит она, улыбаясь.

Шейд оборачивается поздороваться и замирает.

Он не знал, с чьей он дочерью. Это очевидно.

Но это не отменяет факта, что он по-прежнему здесь. Рядом с моей дочерью.

Я же говорила, что это моя дочка?!

И логично, что я делаю именно то, что бы сделала любая здоровая женщина, живая, из плоти и крови.

Я слетаю с катушек.

Вот он, мой звездный час.

(Или: Путь на небеса мне заказан)

— Какого черта здесь происходит? — восклицаю я, несясь к бортику бассейна с такой скоростью, что рискую переломать себе ноги. Достигнув цели, принимаюсь тащить Софи из воды прямо за лямки купальника, и пофиг, что хлорка безнадежно портит мою шелковую блузку за двести пятьдесят долларов.

Софи непонимающе таращится на меня, Шейд, впрочем, тоже.

Надо признать, что мои высокочастотные визги звучат не совсем разборчиво и гармонично.

Но не будем забывать, что я только что застала своего жиголо в собственном бассейне со своей родной пятнадцатилетней дочерью.

Я же уже говорила об этом?

— Мам, — шипит Соф. — Успокойся! Ты позоришь меня! — шепчет она ругательства, будто так их Шейд не услышит, стоя всего в метре от нас. Я перевожу на нее взгляд.

— Позорю тебя?! Ты была в бассейне, в нарушении моих правил, с человеком гораздо старше тебя!

«И с человеком гораздо младше меня. Но этот факт не мешает мне вынести ему весь мозг, с чего бы?» — игнорирую я внутренний голос, который бесит меня своей правотой.

Софи молча смотрит на меня. Я поднимаю бровь, чувствуя, как стучит в висках.

— Ну???

— Хм, наверно, мне стоит пояснить? — подает голос Шейд, которого я не вижу за Софи.

Он выбирается из бассейна, а я еле удерживаюсь, чтобы не посмотреть на него. Я и так уверена, что он сокрушительно сексуален в мокрых плавках. Не надо мне сейчас этого видеть, надо сохранить злобный запал. Впрочем, следующее его высказывание вполне этому способствует.

— Софи сказала, что вы не возражаете. Ее отец уже полностью все оплатил, так что не о чем беспокоиться.

— Все оплатил? Ее отец все оплатил?

Сейчас я уже просто верещу, да так громко, что даже соседям должно быть слышно. Судя по характеру моих воплей, они уже должны были вызвать службу 911 и заявить о чрезвычайном происшествии. Похоже, так и есть.

Я немного успокаиваю себя, с трудом сглатываю, глядя в глубокие синие глаза Шейда.

— Мой бывший муж нанял тебя для моей дочери?

У Шейда чуть дергается щека, такое впечатление, что он сдерживает ухмылку. Вытираясь полотенцем, он подходит ближе ко мне, а я даже не пялюсь на его практически обнаженное тело.

Я реально суперженщина. И я на удивление полна охренительного мужества.

— Да, именно так, — подтверждает Шейд. — Теперь я тренер Софи по плаванию. Меня зовут Колби, мисс Ланкастер. Надеюсь, теперь все улажено.

— Тренер по плаванию, — повторяю я, впадая в оцепенение по мере того, как постепенно до меня доходит смысл. Я совсем забыла про это.

— Да, тренер, — огрызается Софи, испепеляя меня взглядом. — Что с тобой? Чем, ты

думала, мы тут еще занимаемся? — она свирепо смотрит на меня и так сейчас напоминает своего отца.

— Не знаю, — тихо говорю я. — Просто не ожидала, — я поворачиваюсь к Софи. — Я только на днях дала согласие. Как ты все так быстро устроила? И как уговорила отца дать денег?

Софи выглядит самодовольной.

— Он чувствовал себя виноватым. Так что тебе вообще не о чем теперь беспокоиться. Он все устроил.

Я даже не задаюсь вопросом, как именно она это провернула. Ее папаша с большей радостью выпишет чек, откупившись от своих отцовских обязанностей, нежели лишний раз проведет с ней время. И уверена, она это знает. И пользуется этим. Так все подростки поступают. В нашем же случае, мне не в чем ее упрекнуть. Если кто и заслуживает быть использованным, так это засранец Рик.

Шейд-Колби сморит на меня, и в его глазах больше нет ухмылки.

— Ничего, что я нахожусь здесь? — спрашивает он.

И я знаю, что он имеет в виду.

Ничего, что мой жиголо тренирует мою пятнадцатилетнюю дочь в моем бассейне, и при этом их тела едва ли прикрыты купальниками? Хм, даже не знаю. Сколько у меня времени на размышление? Если бы я была хорошей матерью, разве я бы задавалась таким вопросом? Я бы уже выпроводила его взащей. Хотя, если бы я была хорошей матерью, я бы ничего о нем не знала, потому как не наняла бы его для оказания сексуальных услуг. Так ведь?

Господи! Я ужасная мать. Я спала с жиголо. А теперь он в моем бассейне. Служба опеки просто обязана лишить меня родительских прав, потому что в моем бассейне жиголо с моей малолетней дочерью. Мне одна дорога — напрямик в ад. Вечно гореть в геенне огненной.

Я на грани срыва.

И, думаю, Шейд-Колби это понимает, поэтому быстро оборачивается к Софи.

— Знаешь что, Софи? Давай ты проплывешь несколько раз на выносливость. Предлагаю двадцать кругов, а затем сделай десять упражнений, которые я тебе показывал. А мы с твоей мамой пока присядем и обсудим план твоих тренировок.

Софи смотрит на меня, ища моего согласия. Я киваю, и она, развернувшись, ныряет в сверкающую воду. Теперь видно только ее обтягивающий купальник, мелькающий под бирюзовой рябью.

Шейд-Колби берет меня за локоть и уводит на кухню, где аккуратно усаживает в кресло и направляется к моему холодильнику. Достает бутылку вина, которую я открыла вчера вечером, и наливает мне стакан. Вложив его в мои руки, садится прямо напротив меня.

— Как ты? — спрашивает он.

Я осушаю стакан в три глотка.

— Не знаю, — честно отвечаю. — Я недавно позволила своей подруге уговорить меня на ночное randevu с тобой, а теперь застаю тебя в бассейне, занимающимся с моей дочкой. Не уверена, что хорошая мать допустила бы такое.

— Почему? — спрашивает он удивленно. — Из-за другой моей работы? Могу тебя заверить: когда я работаю в «Утопии», я — Шейд. В остальное время, и в том числе, которое провожу в бассейне с Софи, я — Колби. И я одинаково хорош в любой из этих ролей. Я

настоящий профессионал. Твоя дочь никогда не столкнется с Шейдом. Я не педофил, Элли.

Я наблюдаю за ним, как морщится его лоб, когда он хмурит брови. Как по-мальчишески он наклоняет голову. Его бицепсы, еще влажные, блестят под солнечными лучами, проникающими из кухонного окна. Мое сердце пропускает удар при воспоминании о том, как той ночью эти руки удерживали и обнимали мое тело, пока он трахал меня сзади.

Я тяжело сглатываю.

— Просто странно. Это был шок. И теперь я даже не знаю, что делать.

Колби усмехается, и в том, как самодовольно изгибаются его губы, я вижу Шейда.

— Я же говорил тебе... Думаю, ты нуждаешься в том, чтобы я сказал тебе, что делать. Было похоже, что тебе это понравилось в ту ночь. И я скажу тебе сейчас. Нет ничего предосудительного в том, что я буду заниматься с твоей дочкой. Я отличный пловец. Я четыре года плавал за сборную колледжа и выиграл несколько чемпионатов штата. Я знаю свое дело, клянусь.

— О, я знаю это, — выдаю я с кислой миной. — Просто... Я не знаю...

— Предлагаю сделку, — говорит Шейд-Колби. — Дай мне пять минут побыть в роли Шейда. После этого мы выйдем, и ты досмотришь мой урок с Софи. Если ты не согласишься, что я в состоянии абсолютно и полностью разделять обе своих профессии, я без проблем подберу для Софи другого инструктора по плаванию.

— Думаешь, сможешь убедить меня за пять минут? — смотрю на него с сомнением.

Он выглядит самонадеянным.

— Уверен.

Я вскидываю подбородок.

— Договорились. Сделка принимается.

Шейд-Колби подходит к двери и выглядывает наружу.

— Окей. Софи пока еще плавает. Где ближайшая запирающаяся комната?

Я указываю на прачечную, примыкающую к кухне. Он тащит меня туда и закрывает за нами дверь на замок.

— Пять минут, — напоминаю я.

— Пять минут, — он кивает.

Без всяческих прелюдий он с ходу стягивает с меня юбку и чулки и сажает на стиральную машинку. Опускается и, не отрывая своих кобальтовых глаз от моих, врывается в меня своим языком. Я всхлипываю и выгибаюсь навстречу его рту.

Мне немного неловко, ведь я проходила в чулках весь день, с утра не была в душе, да и Софи может вернуться в любой момент.

Но дверь-то заперта.

И все это так заводит!

— Расслабься, — говорит он, а его рот не отрывается от моей кожи. — Ты такая вкусная.

Он мастерски работает языком. Он очень, очень хорош в своем деле.

Я кончаю за три минуты. Кончаю тихо, без громких стонов и вскрикиваний, не хочу, чтобы Софи услышала и прибежала. Шейд следит за моим лицом во время оргазма, и на его лице я вижу удовлетворение. Когда мое тело прекращает содрогаться (на что уходит еще секунд тридцать), он снимает меня с машинки, прижимая к своему телу.

Скользя по нему, я чувствую, что его пенис тверд и толкается навстречу мне. Я сглатываю.

Он накрывает мой рот своим, и я чувствую свой вкус.

«Твою ж мать! Я, блин, долбаная сучка, — думаю про себя. — Или просто долбанутая. В любом случае, определенная степень долбанутости присутствует».

Он отстраняется.

— Ты попробовала свой вкус?

Я киваю.

— Мне охренеть как нравится твой вкус, — говорит он. — И я очень хочу оттрахать тебя сейчас. Но не буду. Потому как сейчас я стану Колби и пойду заниматься с твоей дочкой. Но если ты решишь, что все еще заинтересована в моих услугах, то можешь позвонить и назначить встречу, тогда мы и закончим начатое. Слышишь?

— Хорошо, — киваю я.

— И еще, просто чтобы ты знала, по тебе ни за что не догадаешься, что у тебя дочь-тинейджер. Ты потрясающая!

Он поправляет свои плавки и уходит до того, как я успеваю собраться с мыслями.

Я понимаю, что наконец-то полностью расслаблена, и из-за его комплимента, и из-за его... хм... услуг.

Прислонившись к сушилке, пытаюсь выровнять дыхание и надеваю юбку. Засовываю чулки в грязное белье, поправляю волосы и направляюсь к бассейну досматривать тренировку Софи. Я наблюдаю, развалившись в шезлонге на солнышке.

Он оказался прав. Он отличный профессионал и точно знает, что делает. Да и Рик уже за все расплатился. Не осталось никакого резона отказываться.

Закончив упражнения, Софи уходит в дом переодеться, а Колби присаживается около меня. Без сомнения, сейчас передо мной именно Колби. Капли с его мокрых волос падают мне на ногу, и я их стряхиваю.

— Ну? — он говорит с усмешкой. — Что скажешь?

Я качаю головой.

— Хорошо. Я убедилась, что ты профессионал. Да и сейчас не самый подходящий момент, чтобы отказывать Софи. Так что, да, ты остаешься.

Колби смотрит на меня, его синие глаза сияют. Он небрежно снимает полотенце, прикрывавшее его спину. Его сильную, широкую, сексуальную спину. Еле удерживаюсь, чтобы не смотреть на нее. Честно, я до сих пор продолжаю удивляться своей мужественной выдержке.

— Остаюсь в качестве инструктора для Софи? Или в качестве Шейда... для тебя?

Он не отрывает от меня взгляда, ожидая ответа.

Я разглядываю его мускулистую грудь, выпуклые загорелые бицепсы, ямочку на левой щеке. И вспоминаю, как его эрегированный пенис упирался в меня там, в прачечной, и вздыхаю.

— И так, и так.

Он ухмыляется, знает ведь, что победил. А я вечером заношу его мобильный в свой телефон.

Все-таки гореть мне после смерти в геенне огненной, ну хоть будет за что.

(Или: Быть волосам или не быть? Это даже не вменяемый вопрос)

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной, — восклицает Сара, уставившись на меня через стол. Мы обедаем за нашим обычным столиком в парке между нашими офисными зданиями. — И ты не подумала, что это было достаточно важно, чтобы позвонить мне по этому поводу прошлой ночи? Что с тобой не так? Это нарушает все правила в руководстве ЛДН! (прим. BFF/ best friends forever — лучшие друзья навсегда).

— Я знаю, — вздыхаю я, ковыряя индейку на цельнозерновом куске хлеба. — Я просто чувствовала себя измученной. Я даже не хотела все это повторять. Это заставляет меня чувствовать себя ужасной матерью. Сначала у меня был секс с жиголо. Потом жиголо оказывается в моем бассейне с моей дочерью. Затем упомянутый жиголо занимается со мной оральным сексом, пока моя дочь плавает, а затем я соглашаюсь позволить ранее упомянутому жиголо продолжать тренировать мою дочь, пока я продолжаю пользоваться его сексуальными услугами. Я что, сумасшедшая?

Сара кивает.

— Да. Но в хорошем смысле, — спешит она меня успокоить. — Ты была скованна на протяжении длительного времени. Ты сама видела это — Колби может быть Колби с Софи, и Шейдом с тобой. Поверь. Как крестная Софи, я бы никогда не стала отправлять тебя в неправильную сторону. Я люблю эту девочку. И ни один красивый член не заставит меня поступить неправильно в том, что касается ее. По-моему, с тобой все в порядке. Не спускай с него глаз. И если что-то покажется тебе неуместным, уволь его потрясающе сексуальную задницу. А до тех пор наслаждайся им. Наслаждайся видом, когда он будет в вашем бассейне. А потом вышиби ему мозги, когда увидишь его на выходных. Это мой окончательный ответ.

Она скрещивает руки на груди, как будто она — Великий и Могущественный Оз, и Великий и Могущественный Оз заговорил. Я закатываю глаза.

— Что ж, я рада, что все прояснилось, — криво улыбаюсь я, потянувшись за своим лимонадом. Я ловлю себя на том, что жалею, что в нем не было водки. Сара свирепо смотрит на меня.

— Я серьезно, — говорит она. — С тобой все в порядке. А теперь меняем тему... Мне нужно, чтобы ты встречалась с Брайаном.

Я чуть не сломала себе шею, уставившись на нее.

— Ты что, с ума сошла? — Я спрашиваю. — Он такой же скучный, как простая белая рубашка на пуговицах. Я не могу с ним встречаться. Мне хочется перерезать вены уже через полчаса с ним. И я не вру, Сара.

Она вздыхает, как будто я испытываю ее терпение в последний раз.

— Во-первых, насколько это скучно, будет зависеть от того, кто носит белую рубашку на пуговицах. И, во-вторых, Мозговитый Брайан станет для тебя отличной практикой в мире свиданий. Мне нужно, чтобы ты сходила на свидание. И мне нужно, чтобы ты сделала это хорошо. Я больше не потерплю, чтобы ты хандрила, оставаясь дома по выходным одна, когда Софи у своего отца. Что еще более важно, я не могу нянчиться с тобой каждые выходные. Мне есть куда пойти и чем заняться.

Я смотрю на свою лучшую подругу, гадая, не завладели ли ее телом инопланетяне.

— Ты вообще меня знаешь? Разве это не я ездила с тобой в «Утопию» на прошлых выходных? А Софи почти никогда не бывает у своего отца. И ты не нянчишься со мной! Не так ли? Что с тобой такое?

Сара пожимает плечами, изящно откусывая кусочек рулета из ростков фасоли.

— Я просто чувствую определенную ответственность за то, чтобы вернуть тебя на рынок. Мой эксперимент с Шейдом прошел намного лучше, чем ожидалось. И кстати, поскольку ты пользуешься... услугами Шейда, теперь, когда ты встречаешься, все будет очень хорошо.

— Я не встречаюсь! — Я практически кричу на нее. Пара за ближайшим столиком удивленно смотрит на меня. Я устраиваюсь поудобнее. — Во всяком случае, пока нет. Ты вообще меня слушаешь?

Сара невозмутимо смотрит на меня.

— Обычно нет. В любом случае. Как я уже говорила, ты сможешь встречаться без дополнительного давления из-за того, заниматься сексом со своим кавалером сейчас или нет. Разве это не прекрасно? Ты можешь оттачивать свои навыки свиданий, не беспокоясь о вопросе «переспите вы с парнем в конце ночи или нет»? Ты можешь выместить свое сексуальное неудовлетворение на Шейде, потому что ты платишь ему за то, чтобы он переспал с тобой. Это идеальное соглашение. И я думаю, тебе следует начать свою личную жизнь на свиданиях с Мозговитым Брайаном. Потому что с ним легко и безопасно, и он не разобьет тебе сердце.

Я серьезно хочу вырвать себе волосы. Или ее распущенные волосы. За исключением того, что ее волосы слишком короткие, чтобы за них можно было как следует ухватиться. Мы возвращаемся к моим волосам. Я вздыхаю.

— Сара, я работаю с Брайаном. Я не считаю хорошей идеей встречаться с коллегой. Особенно когда я знаю, что он меня не интересуется в долгосрочной перспективе.

— Боже милостивый, Элли! — рывкает она. Я вижу, что она быстро теряет терпение от моих аргументов. — Ты что, не понимаешь? Ты не собираешься остепениться ни с кем другим в течение очень долгого времени. Мы вычеркнули это из нашей системы с Риком, не так ли? Тебе будет весело. Но для того, чтобы сделать это, ты должна научиться взаимодействовать с противоположным полом. Ты разучилась флиртовать, моя сладкая.

Я потираю среднюю часть лба, потому что головная боль быстро усиливается.

В этот момент у меня зазвонил телефон. Я опускаю взгляд и нахожу сообщение от Шейда. Мои глаза расширяются, и я хватаю свой телефон, чтобы прочитать его.

«Ты еще хочешь меня?»

Должно быть, я выгляжу ошарашенной, потому что Сара начинает расспрашивать меня.

— Что? Кто это? Что случилось?

Я качаю головой, положив телефон обратно на колени.

— Все в порядке. Шейд только что написал мне сообщение. Я не ожидала такого взаимодействия с ним. Вот и все.

Сара морщит лоб.

— Сообщение? Seriously? Это довольно странно. Чез не пишет мне сообщений, кроме как для подтверждения дат, времени и еще чего-то такого.

Я озадачена.

— Может быть, он просто флиртует со мной, чтобы убедиться, что я останусь его клиентом, — предполагаю я. — На самом деле, наверное, так оно и есть. Это полезно для

бизнеса, верно? Он хочет заинтересовать меня. Это хорошая стратегия продаж.

— Я не знаю, — размышляет Сара. — Жизнь состоит не только из стратегии продаж. Но, возможно, ты права. Кто знает?

— Ага. Кто знает, — повторяю я.

Я отвечаю ему.

«Конечно».

Потому что это правда. Я действительно хочу его. Я распутная, распутная сексуальная маньячка средних лет. Делает ли это меня хищницей?

Я поворачиваюсь к Саре.

— Это делает меня хищницей?

Она смеется маниакальным смехом, от которого мне сразу становится страшно. Я смотрю на нее.

— Ну, так делает?

— О, моя дорогая маленькая Элли. Я думаю, что общепринятое определение хищницы — это пожилая женщина, которая ищет молодых мужчин. Я так думаю. И я не знаю, достаточно ли ты взрослая, чтобы технически считаться хищницей. Но, на мой взгляд, хищница — это сексуальная женщина, которая чувствует себя комфортно в своей шкуре и знает, чего она хочет. И если она не знает, чего хочет, то, как и ты, она усердно работает над тем, чтобы это выяснить. Она сексуальна и уверена в себе, и иногда ей может повезти заняться сексом с мужчиной помоложе. Потому что она уверена в себе, и все идет своим чередом. Вот кем, по-моему, должна быть хищница. И поэтому да, я думаю, что ты можешь быть одной из них.

Я сглатываю. И от названия, и от ее определения.

— Хорошо, — киваю я. — Я хищница. Все в порядке. Я в норме.

— Точно? — спрашивает Сара с легким намеком на беспокойство на ее идеально накрашенном лице. — Ты пытаешься убедить меня или себя?

— Эм, себя, очевидно, — фыркаю я. — Но все в порядке. Да. Я хищница, и со мной все в порядке.

Сара качает головой.

— Ты слишком много раз говоришь «в порядке». Это признак безумия. О, я совсем забыла. У нас завтра эпиляция воском в 6:45. Я заеду за тобой. Не надевай джинсы — надень что-нибудь свободное. Юбку. Поверь, ты не захочешь, чтобы на твою киску оказывали какое-либо давление.

Я закатываю глаза.

— Киска? Серьёзно? Ты не могла бы придумать более отвратительное слово?

— Возможно, если ты дашь мне минутку, — отвечает Сара, убирая свой мусор. — Просто будь готова, когда я заеду за тобой.

Она встает.

— Я не собираюсь делать бразильскую эпиляцию, — настаиваю я.

— Да, собираешься, — настаивает она в ответ. — Тебе понравится. Ты сильная, независимая хищница. И как таковой, тебе нужна эта эпиляция. У всех сексуальных хищниц она есть. Я хоть когда-нибудь давала тебе плохой совет?

— Как насчет того раза, когда... — я замолкаю, пытаюсь что-нибудь придумать.

— Ладно, как насчет того раза, когда... — я снова делаю паузу. — Ладно, прекрасно. Сейчас ничего не приходит на ум. Но, что-то точно было. Я уверена.

Сара блаженно улыбается мне.

— Возможно. Но сейчас не те времена. Ты станешь гладкой и шелковистой, как попка младенца. Тебе понравится. И Шейду понравится. Я заеду за тобой в 6:45. Да, и, возможно тебе захочется заранее принять две таблетки ибупрофена.

— Что!?! — я вскрикиваю.

Но она уже уходит в своих поразительно великолепных Джимми Чу, так выразительно покачивая бедрами, что каждый мужчина в непосредственной близости пялится на ее задницу. И поскольку лично я терпеть не могу срываться, я ее просто, провожаю взглядом.

Я подумываю об эпиляции.

К сожалению, работа и жизнь отвлекают меня, и я забываю подумать об этом. И я забываю подумать об этом хорошо.

Только в 6:45 следующего вечера, когда я убираю посуду после ужина и слышу шум машины на подъездной дорожке, я вдруг вспоминаю.

И ругаюсь достаточно громко, так что любой моряк или водитель грузовика мог гордиться мной.

— Что? — Софи поднимает взгляд от того места, где она устроилась, чтобы сделать домашнее задание, и ест брауни. Я качаю головой.

— Ничего, сладкая. Я просто забыла, что обещала тете Саре помочь ей сегодня вечером.

— Помочь с чем? — с любопытством спрашивает Софи. В голове пусто.

— Эм, ни с чем, — заикаюсь я.

И меня спасает рыжая голова Сары, заглядывающая ко мне на кухню.

— Ты готова? — спрашивает она. — И я не хочу слышать никаких аргументов. О, привет, Софи, — воркует она моей дочери.

— Что задумали? — подозрительно спрашивает Софи, прищуривая свои карие глаза.

— Мы?

Сара прижимает наманикюренную руку к груди, которая прекрасно видна в обтягивающей блузке с глубоким вырезом. Я должна отдать ей должное. Сара действительно разыгрывает эту штуку с хищницей.

— Ничего. Твоей маме просто нужна помощь сегодня вечером.

Глаза Софи мгновенно сужаются.

— Мама сказала, что помогает тебе.

— О, это верно, — выпаливает Сара. — Она помогает мне. Кое с чем.

Софи закатывает глаза.

— Вы странные. Мне все равно нужно сделать домашку. — Она берет свои книги и плетется по коридору в свою спальню.

— Вернуть не поздно! — я кричу ей вслед. Она машет мне через плечо, ничего не говоря.

Я со вздохом поворачиваюсь к Саре.

— Ладно, прекрасно. Я сделаю это.

Она невинно смотрит на меня.

— А я спрашивала?

Я снова вздыхаю. Я явно окружена сумасшедшими.

Двадцать минут спустя я в ужасе.

Я обнажена ниже пояса, лежу на спине, прикрывая свои женские части крошечным

полотенцем. Крошечная цыпочка с кольцом в брови готовит воск, и я снова задыхаюсь. Я уже упоминала, что воск будет горячим? И что это будет на моих интимных, нежных женских частях тела? Я задыхаюсь сильнее.

— Успокойся, — инструктирует Сара, сидя рядом со мной.

Обычно они не пускают зрителей, но Сара убедила их, что меня нужно будет держать за руку. На данный момент я думаю, что предпочла бы держаться за руки с самим дьяволом, учитывая, что в первую очередь это вина Сары в том, что я оказалась в таком затруднительном положении.

— Твоя вагина будет тебе благодарна, — объявляет она мне. — Так что смирись с этим и надень свои трусики большой девочки. С тобой все будет в порядке.

— Я не могу надеть трусики большой девочки, — шиплю я. — Потому что у меня сейчас будут волосы на вагине вырывать с корнем. Так что, очевидно, я не могу натянуть никаких трусиков, как большой девочки или какие-то другие.

Сара закатывает глаза.

— Почему ты такая мелодраматичная? — спрашивает она, глядя на меня поверх своего журнала мод. — Это для твоего же блага. Ты действительно хочешь ходить с чем-то, что нуждается в очистке от сорняков?

Девушка-восковщица (потому что я понятия не имею, каково ее настоящее звание) хихикает, поворачиваясь с деревянной лопаточкой в руке. Я слатываю и знаю, что мои глаза безумны, когда я осматриваю комнату в поисках аварийного выхода. Даже не поднимая глаз, Сара кладет руку мне на плечо.

— Даже не думай об этом, — говорит она, продолжая читать свою статью.

— Меня сейчас вырвет, — пытаюсь я.

— Нет, это не так, — отвечает она.

— У меня судороги, — говорю я.

— Не имеет значения, — вторит она.

— Мне кажется, я беременна, — уклоняюсь я в качестве последней попытки.

— Невозможно, — бессердечно говорит она. — И не имеет отношения к делу. Беременным тоже нужны бритые киски. А теперь давай покончим с этим, хорошо?

Сейчас она смотрит на меня, и одна тонко очерченная бровь практически приподнимается над линией ее рыжих волос. Я слатываю и киваю, крепко зажмурив глаза. Я не хочу на это смотреть. Вообще.

— Для протокола, — говорю я Саре, крепко зажмурив глаза, — Мне не нужны сорняки.

— Не имеет значения, — снова говорит она, ее внимание снова поглощено журналом.

Я вздыхаю.

Девушка-восковщица немного топчется в районе моего локтя, а затем осматривает мою вагину.

— Хорошо, мисс Ланкастер, — говорит она. — Я сначала намажу воском, а потом...

Я прерываю ее.

— Я не хочу знать, — твердо говорю я. — Просто сделайте это. Я не смотрю.

— Хорошо, мэм, — говорит она. Я могу сказать, что она улыбается, но мне все равно. Учитывая обстоятельства, я также упускаю из виду тот факт, что она назвала меня «мэм».

Я чувствую, как воск, более горячий, чем я могла себе представить, растекается по той части меня, которую никогда не следует выставлять напоказ в салоне или где-либо еще с флуоресцентным освещением. Когда-либо. За исключением кабинета врача, с которым

ничего нельзя поделаться.

Она кладет что-то тонкое поверх воска. Затем похлопывает по нему ладонью. И похлопывает еще немного. И поскольку с тех пор, как я была подростком, я добросовестно корректировала брови воском каждые шесть недель, как по маслу, я знаю, что будет дальше. Я готовлюсь к этому. И готовлюсь. И задерживаю дыхание и снова готовлюсь к этому.

И тогда это происходит.

Срыбыыыыыыыв.

На секунду комната буквально расплывается. Я думаю, что у меня действительно может быть аневризма из-за раскаленной добела боли. Я даже едва могу ясно видеть.

— Срань Господня! — я вскрикиваю. Теперь я хватаю Сару за руку и впиваюсь в нее ногтями.

— О, так теперь ты хочешь подержать меня за руку? — с интересом спрашивает Сара. И с ноткой ехидства.

— Нет, — рычу я. — А теперь я хотела бы оторвать тебе руку. Точно так же, как из-за тебя мне только что вырвали волосы на лобке. Это вполне уместно, тебе не кажется?

Она качает головой.

— О, Элли. Ты действительно королева драмы. Теперь я знаю, откуда это у Софи. Ты выживешь, поверь мне.

— Я наверняка, — уверенно говорю ей. — Но я сомневаюсь, что ты — да.

Сара закатывает глаза, когда наносится второй слой воска.

Похлопывание, похлопывание, похлопывание.

Я съеживаюсь, готовясь.

Срыбыыыыыыыв.

Я снова вскрикиваю. И еще глубже впиваюсь ногтями в руку Сары. Если это возможно, это было хуже, чем в первый раз.

— О, святые карликовые обезьяны, — стону я, отчаянно желая обнять свою вагину и спеть ей.

Прости, моя милая, говорю про себя. Я знаю, что обещала, что не причиню тебе вреда. Это была ее идея. Не моя.

— Элли, с тобой все будет в порядке, — нетерпеливо говорит Сара. — За красоту приходится платить.

Однако теперь я слышу нотку сочувствия в ее голосе. Из-за этого я задаюсь вопросом, не истекаю ли я кровью.

— Не сейчас, Сара, — говорю я сквозь стиснутые зубы. — Я приношу извинения своей вагине.

Девушка-восковщица теперь громко смеется, и я свирепо смотрю на нее. Она мгновенно отводит взгляд и наносит еще немного воска.

Святое овечье дерьмо.

— Сколько кругов воска обычно требуется для этого? — наконец мне удастся спросить.

Похлопывание, похлопывание, похлопывание.

Срыбыыыыыыыв.

Сейчас я буквально покрываюсь потом. Мне кажется, я также побледнела, как будто весь цвет сошел с моей кожи. Очевидно, эта девушка-восковщица из ада забрала мой пигмент вместе с моим лобком.

— Я не знаю, — жизнерадостно отвечает Восковая девушка из Ада. — Несколько.

Семь раундов спустя я промокла насквозь, до костей. Пот струится по лбу, и мне кажется, что меня неудержимо трясет. Я также мысленно плачу.

Девушка-восковщица наконец говорит мне:

— Ладно, этого должно хватить. Переворачивайтесь.

Я оборачиваюсь и смотрю на нее.

— Переворачиваться??

— И раздвиньте ягодицы.

Мне кажется, я падаю в обморок.

Я делаю это.

Я определенно падаю в обморок.

Потому что, когда я просыпаюсь, меня переворачивают на живот, а Сара придерживает мои ягодицы раздвинутыми.

— Что за черт? — я вскрикиваю, пытаюсь встать.

— Сделай это! — Сара кричит девушке-восковщице. — Поторопись!

Срыбыыыыыыыв.

Возможно, я никогда больше не смогу ходить.

(Или: Есть причина, по которой Бог создал бритвы)

— Не могу поверить, что ты сделала это со мной, — стону я, ковыляя к машине Сары. Слава богу, она сказала мне не надевать джинсы. Я бы не смогла сейчас терпеть, чтобы что-то терлось о мою девочку. И под девочкой я, конечно же, подразумеваю свою вагину.

Сара, сама мисс мазохизм, бодро шагает впереди, как будто у нее только что не выдернули все волосы на лобке.

— Я также не могу поверить, что это не причинило тебе такой боли, как мне, и что ты также раздвинула мои ягодицы голыми руками. Что с тобой не так??

Я пытаюсь свирепо посмотреть на нее, но мне мешают стреляющие боли, исходящие из области моего влагалища, когда я пытаюсь сесть в машину Сары.

— Оуууууууу! — Вою я. — Срань господня, кажется, я сейчас умру. Как я буду завтра сидеть в своем офисном кресле?

Я осторожно переворачиваюсь на бок, ненадежно балансируя на одной ягодице, стараясь избежать любого давления на свои интимные места.

Сара бросает на меня взгляд.

— После первого раза уже почти не так больно, — говорит она мне. — И я раздвинула твои ягодицы, потому что подумала, что будет лучше, если она закончит, пока ты в отключке.

— Да! — Я шиплю. — Я потеряла сознание. Разве это не должно было тебе о чем-то сказать? Может быть, это слишком больно, чтобы продолжать? Оууууууу! — Я снова вою.

К этому времени прохожие уже с беспокойством смотрят на нас. Я поднимаю окно.

Сара включает радио погромче, чтобы не слышать моих жалоб.

А потом я сдаюсь и вместо этого внутренне рыдаю всю оставшуюся дорогу до своего дома.

— Увидимся за ланчем? — весело спрашивает Сара, когда я осторожно вылезаю из ее машины и направляюсь к своему дому.

Я рычу в ответ, и она уезжает.

Я ковыляю в свой дом, достаю пакет замороженного горошка и падаю на диванчик в гостиной, крепко зажав пакет между ног.

Поскольку все лампы в доме выключены, я предполагаю, что Софи пошла вниз по улице к дому своей лучшей подруги Хейли. Какое-то время я буду в безопасности, лежа вот так.

Я закрываю глаза.

И я, должно быть, засыпаю, потому что меня будит мужской голос.

— Элли, ты в порядке?

Мои глаза распахиваются, и я обнаруживаю Шейда, стоящего надо мной.

Я в замешательстве.

— Мне это снится? — сонно спрашиваю я. Он улыбается, как ангел или что-то столь же прекрасное.

— Нет. Я написал тебе сообщение. Я оставил свои часы у твоего бассейна — я только сегодня это понял. Я писал тебе несколько раз, но ты не отвечала, поэтому я написал Софи и спросил, могу ли я заехать и забрать их. Я надеюсь, что все в порядке. Я увидел тебя из окна, поэтому просто вошел в твою дверь. Она была открыта.

Что за черт? Люди могут видеть из окна, как я лежу здесь с горошком на промежности???

Я с тревогой смотрю в ту сторону и быстро сажусь, морщась при этом от боли.

— Что не так? — с беспокойством спрашивает Шейд, наклоняясь, чтобы осмотреть меня.

— Не надо, — я смущенно отталкиваю его. — Ничего особенного.

Мои щеки пылают, и я умираю от смущения. Прекрасному, идеальному Шейду не нужно знать, что я только что сделала со своим влагалищем.

— Ты сделала бразильца, не так ли? — со знанием дела спрашивает он, выпрямляясь.

Поправка. Раньше я только думала, что хочу умереть. На самом деле, я хочу умереть прямо сейчас.

Я жалобно киваю.

Он качает головой и подхватывает меня на руки, с легкостью меня держа.

— Как пройти в твою спальню? — спрашивает он. Я показываю, и он несет.

— У тебя есть алоэ? — спрашивает он, осторожно усаживая меня на кровать.

Я киваю.

— В шкафу в прихожей.

Он уходит за ним и закрывает за собой дверь моей спальни, когда возвращается.

— На случай, если Софи вернется домой, — объясняет он.

Хорошая идея.

Он снова подходит ко мне и наклоняется, осторожно приподнимая мою юбку. Самыми легкими, как перышко, прикосновениями он наносит алоэ. И я действительно чувствую себя лучше.

Он выпрямляется.

— У тебя есть чай в пакетиках?

Я пристально смотрю на него. Что это за вопрос?

— На кухне, — неуверенно отвечаю я.

Он убегает. А потом возвращается через несколько минут с несколькими размокшими чайными пакетиками на блюдце. Я смотрю на него, подозрительно приподнимая бровь.

— Доверься мне, — говорит он. — Это заставит тебя почувствовать себя лучше. Нам просто нужно дать им немного остыть.

Он ставит блюдце рядом со мной, а затем осматривает мой бедный, лысый участок влагалища. И я должна признать, что это выглядит потрясающе, хотя по ощущениям это сущий ад.

— Было бы неплохо завтра купить немного масла чайного дерева, — говорит он мне, садясь рядом со мной. — Предотвращает появление вросших волос. Что заставило тебя это сделать?

Теперь ему любопытно, и он наблюдает за мной. Он также взял меня за руку и поглаживает мой большой палец. Я заставляю свое сердце биться медленнее. Очевидно, он привык прикасаться к людям, учитывая его профессию. Это не означает ничего особенного. Он просто пытается быть милым.

— Я не знаю, — бормочу я. — Ну, на самом деле я знаю. Сара уговорила меня на это.

Он кивает.

— Рыжеволосая подруга с той ночи?

Я киваю.

— Понятно, — бормочет он. Потом он снова смотрит на меня. — Тебе не нужно заниматься подобным дерьмом, Эллисон. Ты прекрасна такая, какая ты есть. Бог изобрел бритвы не просто так, а для использования. Тебе не нужно делать эпиляцию воском.

Я улыбаюсь в первый раз за этот вечер.

— Возможно, теперь я люблю тебя, — объявляю я. И он ухмыляется.

— Не слишком привязывайся, — говорит он. — Я никогда не влюбляюсь в клиенток.

И хотя он шутил, его слова задели меня за живое. Я клиент. Я плачу ему за то, чтобы он был добр ко мне. Что, черт возьми, я делаю?

Шейд смотрит на выражение моего лица.

— Я просто пошутил! — быстро говорит он. — Я имею в виду, я не встречаюсь с клиентами на личной основе... но...

— Все в порядке, — говорю я ему. — Тебе не нужно ничего объяснять. Кстати, как ты начал работать на этой работе?

Он откидывается на мои подушки и смотрит в потолок, на секунду прикусив губу, размышляя.

— Я не знаю. У меня был друг, который уговорил меня на это. Я парень, и, конечно же, мне нравится заниматься сексом. Это показалось мне хорошей идеей. Мой отец хотел, чтобы я занялся бизнесом, но я не думаю, что это для меня. Но я пока не знаю, чем хочу заниматься.

Я думаю об этом.

— Ты учился в колледже?

— Ага. Я получил высшее образование по специальности «Социология». Я не знаю, хочу ли я поступать в аспирантуру, но мой отец убежден, что мне нужна степень MBA.

Я смотрю вниз на его ногу, которая прижата к моей. Она крепкая и длинная.

— Тебе не нужна степень MBA, если ты не хочешь заниматься бизнесом, — говорю я ему. — Но ее не помешало бы иметь на случай, если ты, в конце концов, решишь пойти по этому пути. Ты молод. Сам с этим разберешься.

— Я знаю, — говорит он мне, поворачиваясь на бок и заправляя выбившуюся прядь моих волос за ухо. — Я уверен в этом. Мой отец — единственный, кто этого не понимает.

— О, он придет в себя, — рассеянно говорю я, глядя вниз на великолепное тело Шейда. Я все еще не могу до конца поверить, что прямо сейчас в моей постели такой сексуальный парень, как он, и я совершенно не в себе. Я проклинаю каждого бога секса, который только существует.

Шейд садится и тычет пальцем в чайные пакетики.

— Сейчас они достаточно остыли. Лежи спокойно.

Он устраивает влажные, комковатые мешочки на моем лысом, совершенно лысом влагалище.

— Дай им немного полежать, — инструктирует он. — Что-то в них успокаивает кожу. Я не могу вспомнить почему. Но я точно знаю, что это работает.

— Хорошо, — отвечаю я, потому что, честно говоря, мне уже лучше. — Знаешь, это совершенно новое использование чая в пакетиках.

Он смеется, на его лице появляется неподдельное веселье, отчего его великолепные глаза сверкают. Это напоминает мне о том, насколько он молод.

— Я должен уйти, пока Софи не вернулась домой, — говорит он. — Спасибо, что позволила мне забрать мои часы.

— Спасибо, что втер алоэ в мое влагалище, — отвечаю я.

Он ухмыляется.

— Удивительно, но это то, что я слышу не каждый день.

Я смеюсь, и тут звонит мой телефон.

Я начинаю тянуться за ним и вздрагиваю.

Шейд качает головой, поднимает его и протягивает мне.

— Алло? — Я отвечаю. Шейд делает движение в сторону ванной. Я качаю головой. Конечно, он может ей воспользоваться. Его пенис был внутри моего тела. Это не проблема, если он окажется и внутри моей ванной тоже.

— Эллисон? Это Брайан. С работы.

Я замираю.

О Боже. Только не сейчас. Серьезно??? Прямо сейчас, когда я лежу с обнаженными женскими частями, натертая алоэ и покрытая мокрыми чайными пакетиками, когда мой жиголо находится на расстоянии слышимости? Что за дурацкую шутку пытается сыграть со мной Судьба? Но, конечно, я этого не говорю.

— Привет, Брайан, — говорю я вместо этого.

— Эй, я надеюсь, что сейчас не самое неподходящее время. Но сегодня я думал о тебе. И я знаю, что после развода трудно вернуться. И я через это прошел. Так что я просто подумал, что могу пригласить тебя на ужин. Если хочешь.

Долгая пауза.

Это никак не может быть случайным совпадением. Но вопрос в том, как Сара добралась до него? Это дело ее рук. Я это чувствую.

Но что еще хуже, я чувствую нервозность Брайана. Он нервничает из-за того, что звонит мне, и я обнаруживаю, что не могу заставить себя отказать ему. Несмотря на то, что Шейд уже вышел из ванной и, прислонившись к дверному проему, с интересом наблюдает за мной.

— О... Эм. Да. Я бы с удовольствием. Просто дружеский ужин? Это будет весело.

Это была я, тонко намекающая на то, что это будет дружеская встреча.

Я надеюсь, он уловил суть.

— Абсолютно, — отвечает он с явным облегчением. — Просто дружеский ужин. В пятницу вечером?

— Конечно, — отвечаю я.

— Отлично. Мы можем обсудить детали позже. Хорошего вечера, Эллисон.

— Тебе тоже, Брайан.

Мы вешаем трубки, и я хочу выбросить свой телефон.

— Чертова Сара! — Я ворчу. Шейд выглядит еще более заинтересованным, поэтому я объясняю. И это его забавляет. Меня не очень.

— Это может быть весело, — уверяет он меня. — Поверь мне. Разве ты не собиралась назначить мне встречу в пятницу вечером?

Я смотрю на него, не понимая, к чему он клонит.

— Да. Но я все еще могу... Я просто сначала схожу поужинать.

Шейд кивает, в его голубых-голубых глазах вспыхивает озорной огонек.

— Ты обязательно это сделаешь, — говорит он, и я мгновенно начинаю нервничать.

— О чем ты думаешь? — Я спрашиваю. Если бы мне все еще не было так больно, я бы медленно отступала назад.

— Я собираюсь тебе кое-что прислать, — говорит он мне. — Это будет весело. Я хочу,

чтобы ты надела это, когда пойдешь на свидание с Брайаном — перед тем, как придешь ко мне. Ты обещаешь?

Я пристально смотрю на него.

— Я не знаю. Ты обещаешь, что мне это понравится? И мне это подойдет?

Он кивает, его глаза сверкают.

— О, я обещаю... и то, что тебе это понравится, и то, что оно тебе подойдет.

— Хм. Хорошо. Тогда я не могу сказать «нет» этому.

Он удовлетворенно улыбается.

— Отлично. Увидимся в пятницу. Я тебе приснюсь.

— Хорошо — Я усмехаюсь его самоуверенности.

Он уходит, и я закрываю глаза.

О чудо, позже той ночью, когда я наконец ложусь спать после возвращения Софи домой, мне действительно снится он.

И это не сны рейтинга PG-13, также.

Моя вагина решила, что она меня ненавидит.

Это очень верно и очевидно.

Я просыпаюсь с ощущением, что моя промежность все еще горит. Как бы. На самом деле все в порядке, пока оно не трется обо что-нибудь. Например, ткань, или стул, или простыня, или вообще что-нибудь. Это немного неудобно, так как я не могу ходить на работу голый.

Я стону, когда вхожу в душ, представляя, какой у меня будет день.

А потом я кричу, когда горячая вода стекает по моему влагалищу. С таким же успехом она может быть кипящей.

Холодная вода!

Холодная вода!

Холодная вода!

Мой мозг кричит на меня, и я вожусь с водой, переключая ее полностью на холодную. Что, конечно, заставляет меня кричать и подпрыгивать, когда я пытаюсь настроить его на более теплую температуру, при которой я действительно могу стоять, пока мою голову.

Из-за всей этой суматохи, конечно, Софи вбегает в мою ванную.

— Ты в порядке? — кричит она. — Ты что, упала?

— Я в порядке! — Я отвечаю. — Только что меня до смерти ошпарило потоком горячей воды. Все в порядке. Иди, собирайся в школу. Но послушай, ты не могла бы поставить чайник на плиту, когда будешь возвращаться через кухню?

— Хорошо, — отвечает она, уже поворачиваясь. Ее забота о моем благополучии ошеломляет. У меня здесь могли бы быть ожоги первой степени, и ей было бы все равно.

Сегодня я собираюсь быть стервой. Я уже могу это сказать. Это просто один из таких дней.

Я принимаю самый короткий душ в истории человечества, затем вытираюсь полотенцем, прежде чем отправиться на кухню и приготовить чашку чая из шести пакетиков. Я макаю их несколько раз, затем выкладываю на блюдце остывать точно так же, как я наблюдала, как Шейд делал это прошлой ночью.

Я возвращаюсь в свою комнату и надеваю черную юбку-карандаш и ярко-розовую шелковую блузку. У меня есть идеальная пара каблучков в тон ей. К этому времени мои

чайные пакетики достаточно остыли, поэтому я задираю юбку до талии, ложусь на спину на кровать и покрываю промежность мокрыми пакетиками.

А-а-а-х. Если бы моя вагина могла словить нирвану, это могло бы быть именно так. Что ж, в любом случае, сегодня это ее Нирвана. Моя вагина — довольно капризная маленькая штучка.

Я вспоминаю, как Шейд заботливо раскладывал пакетики для меня прошлой ночью, его длинные пальцы просто так передвигали их, когда я слышу торопливый голос.

— Привет, мам, мне нужны деньги на обед...

Софи врывается в мою комнату и резко останавливается, в ее взгляде — бесценная помесь ужаса и шока. Я уверена, что это отражает мое собственное выражение лица. Я пытаюсь сесть и одергиваю юбку, и в этот момент мокрые чайные пакетики рассыпаются по белому ковру моей спальни.

Я не уверена, что делать в первую очередь, поднять их, пока они не испачкали все, или попытаться объяснить моей дочери, что она только что увидела.

— Эм. — Я наклоняюсь, чтобы поднять пакеты, и Софи качает головой.

— Ты такая странная, мам.

И она выходит обратно.

— У меня в бумажнике есть деньги! — Я окликаю ее.

Никакого ответа.

Я, наверное, напугала своего ребенка на всю жизнь.

Я хватаю свой мобильный телефон и отправляю сообщение Саре.

Я так ненавижу тебя прямо сейчас.

Я бегу трусцой по коридору за губкой, затем вытираю пятна от чая на ковре. Из-за всего этого фиаско, которое произошло из-за Сары, у меня есть всего несколько минут, чтобы накраситься и провести расчёской по волосам. Сегодня утром у меня встреча, и я не могу опоздать, потому что я почти уверена, что Алекс будет присутствовать.

Сегодня я решаю не надевать чулки или даже трусики. Я не могу поверить, что делаю это, но я не могу допустить, чтобы что-то касалось моей девочки. Я просто не могу. Если бы мне не было так больно, я бы чувствовала себя неприлично из-за того, что хожу на работу без трусиков.

Как бы то ни было, я просто чувствую раздражение. Когда я сажусь в свою машину, я аккуратно укладываю свою Лысую Бразильянку так, чтобы она не терлась о мое сиденье. Мой телефон жужжит. Это Сара.

Это говорила твоя вагина, а не ты сама. Ты любишь меня. Ты должна. Потому что я знаю все твои секреты.

Я вздыхаю. В ее словах есть смысл.

Отлично. Моя вагина ненавидит тебя, — отвечаю я.

У меня даже нет времени остановиться и выпить кофе по дороге на работу, что определенно не сулит ничего хорошего моему дню.

Проходя мимо Тейлор, я рычу:

— Мне нужен кофе.

Она бросает один взгляд на мое лицо и вскакивает на ноги, предположительно, чтобы найти мне что-нибудь. Я люблю эту девушку. Она так хорошо меня знает. И еще, она не хочет мириться со мной без кофеина. Я знаю, что многое из этого, правда, потому что я тоже не хочу мириться с тем, что я без кофеина.

— Элли, — зовет она меня из-за спины, но я игнорирую ее. Я сейчас совершенно не в настроении для чего-либо, пока не выпью хотя бы две чашки.

— Я пока не в настроении, — отвечаю я, открывая дверь своего кабинета.

Обычно я не такая стерва, но оголенная промежность способна сотворить такое с человеком.

Я вхожу в свой кабинет и останавливаюсь.

Алекс небрежно сидит на диване, задрав ногу на ногу, и читает «Уолл-стрит Джорнал». Я пристально смотрю. Он поднимает взгляд. Рядом с ним стоят две чашки из местной кофейни. На нем черные брюки в тонкую полоску и белая рубашка на пуговицах. Он выглядит свежим и красивым, и очевидно, что он определенно не страдает от оголенной промежности.

И, срань господня. Сара была права. Насколько это скучно, определенно зависит от того, кто носит белую рубашку на пуговицах.

Этот наряд на пуговицах совсем не скучный. Когда она вот так перекинута через два сильных плеча, как это может быть скучно?

Алекс улыбается.

Это красивая улыбка, от которой в уголках его великолепных глаз появляются морщинки.

— Я рискнул и попытался угадать, возможно, вам нравится кофе «Кона», — весело говорит он, протягивая мне одну из чашек. — Сахар и сливки. Мне жаль, если это неправильно.

— Благослови вас господь, — говорю я, жадно выхватывая чашку из его пальцев. Я сдерживаюсь, чтобы не проглотить его в два глотка. Вместо этого я потягиваю его, как подобает леди. То есть дама, которая две недели блуждала по пустыне и готова умереть от жажды.

Алекс смеется.

— Плохое утро?

Я опускаю чашку. Если я признаю это, он может подумать, что я все-таки не могу справиться с личным стрессом. И я не могу рассказать ему о своих проблемах с вагиной.

— Эм. Просто уже много дел, — говорю я ему.

— Что ж, не буду вас задерживать. Я просто хотел сказать вам, что сегодня я буду присутствовать на собрании вашего персонала. Я просто хочу получить представление о вашем департаменте. Ничего особенного. Я просто не хотел, чтобы вы удивлялись.

Я улыбаюсь. Теперь, когда кофеин циркулирует по моим венам, я чувствую себя прекрасно.

— Все в порядке. Я ожидала, что вы присоединитесь к нам сегодня, и, очевидно, мы рады вам в любое время. Есть ли что-то конкретное, о чем вы хотите, чтобы мы рассказали?

Алекс качает своей сексуальной головой.

— Нет. Просто продолжайте заниматься своими делами, как обычно. Если у меня будут вопросы, я задам.

Он берет свой журнал и уходит. Едва он уходит, как я звоню Тейлор. Она входит, и я приятно улыбаюсь.

— Есть ли какая-то причина, по которой ты не упомянула, когда я проходила мимо вас, что наш новый босс ждет меня в моем кабинете?

Она улыбается в ответ, как дерзкая девчонка, которой она и является.

— Да. Вы сказали, что пока не в настроении.

Я делаю четыре глубоких вдоха и мысленно беру свой степлер и бросаю его в ее улыбающуюся голову. Она улыбается шире, как будто знает мои мысли.

— В будущем, — говорю я спокойно, все еще улыбаясь, — пожалуйста, дай мне знать, когда Алекс Харрис будет ждать меня, даже если я скажу, что не в настроении это слышать.

Она весело кивает.

— Будет сделано, босс. Должна ли я также всегда говорить Вам, есть ли у Вас помада на зубах?

Я киваю в ответ.

— Конечно.

Она улыбается.

— Помада на зубах.

— Сукин сын! — огрызаюсь я, вспоминая, как широко улыбалась Алексу. Я яростно тру зубы пальцем, как зубной щеткой. Почему, о, почему из всех гребаных дней именно сегодня мне пришлось накрасить губы ярко-розовой помадой?

Я обнажаю перед ней зубы, как лошадь.

— Она пропала?

Она кивает ровно в тот момент, когда Алекс возвращается в мой кабинет. Он резко останавливается и смотрит на мой лошадиный рот, затем смеется.

— О, хорошо. Я вижу, ваша помощница рассказала вам о помаде. Я не был уверен, должен ли я или... — он замолкает, и я жалею, что не могу раствориться в полу.

Тейлор выскальзывает обратно, ее худые плечи трясутся, и я слышу, как она смеется за своим столом. Я делаю мысленную пометку убить ее позже. Сразу после того, как я прикреплю степпером кончики ее пальцев к столу.

Я смотрю на Алекса.

— Мне жаль. Это было необычайно беспокойное утро. Я забыла проверить свою помаду в машине. И да. Отвечая на ваш вопрос, любая женщина была бы благодарна, если бы вы сказали ей, что у нее на зубах помада. Или о чем-нибудь еще, что она забыла проверить.

Он кивает и улыбается.

— Тогда принято к сведению. С этого момента, если я замечу что-то подобное, я скажу вас. Я просто никогда не знаю, что может кого-то обидеть.

Он такой теплый человек. Это немного удивительно, поскольку он занимает такой важный пост. Но я могу сказать, что он любит шутить и смеяться. И я люблю таких людей. Так что соедините это с его сногсшибательной внешностью, и у меня могут возникнуть серьезные проблемы.

— О, меня нелегко обидеть, — обещаю я ему. — Серьезно, вы можете относиться ко мне как к одному из парней. Просто притворитесь, что у меня нет яичников.

Он приподнимает бровь.

— Эм, ладно. Я попробую это сделать. Однако я возвращался для того, чтобы узнать, есть ли у вас досье на нашего нового клиента, Малочека? Я бы хотел просмотреть его.

— Конечно, — говорю я ему. Я позвонила Тейлор и попросила ее принести досье. Она вбегает через пару минут и вручает его мне, а я передаю его Алексу. Наши пальцы соприкасаются, и я чувствую разряд воображаемого электричества. Он смотрит на меня, казалось бы, ничего не замечая.

— Отлично, — говорит он. — Увидимся через несколько минут.

Я собираю кое-какие вещи и затем следую за ним, направляясь в конференц-зал. Я с болью ощущаю свою ободранную промежность. К сожалению, действие чайных пакетиков длится не так долго. Если бы я могла хромать, не привлекая к себе внимания, я бы так и сделала.

Как бы то ни было, я чопорно вхожу и сажусь на свое обычное место.

Алекс садится напротив меня, и я беру ручку, чтобы делать заметки. Я начинаю совещание, как обычно, и позволяю различным менеджерам высказаться по различным вопросам, текущим проектам и так далее. Все это время я неловко ерзаю на своем сиденье, слегка раздвигая колени, чтобы прохладный воздух коснулся моей девочки.

Я слушаю, как говорят Джек, Херб, Анджела и Марла. Я спрашиваю, есть ли какие-либо проблемы, о которых мне нужно знать. Я молча молюсь, чтобы этого не произошло. Все качают головами. Как и я, они просто хотят заняться своими делами и закончить эту встречу. Хотя, я уверена, не по той же причине. Итак, я улыбаюсь и поворачиваюсь к Алексу.

— Не хотели бы Вы завершить встречу?

И я удивляюсь, когда обращаюсь к его сгорбленной спине, потому что он копается под столом. Я делаю паузу, и он возвращается с ручкой в руке, его щеки слегка покраснелись, вероятно оттого, что он был перевернут.

— Что? — спрашивает он, по-видимому, взволнованный.

— Я спросила, не хотели бы Вы закончить встречу? — Вежливо повторяю я.

— Ой. Эм, нет. У меня есть пара вопросов к Хербу и Анджеле, но я зайду к вам в офис позже. Всем хорошего четверга!

Все хватают свой кофе и блокноты и опрорхметью бросаются к двери. За исключением Алекса. Он остается на месте и после того, как все остальные уходят, поворачивается ко мне. Я не знаю, что и думать о выражении его лица. Это отчасти забавляет, отчасти смущает, отчасти шокирует. Я заинтригована и жду, когда он заговорит.

— Помните, вы сказали, что если Вы когда-нибудь снова что-нибудь забудете, не стесняйтесь сказать Вам, потому что Вы не обидитесь?

Я киваю, сбитая с толку.

— Да, поскольку это было только сегодня утром, я действительно это помню.

Он улыбается.

— Отлично. Потому что Вы, кажется, забыли сегодня нижнее белье, и я подумал, что Вам, возможно, захочется знать.

Он берет свой кофе и неторопливо выходит из конференц-зала.

И я серьезно хочу, черт возьми, умереть.

(Или: Смущение — это вино, которое лучше подавать холодным)

Я так быстро, как только могу, возвращаюсь в свой офис и беру телефон. Я печатаю так быстро и яростно, что у меня даже болит палец, когда я набираю текст.

«Ты. Я. Вино. Мой внутренний дворик. Сегодня вечером».

Я отправляю это Саре.

А потом я добавляю: *«Тебе повезло, что я не наняла киллера».*

Я стараюсь весь день оставаться в своем офисе, насколько это возможно, по двум причинам:

1) Потому что у меня слишком сильно болит промежность, чтобы ходить;

2) Потому что я умру, если мне придется прямо сейчас посмотреть Алексу в глаза.

Я пытаюсь решить, как лучше всего с этим справиться. Я не могу поверить, что он увидел мои изящные женские штучки из-под стола, и я совершенно подавлена. Алекс подумает, что я помещана на мастурбации. И я не могу поверить, что он вообще что-то сказал! Но, честно говоря, я действительно сказала ему, что никогда не обижаюсь. И это отчасти правда.

Я не обижаюсь.

Я унижена. И в этом есть разница.

Боже милостивый.

Я удобно устраиваюсь на своем месте, не думаю об упомянутых изящных женских штучках. Я посмотрела в Интернете, когда мне ждал, что боль утихнет. В большинстве статей говорится, что боль должна была уменьшиться уже после первой ночи.

Враньё.

Я съеживаюсь, когда двигаюсь.

Это ужасно.

Абсолютно, черт возьми, ужасно. И это последний раз, когда я слушаю Сару. Когда-либо.

Мою жалостливую вечеринку прерывает Тейлор, тихонько стучащая в мою дверь.

— Привет, босс, — говорит она, входя раньше, чем я отвечаю. — Это только что доставили. На нем написано «личное», поэтому я его не открывала.

Она держит маленькую коробочку с карточкой. Ей явно любопытно. Как и мне.

Я беру ее у нее и начинаю открывать открытку, прежде чем понимаю, что она ждет, чтобы увидеть, что это такое. Я приподнимаю бровь.

— Спасибо, — говорю я ей.

— О, без проблем, — отвечает она. Она остается на месте, все еще ожидая.

— Это все, — говорю я, снова намекая.

Она смотрит на меня.

— О! — ее глаза расширяются. — Хорошо.

Она разворачивается и выходит с растерянным выражением на лице. Я могу понять ее замешательство. Она практически разделила каждую часть моей жизни с тех пор, как приехала сюда. Она следит за моим календарем (включая посещение врача) и открывает всю мою почту, включая судебные документы о разводе. Раньше никогда не было ничего с пометкой «Личное». Она умирает от желания узнать, что это такое. И я тоже.

Я открываю карточку. Уверенный почерк написан на льняной открытке.

«Элли Кэт,

Ты сказала, что не была уверена, чего хочешь. Поэтому я решил, что тебе нужно установить контакт со своей внутренней извращенкой. Тебе нужно время от времени расслабляться. Это весело. И это хорошо для тебя.

Надень ЭТО на свое свидание завтра вечером. Пульт дистанционного управления будет у меня с собой. Напиши мне, где ты будешь. Я тоже буду «там».

ХХ, Шейд»

Я сразу начинаю нервничать, когда открываю маленькую белую коробочку. И правильно, я и должна.

Длинное серебряное яйцо выскальзывает из салфетки и попадает мне в пальцы. Оно прохладный на ощупь и тяжелое. Я смотрю на это мгновение, прежде чем понимаю, что это такое.

Это вибратор. И он предназначен для внутреннего ношения.

О, милая Мэри.

Я качаю головой, как будто Шейд прямо сейчас здесь, со мной. Я этого не надену. Я не буду этого делать.

Мой телефон жужжит.

«Ты получила мой подарок?», — Шейд.

Теперь я практически задыхаюсь. Как от подарка, так и от мысли, что Шейд прислал его и ожидает, что я им воспользуюсь.

«Да». Я отправляю ответное сообщение. *«И ни за что на свете».*

Наступает пауза. Затем последовал ответ.

«Ты сделаешь это. Потому что ты смелая и веселая».

Я делаю паузу.

Неужели я? Дерзкая, ну, или как ты выразился «смелая» и веселая?

Может быть, когда-то давно, еще до Рика Мудака. Но быть замужем за ним высосало все удовольствие из жизни. И из меня.

Но ты больше не замужем за ним, напоминаю я себе. Дерьмо. Действительно ли мне нужно это делать, чтобы доказать, что я все еще смелая и веселая? Я имею в виду, что я уже сделала бразильскую эпиляцию и занималась сексом с жиголо. Но, честно говоря, перед лицом всего этого это сущая мелочь. Верно? Это всего лишь крошечный вибратор. Насколько сильное влияние это могло бы оказать?

Я вздыхаю.

Отлично. Я отвечаю. *«Я сделаю это. Я пришлю тебе информацию позже».*

«Подумай обо мне сегодня днем», — отвечает он.

Я качаю головой и убираю телефон. Я не могу продолжать в том же духе на работе. Мне нужно сосредоточиться.

Сразу после того, как я пойду в ванную и приложу кусочек льда к промежности.

К полудню и тремя кусочками льда позже Лысый бразилец/ Bald Brazilian (которого я ласково окрестила Би Би) чувствует себя на удивление лучше. Очевидно, веб-сайты, на которых говорилось, что боль должна утихнуть в течение двадцати четырех часов, были правы. Это не делает меня менее раздраженным из-за Сары, но все же. Приятно снова нормально ходить и находиться в вертикальном положении.

Брайан, однако, ведет себя странно рядом со мной, и именно поэтому я в первую

очередь не хотела встречаться с кем-то с работы. И я также понимаю, что так и не докопалась до сути того, как Сара уговорила его пригласить меня на свидание.

Поэтому я совершаю небольшое путешествие в его офис, который, так уж случилось, расположен на втором этаже в бухгалтерии. Как и я, он исполнительный директор, и у него угловой офис.

Когда я вхожу, он сидит, уткнувшись в электронную таблицу. Я вздыхаю.

Это одна из причин, почему я знаю, что мы с ним никогда бы не поладили. Он разбирается в цифрах. Я творческая девушка. Я общаюсь с ним, когда мне нужно узнать его мнение о цифрах для моих проектов, но в остальном мы даже не встречаемся в одних кругах. Мы думаем по-разному. К тому же у него на груди небольшое кофейное пятно.

И да, сегодня я стерва. Но я знала, что мне предстоит пережить этот день. И это, вероятно, означает, что вместо этого мне следует называть свою вагину «Лысая сучка/Bald Bitch». Это гораздо более уместно. К тому же, мне это нравится. Это заставляет меня чувствовать себя смелой.

Мы с «Би Би» садимся, и я немного болтаю с Брайаном, который скучный, но все равно милый. Я настаиваю на том, что нет никаких причин вести себя странно, что мы просто собираемся поужинать как друзья. Он улыбается и изображает облегчение, а затем признает, что я его устрашаю.

— Я Вас устрашаю? — повторяю я, глядя на него в замешательстве. — Тогда зачем, черт возьми, Вам понадобилось приглашать меня на свидание? — Я делаю паузу, затем улыбаюсь. — Я забыла. Моя подруга Сара добралась до Вас. Скажите мне, Брайан. Как именно она это сделала?

— Она подружилась со мной онлайн, — несколько застенчиво признается Брайан. — Она очень милая.

— О, это определено так, — соглашаюсь я. — Особенно когда она чего-то хочет.

— Она сказала, что просто хочет, чтобы Вы чаще гуляли, — пожимает плечами Мозговитый Брайан, улыбаясь своей вялой улыбкой. — Она беспокоится о Вас.

Я пристально смотрю на него. Затем считаю до трех.

— Ну, в этом нет необходимости, не так ли? Мы с собираемся поужинать завтра вечером. И я в порядке. И, кстати, я с нетерпением жду ужина. Куда бы Вы хотели пойти?

Он выглядит озадаченным.

— Я не уверен, — отвечает он. — Что Вам понравится?

Я вздыхаю. Я думаю, Шейд был прав насчет меня. Я бы действительно хотела встречаться с кем-нибудь, кто возьмет на себя ответственность на некоторое время. Меня тошнит от необходимости принимать все решения, даже о чем-то таком маленьком, как ресторан.

— Как насчет «Манини» на двадцать первой улице? — Я предлагаю. — Я люблю итальянскую кухню.

— Я тоже, — говорит Брайан. Его лицо странно искажено, и я не могу точно сказать, улыбается он или гримасничает. Я предпочитаю верить, что это усмешка. — 6:00?

— Это прекрасно, — говорю я ему, все еще глядя на него, пытаясь принять решение. — Я просто встречу Вас там, так как мне нужно быть кое-где позже этим вечером.

Я оставляю Брайана разбираться с его цифрами.

И к настоящему времени, теперь, когда она больше не горит, я начинаю наслаждаться мягким ощущением «Би Би» при ходьбе. Возможно, во всей этой истории с Бразилией что-то

есть. Я чувствую себя чертовски сексуальной, зная, что у меня совершенно нет волос.

Я сумасшедшая стерва.

Я сумасшедшая стерва, которой удалось держаться подальше от моего нового босса до конца дня.

Я хвалю себя за этот подвиг, когда сижу на открытом воздухе в своем патио и жду прихода Сары. В данный момент у меня в холодильнике охлаждаются четыре бутылки красного «Москато», и я также делаю мысленную пометку купить холодильник для вина при первой же возможности. На самом деле это жизненная необходимость. Это потребность, а не бзик.

Мне нужна возможность иметь несколько бутылок вина, предварительно охлажденных при любой возможности, для таких вечеров, как этот. И опять же, это потребность, а не бзик. Очевидно.

Я откидываюсь на спинку шезлонга у бассейна и смотрю в темное небо с мерцающими белыми звездами. Я смотрю вокруг выложенного плиткой бассейна, на тихую рябь на воде, на водопад, который впадает в бассейн, на гидромассажную ванну, расположенную немного выше бассейна.

Горячая ванна.

Мои мысли замирают, отказываясь сделать еще один шаг мимо горячей ванны.

После проведенного дня я, очевидно, заслуживаю посидеть в горячей ванне. Я быстро решаю, что «Би Би» зажила достаточно, чтобы горячая вода не повредила. Я также, в своем слегка нетрезвом состоянии, решаю, что мне слишком лень совершить короткую прогулку до дома за купальным костюмом. Я быстро оглядываюсь по сторонам, решая, что забор высотой в три фута обеспечивает достаточное уединение, и снимаю одежду.

Я оставляю ее лужицей лежать у своего стула и голышом бреду по каменным плиткам к горячей ванне. Я беру бутылку вина и свой бокал... важные вещи. Я побеспокоюсь о несущественных вещах, таких как полотенца, позже.

Я включаю горячую ванну и вхожу в нее, и горячая вода пузырится вокруг меня, снимая стресс и беспокойство. Жара совсем не вредит «Би Би», за что она молча благодарит меня.

Я сижу по подбородок в воде, когда слышу, как Сара зовет меня.

Я поднимаю голову и машу ей рукой.

— Я не взяла с собой свой купальный костюм, — говорит она мне, стоя надо мной.

— Тебе он не нужен, — говорю я ей. — Здесь только ты и я. Я видела тебя обнаженной сотни раз до этого. — Мои мысли лишь немного расплываются после одной бутылки вина.

— Не нужен? — Сара приподнимает тонкую бровь. — Две голые женщины в одной джакузи? Что подумают твои соседи?

Ей, очевидно, все равно, так как она уже снимает с себя одежду.

— Что ж, мистер Дарнелл подумает, что выиграл в лотерею Леди Удачи, — говорю я ей с усмешкой. — Он всегда наблюдает за Софи и за мной, когда мы плаваем. Извращенец.

— Кстати, о Софи, где она? — спрашивает Сара, садясь в воду напротив меня. Она закидывает ногу на ногу рядом со мной и потягивает вино. Я чуть не говорю ей, что ей нужно побрить ноги, но передумываю. Она может решить, что мы также начнем делать эпиляцию ног воском, а это безумие.

— В доме Хейли, — отвечаю я вместо этого, отодвигаясь от щетины на ее ногах, чтобы она не поранила меня. — Они занимаются, а потом она просто останется на ночь. Я

свободна на эту ночь. Я просто могла бы переночевать здесь. Голая.

Сара снова пристально смотрит на меня.

— Срань господня. Что я с тобой сделала? Ты становишься дикой? Если так, то моя работа здесь закончена. — Она осеняет себя крестным знамением на груди, как будто благословляет это событие. Я закатываю глаза.

— Будь осторожна. Твои пальцы могут загореться, делая это, — я мило улыбаюсь, прежде чем продолжить. — После событий прошлой недели я решила, что в кои-то веки ты права. Я была слишком зажата в прошлом... всю свою жизнь. Я собираюсь начать с того, что мне на все насрать.

Теперь Сара пристально смотрит на меня.

— Мне кажется, я влюблена в тебя, девочка. Не выходи замуж за кого-то другого. После того, как ты посеешь свой дикий овес, ты сможешь выйти за меня замуж.

Она смеется, звонко и громко. Я тоже смеюсь и наполняю наши бокалы вином.

— Нет, не могу. Я не люблю тако. Помнишь?

Сара смеется.

— О, да. Я забыла. Детали.

Каким-то образом следующий час пролетает молниеносно. За четыремь бутылками вина я рассказываю Саре все о маленьком подарке Шейда, о том, как Алекс увидела мою обнаженную промежность, о том, что Алекс поразительно, умопомрачительно сексуален, и о том, что я все еще злюсь на нее за то, что Брайан пригласил меня на свидание.

— Я забыла о том, что злюсь на тебя, — рычу я, хмуря брови. Или мне кажется, что я их морщу. Я выпила столько вина, что у меня как бы онемели нос и лоб.

— О, неважно, — Сара отмахивается от моего беспокойства. — Ты же знаешь, что переживешь это. Потому что ты знаешь, что я права. Тебе понадобится практика, если ты собираешься встречаться со своим боссом. Это большой шаг, и он требует мастерства.

Я замираю, уставившись на нее.

— Сара, я не встречаюсь со своим боссом. Этого. Не. Случится. Пожалуйста, выслушай меня и вообще ничего не делай, чтобы попытаться устроить что-то подобное, хорошо? Я очень усердно работала, чтобы добраться туда, где я нахожусь. Теперь я одинокая женщина — сама по себе. Я не могу ставить под угрозу свою карьеру только потому, что этот мужчина воспаляет мои чресла.

Я хихикаю, потому что использую слово «чресла». А потом я снова пристально смотрю на нее.

— Я серьезно, Сара. Мне нужно, чтобы ты пообещала мне, что не будешь вмешиваться.

Она закатывает глаза.

— Как будто я могу вмешаться, — напевает она, поглаживая меня по руке. Я снова свирепо смотрю на него.

— Я серьезно.

— Ладно, — говорит она, по-видимому, уязвленная, откидываясь на спинку своего места. — Но ты недооцениваешь мою изысканность. Я удивительно утонченная.

— Неважно, — я снова закатываю глаза. — Ты утонченная, как восемнадцатиколесный велосипед.

В этот момент мой мобильный телефон решает зазвонить. Я окидываю взглядом долгий путь к столу, где оставила его вместе со своей одеждой. И я решаю, что это просто не стоит того.

Я делаю еще один глоток вина.

И тут мой телефон звонит снова.

Дерьмо.

— Это могла быть Софи, — бормочу я, гольшом выбираясь из джакузи и бегу трусцой за ним. К сожалению для меня, это не так.

— Элли?

Это чертов придурок Рик. Я вылезла из горячей ванны ради этого?

— Нам нужно поговорить. Мы с Ванессой собираемся пожениться в июне. Мы назначили дату вчера. Некоторое время назад она позвонила Софи и попросила Софи быть подружкой невесты, а твоя дочь накричала на нее. А потом повесила трубку. Тебе нужно поговорить с ней.

— С Ванессой? — Я в замешательстве. Возможно, это из-за действия вина. Я не уверена. И, возможно, это тоже действие вина, но какая-то часть меня шокирована и немного опечалена тем, что Рик уже назначил дату. Я не хочу его — это точно, но знать, что он так быстро бросил меня и женился повторно, немного обидно. Как будто я вообще ничего не значила.

— Нет, Эллисон, — вздыхает Рик. — С Софи. Ты должна объяснить ей, как важно чтобы она участвовала в моей свадьбе.

И мне надоело чувствовать себя обиженной. Во всяком случае, это был кратковременный экскурс в реальность.

— Что? Я не буду говорить об этом с Софи. Если ты хочешь, чтобы она присутствовала на вашей свадьбе, ты можешь взять трубку и позвонить своей дочери сам. Перестань позволять женщинам в твоей жизни заботиться обо всем. Она твоя дочь — тебе нужны с ней отношения. И это включает в себя разговор с ней.

— Почему ты такая сука, Эллисон? — рявкает Рик. — Я просто прошу о небольшой помощи. Я не думаю, что прошу слишком многого, учитывая, что я не подал в суд после того, как ты попыталась задавить мою невесту.

И теперь я взбешена. Я возвращаюсь в горячую ванну, потому что меня бьет дрожь.

— Ты что, с ума сошел? Я веду себя как сука? И ты действительно считаешь, что мог бы подать в суд? Если это действительно то, что ты хочешь сделать, делай это! — Я огрызаюсь. — Мне не нужно, чтобы ты думал, что оказал мне услугу, отказавшись. Ваш адвокат все равно уже пытался связаться со мной по этому поводу.

— Я сказал ему остановиться, — говорит Рик. — Но я мог бы с таким же успехом перезвонить ему и сказать, чтобы он продолжал.

Я бормочу, пытаюсь решить, что сказать, когда вмешивается Сара.

— Дай мне телефон, — невнятно произносит она. Я отстраняюсь, но прежде ей удастся отобрать у меня телефон.

— Послушай, ты, мелкий засранец. Ты заслуживаешь жениться на шлюхе-золотоискательнице. И я собираюсь сделать все, что в моих силах, чтобы убедиться, что Софи и близко не будет на вашей свадьбе. И твоя маленькая сучка на тонких ножках могла помять машину Элли. Она должна подать на тебя в суд за это. — Небольшая пауза.

— Черт возьми, да, это Сара! Кто, черт возьми, еще это мог быть? Не звони Элли больше с подобной чушью.

Я пытаюсь отобрать у нее телефон, но она вырывается.

— Я серьезно, Рик. Она не отчитывается перед тобой. И она больше не обязана тебе

помогать. Разбирайся со своим дерьмом сам.

И она вешает трубку. Она кладет мой телефон на плитку и поворачивается ко мне.

— Не позволяй ему больше так с тобой разговаривать, — наставляет она меня. — У него нет на это права.

Я безмолвно смотрю на нее, когда мой телефон звонит снова.

В глазах Сары вспыхивает огонь, и она прижимает мой телефон к уху.

— Ты хочешь еще, Крошечный Член? Оставь ее в покое. С этого момента связывайтесь с ней только через адвоката. Она ТАК скучает по тебе, что даже не хочет слышать твой голос. На самом деле, она настолько забыла о тебе, что тоже снова встречается. К твоему сведению, ее новый босс сексуален, сказочен и чертовски богат. Ты никогда не сможешь сравниться с ним.

Пауза.

Еще одна пауза.

Глаза Сары расширяются, и она протягивает мне телефон. Она лишилась дара речи, что само по себе ужасно. Я вопросительно смотрю на нее, поднося телефон к уху.

— Алло?

— Эллисон?

О, срань Господня. Я хочу, черт возьми, умереть.

Это Алекс.

Пришло время учащенно дышать.

(Или: Женщина может не пережить только одно лишь смущение)

— Эм. Привет, Алекс.

— Привет, Эллисон. — Мой новый босс, похоже, неуверен в себе, и я не знаю, что сказать.

— Скажи ему, что твоя подруга сумасшедшая! — кричит Сара мне в ухо.

Я отмахиваюсь от нее.

— Я сожалею об этом, — говорю я ему так спокойно, как только могу. — Мы с подругой пьем вино, вероятно, выпили слишком много, и минуту назад позвонил мой бывший муж. Моя подруга была взвинчена, и, очевидно, когда вы позвонили, она подумала, что это он перезванивает. Я так сожалею о возникшей путанице.

Я думаю, у меня это получится. Мой голос звучит спокойно и уверенно.

Алекс смеется, и этот маслянисто-насыщенный звук звучит у меня в ушах.

— Все в порядке. Я и раньше общался с пьяными женщинами. Я понял. И я рад, что могу помочь вам с вашим бывшим мужем. Он, по-видимому, ещё то удовольствие для общения.

Я вздыхаю с облегчением. Не похоже, что меня уволят из-за этого.

— В любом случае, мне жаль, что я звоню вам так поздно, — продолжает он. — Я просто думал о том, что сказал вам ранее после вашего собрания персонала, и решил, что это было неуместно, и хотел извиниться. Я искренне надеюсь, что я вас не обидел. Но теперь я думаю, что раз уж ваша подруга назвала меня крошечным членом, мы могли бы быть квиты.

Он смеется, и, не буду врать, дрожь пробегает у меня по спине. Возможно, я хочу искупаться в его смехе. Затем прижать его к стене и заняться с ним бурным сексом. И мне, наверное, больше никогда не следует пить столько вина.

— Это не проблема, — говорю я ему. — Я же говорила вам, меня нелегко обидеть. Кстати, я тоже приношу извинения за сегодняшнее утро. Я могла бы объяснить всю ситуацию в целом, но на самом деле это было бы неуместно. Давайте просто скажем, что обычно я не прихожу на работу без нижнего белья. Можем мы оставить все как есть?

Алекс снова смеется.

— Конечно. Я думаю, работать с вами будет очень интересно, — отвечает он, посмеиваясь.

— Простите, — снова говорю я ему. — Обещаю, обычно я веду себя очень профессионально.

— Не извиняйтесь, — твердо говорит он мне. — Я же говорил Вам, мне нравятся дерзкие сотрудники. Мы собираемся стать отличной командой. Спокойной ночи, Эллисон.

Он вешает трубку.

И я поворачиваюсь и свирепо смотрю на Сару.

— Есть ли еще какой-нибудь аспект моей жизни, который ты хотела бы попытаться разрушить? Может быть, ты хотела бы купить Софи жиголо и сделать так, чтобы она забеременела или что-то в этом роде?

Сара действительно выглядит огорченной.

— Мне жаль, Элли, — тихо говорит она. — Я действительно не хотела этого делать. Я думала, это был Рик.

Я вздыхаю.

— Я знаю. А ты просто пыталась быть хорошим другом. Но, черт возьми, девочка, с таким другом, как ты, кому нужны враги?

Я снова наполняю наши бокалы остатками вина, и мы откидываемся назад, склонив головы друг к другу. Сара поднимает ногу и начинает считать звезды носком ступни.

— Тебе лучше остаться здесь на ночь, — говорю я ей. — Тебе не следует садиться за руль.

— Ты совершенно права, сестра, — бормочет она.

По ее очень расслабленному лицу я могу сказать, что мне нужно срочно вытащить ее из горячей ванны, пока она не заснула. И именно это приводит к тому, что я вытаскиваю ее обнаженное тело из воды, когда мистер Дарнелл идет на свой задний двор выносить мусор.

На данный момент мне даже все равно. Я просто машу через плечо, игнорируя его ошеломленное выражение лица, и помогаю Саре зайти в мой дом.

Мы обе голые и промокшие насквозь.

Этот день просто не может стать хуже.

Но все становится только хуже.

Верно.

Ну, не то, чтобы хуже, но определенно неудобно. И немного весело (оглядываясь назад).

Вздых.

Поскольку я так устала после того, как я уложила Сару на одну сторону своей кровати и укрыла ее, я всего на секунду прилегла на другую сторону. Всего на одну секунду.

Но, очевидно, когда два человека распивают четыре бутылки вина, это как-то влияет на их чувство времени. Потому что, когда я открываю глаза, уже утро и Софи стоит надо мной.

— Доброе утро, милая, — бормочу я. Она приподнимает бровь.

— Наверное, так оно и есть, — говорит она. — Но, по-видимому, не так хорошо, как прошлой ночью. Почему вы с тетей Сарой голые в твоей постели?

Чееерт.

Я сажусь прямо и смотрю на Сару. Она крепко спит, тихонько похрапывая, и ее слюни стекают на мои дорогие простыни из матового египетского хлопка.

И она обнажена.

И я голая.

Я вздыхаю.

— Очевидно, все не так, как кажется, — говорю я Софи, тыча Сару под ребра.

— Конечно, нет, — хихикает Софи, поворачиваясь, чтобы выйти из комнаты. — Хорошего дня, мам. Я просто зашла забрать свой учебник по математике. Тебе лучше поторопиться. Ты опоздаешь на работу.

Я смотрю на часы, а затем вскакиваю с кровати, попутно срывая с Сары все покрывала.

У меня всего пятнадцать минут, чтобы собраться. Чееееееееерт.

— Сара! — кричу я, направляясь в ванную. — Вставай. Мы опаздываем.

Она садится и растерянно оглядывается по сторонам.

— Неужели мы напились, поехали в Вегас и поженились?

— Я смеюсь, когда включаю душ. — Ты наполовину права. Мы напились, ты обозвала Рика «членом», а потом назвала моего нового босса «крошечным членом». И мы живем в Вегасе.

Она выглядит шокированной, потом улыбается мне.

— Ну, тогда, тебе просто повезло, что твоя лучшая подруга такая крутая.

Я вздыхаю.

— Тащи свою крутую задницу в душ Софи. Мы опоздаем.

Она смеется и, спотыкаясь, идет по коридору, а я запрыгиваю в душ и пытаюсь придумать, как я сегодня посмотрю Алексу в лицо.

Это не так сложно, как можно было бы подумать.

И это, конечно, не так сложно, как я думала.

Алекс ведет себя так, как будто все совершенно нормально.

Он принес мне еще одну чашку изысканного кофе и оставил ее на моем столе вместе с запиской.

«Это я, начинающий все сначала.

Хорошего дня, А.Х.»

Я улыбаюсь этому, и я все еще улыбаюсь, когда Тейлор входит с кучей бумаг, которые требуют моей подписи.

— Почему Вы так улыбаетесь? — подозрительно спрашивает она. — Людей сегодня увольняют?

Я в ужасе смотрю на нее.

— Конечно, нет! И с чего бы мне улыбаться по этому поводу?

Она пожимает плечами, кладет папки передо мной и усаживается на стул, чтобы подождать.

— Я не знаю. Вы были немного, скажем так... раздражительны в последнее время. Люди это заметили. Все спрашивают меня, в чем проблема.

Ад.

Я вздыхаю.

— У меня нет проблем, — говорю я ей, беру ручку и начинаю просматривать стопку. — У меня просто была интересная неделя, и, возможно, я в странном настроении. Мне очень жаль.

Она пристально смотрит на меня.

— Что происходит? — с любопытством спрашивает она. — Тоня сказала мне, что Вы сегодня встречаетесь с Брайаном. Я сказала ей, что это ни в коей мере не может быть правдой, но она сказала, что Брайан сам рассказал ей об этом.

Я сдерживаю себя, чтобы не вздрогнуть. И я не могу этого отрицать, поскольку Тоня — ассистентка Брайана.

— Это правда, — печально признаю я. — Сегодня вечером мы ужинаем как друзья. Мы оба разведены, поэтому подумали, что было бы неплохо собраться вместе с кем-то, кто понимает, через что мы проходим. Как друзья.

— Слава богу, — выдыхает Тейлор. — Я думала, Вы сошли с ума.

Я подписываю свое имя на документе и поднимаю на нее взгляд.

— Нет. Мой разум не поврежден. Вероятно...

Она смеется, и я смеюсь вместе с ней. Она понятия не имеет, как далеко зашло мое здравомыслие на этой неделе.

— А что за дело, с тем, что Алекс приносит Вам кофе? — спрашивает она. — Наш старый вице-президент даже не выходил из своего кабинета. Алекс дважды приносил Вам кофе, и утром он приходит раньше Вас. Он, вероятно, злиться из-за того, что Вас здесь нет,

когда он приходит.

Я даже не поднимаю глаз.

— Я уверена, что он просто вице-президент другой породы, — говорю я ей. — Он энергичный и прогрессивный, в отличие от здешнего старого режима. Лично я считаю, что он — глоток свежего воздуха.

— Я рад это слышать, — раздается его голос от двери.

Я поднимаю глаза, и мое сердце учащенно бьется.

Мне следовало бы сказать, что он, потрясающе красив, как глоток свежего воздуха.

Потому что он такой и есть.

Сегодня он одет в черный костюм с белой рубашкой на пуговицах, расстегнутой у шеи, и без галстука. Ему удастся выглядеть официально и в то же время непринужденно. У него классические красивые черты лица, а его глаза, кажется, могут заглянуть прямо мне в душу.

Я должен заставить себя не забывать дышать.

А потом ответить ему.

— Привет, Алекс, — радостно говорю я. — Спасибо за кофе.

— В любое время, — отвечает он, входя и садясь в кресло рядом с Тейлор. Она ерзает, явно испытывая неловкость от того, что он услышал, как она сомневается в его поведении. Он замечает это и поворачивается к ней.

— Тейлор, верно? — ласково спрашивает он. Она кивает. — Я рано встаю. Я добираюсь сюда раньше всех. На самом деле, я здесь первый. Это просто привычка, и я, конечно, не ожидаю, что кто-то еще приедет так рано. Так что не беспокойтесь.

Он улыбается ей, и я вижу облегчение на лице Тейлор. Наряду с признанием его сексуальности. Этот мужчина излучает сексуальность, силу и изящество. Это опьяняет. Даже для меня, измученной разведенки средних лет. Затем мои мысли на мгновение замирают. Тридцать пять — это средний возраст? Черт возьми. Мои мысли в ужасе. Но я возвращаюсь в настоящее, когда Алекс поворачивается ко мне.

— У вас есть секунда? Мне нужно кое-что обсудить с вами.

— Конечно, — отвечаю я, протягивая Тейлор стопку подписанных документов. Она берет их и уходит, закрыв за собой мою дверь. — Спасибо вам за то, что вы так изящно справились с этим. Тейлор — отличный помощник. Она просто... любознательна.

Алекс улыбается.

— А вы хороший начальник.

Я не могу удержаться от ответной улыбки. Так случилось, что напротив меня сидит Бог бизнеса, выглядящий сексуально и безупречно и наполняющий мой офис своей неотразимой сексуальной привлекательностью. Если бы я сделала что-нибудь, кроме как улыбнуться ему в ответ, я бы сошла с ума. Вероятно, он мог бы уволить меня, и я бы улыбнулась в этот момент. Но, конечно, это не то, что он хотел обсудить со мной. На всякий случай я спрашиваю.

— Итак, что это за вещь, которую Вы хотите обсудить со мной?

Он откидывается на спинку стула, устраиваясь поудобнее и закидывая одну лодыжку на бедро.

— Я тут обдумывал одну идею. Я знаю, что я новичок, но эта штука не дает мне покоя. Мы обувная компания. Мы всегда были обувной компанией. Но у меня есть идея... совместно выпускать продукт с дистрибьютором, которого я знаю. Изготовление по индивидуальному заказу вставок для обуви для спортсменов. Мы бы извлекли выгоду из

обувного бренда «Zeller» и использовали то доверие потребителей, которое уже завоевано, для запуска этого продукта. Это отличный способ разнообразить наш продукт, не выходя слишком далеко из зоны комфорта. Что вы об этом думаете?

Я пораженно смотрю на него.

— Это настолько просто, что кажется гениальным, — признаю я. — Нам нужен еще один продукт в нашем арсенале. Вы проверяли это в отделе разработок?

Он уже качает головой.

— Пока нет. Я бы хотел ознакомиться с подробностями, чтобы мы могли провести анализ затрат и рисков, прежде чем предлагать это. На следующей неделе у меня назначена встреча с дистрибьютором, и я бы хотел, чтобы вы поехали со мной. Вероятно, мы сможем завершить поездку примерно за два дня. У вас получится это сделать?

Я киваю.

— Конечно. Спасибо вам за ваше доверие ко мне. Я ценю, что вы привлекли меня к этому проекту.

Он улыбается.

— Я же говорил вам... из нас получится отличная команда.

На минуту у меня потеплело на душе. Улыбка этого мужчины расплавляет мои внутренние органы. Я решаю, что мне следует получить надбавку за работу с ним, прежде чем я отвечу на его улыбку.

— Да, — отвечаю я ему. — Так и есть.

И прежде, чем я успеваю это остановить, мои мысли убегают от меня. Я представляю, как его полные губы прокладывают дорожку по моей шее, спускаются к ключице и останавливаются на моей груди, прежде чем он посасывает ее, а затем наклоняет меня над своим столом... а затем....

— Эллисон?

Я вытягиваюсь по стойке смирно, и мои щеки заливаются румянцем.

— Да?

— С Вами все в порядке? Вы покраснелись.

Я быстро киваю и встаю.

— Я в порядке. Я думаю, мне просто нужно позавтракать. Хорошего вам утра, Алекс.

Я выхожу и борюсь с желанием отправиться в комнату отдыха и сунуть голову в морозилку, чтобы остыла. Я сумасшедшая. Я безумная, похотливая женщина средних лет, которая просто фантазировала о своем боссе, сидя с ним рядом.

Но, честно говоря, Алекс Харрис — человек, который создан для фантазий.

Я не могу контролировать Мать-природу.

Каким бы сексуальным ни был Алекс Харрис, позже тем вечером, когда я готовлюсь к свиданию с Мозговитым Брайаном, мои мысли далеко от него.

И я серьезно должна перестать его так называть. Я не хочу случайно ответить ему: «Извини, я не расслышала этого, Мозговитый», — качаю головой и закатываю глаза. Он может быть скучным, и я не вижу ничего хорошего в нашем свидании, но я не хочу его обижать. Он милый парень, и он не может быть скучным.

И хотя я ужинаю с ним, я одеваюсь для Шейда.

Я изучаю себя в зеркале.

Сегодня вечером я чертова сирена. Я убрала все тормоза.

На мне черное коктейльное платье, облегающее во всех нужных местах, которое мягко ниспадает на два дюйма выше моего колена. На мне черные чулки до бедер и убийственные черные туфли-лодочки «Трахни меня». Seriously, эти туфли на десятисантиметровых шпильках завораживают. Они стоили 900 долларов, и я понимаю, они стоили того.

Я наношу немного ярко-красной помады и рассматриваю результат. Мои волосы каскадом ниспадают на плечи, мои дымчатые глаза идеальны... и, в общем, с легкой поволокой. Лично я считаю, что дымчатые глаза — самые сексуальные из всех глаз. Я отлично выгляжу. Даже я должна это признать. И осознание того заставляет меня чувствовать себя сексуальной.

Я пользуюсь духами на основе ванили, потому что когда-то давно где-то читала, что мужчинам это нравится. Предположительно, ваниль считается афродизиак. И я знаю, что плачу Шейду, но все же. Я бы хотела, чтобы он тоже был возбужден.

И почему я беспокоюсь об этом? Парню за двадцать. Я уверена, что у него пока нет проблем в этой области.

Я перекидываю вещи из своей обычной сумочки в изящную черную вечернюю сумочку, когда у меня звонит телефон. Шейд.

«Ты надела его?»

Дерьмо.

Я так долго откладывала вставку этого гладкого серебряного яйца, что буквально забыла о нем. Черт.

«Надену через минуту»

Я кладу телефон и ищу маленькую белую коробочку, которую спрятала в тумбочке у кровати. Я открываю его и смотрю на безобидную металлическую игрушку.

Это выглядит безобидно.

Так почему же это пугает меня?

Потому что в глубине души я ханжа, вот почему.

Да, на этой неделе я переспала с жиголом и воспользовалась вибратором, но это было впервые после того, как я всю жизнь была ханжой. От старых привычек трудно избавиться. Но я полна решимости изменить их. Я новая и усовершенствованная Эллисон, та, у кого нет страха. Та, чей молодой любовник называет ее Элли Кэт. Я непобедима. Непобедимая Элли Кэт. Практически супергероиня, реально.

Я улыбаюсь этому и, подхватив маленькое яйцо, несусь в ванную.

Думать обо мне таким образом, как Шейд поступает с самим собой, когда отделяет себя от Колби, становится легче. Днем я — Эллисон. Я ответственная, трудолюбивая и амбициозная.

Но по ночам, когда я не на работе, я — Элли Кэт. Я свирепая, смелая и веселая. И у меня чертовски лысая вагина. «Би Би» — это тоже весело.

Черт возьми.

Мои пальцы дрожат, когда я вставляю маленькую серебряную пулю в «Би Би».

Я выпрямляюсь и оцениваю ситуацию.

Я чувствую это там, легкое утяжеление. Но через мгновение я привыкаю к этому и больше ничего не чувствую. Это похоже на металлический тампон. Мое тело впитало это ощущение, и теперь его как будто вообще нет.

Но я уверена, что как только Шейд нажмет кнопку, он снова громко и отчетливо объявит о своем присутствии.

Я сглатываю и снова беру свой телефон.

«Ладно, я надела это»

Ответ Шейда последовал незамедлительно.

«Хорошо. Я не могу это проверить, потому что нахожусь вне зоны досягаемости. Но я скоро буду у «Манини». Твоя миссия сегодня вечером — испытать оргазм за столом со своим кавалером — и не дать ему об этом узнать»

Я сглатываю. Серьёзно?

Но даже сейчас, когда я колеблюсь, меня тоже охватывает легкая дрожь возбуждения. Это кажется таким неприличным. Потому что это так неприлично. И ты знаешь, что это значит? Я действительно смелая и веселая. Я больше не скучная Эллисон, которая слишком много лет оставалась замужем за неудачником. Теперь я Элли Кэт Непобедимая. И мне чертовски весело.

Я хватаю свою сумочку и направляюсь к двери.

(Или: Обучение Элли Кэт)

«Манини» — отличный ресторан для свидания, именно поэтому я выбрала его.

Здесь тусклое освещение, романтично и тихо. Единственным недостатком является то, что у них отличный хлеб, который полит чесночно-сливочным маслом. И это недостаток, потому что мне нужно найти в себе силы не есть этот хлеб, потому что позже я буду целовать Шейда.

Но я обладаю удивительной силой духа, напоминаю я себе. Я могу это сделать.

Я также могу выдержать такую скучную светскую беседу Мозговитого Брайана.

Потому что у меня есть сила духа.

— Итак, я недавно зарегистрировался на сайте знакомств, — говорит он мне, пережевывая кусок хлеба. Я с тоской смотрю на его недоеденный хлеб. Для меня даже не имеет значения, что он жевал это своими рыбьими губами.

— Серьезно? — вежливо спрашиваю я, осторожно беря свой бокал с вином за ножку и отпивая из него. На самом деле, я бы хотела швырнуть его на край стола и использовать зазубренные осколки, чтобы порезать себе запястье. Но я натягиваю улыбку, чтобы скрыть эти суицидальные мысли. — Как с этим обстоят дела?

— О, пока все хорошо, — отвечает Брайан. — Я пока не получил ни одного ответа на свое объявление, но я связался с несколькими женщинами. Я думаю, что порекомендовал бы тебе этот сайт...и, возможно, ты скоро будешь готова встречаться, реально...

Он улыбается, и это напоминает мне, что он действительно хороший человек. И я чувствую себя виноватой за то, что минуту назад хотела вскрыть вену.

— Я не знаю, когда я буду готова встречаться, но я ценю совет, — говорю я ему.

Я скрещиваю ноги и в этот момент чувствую ошеломляющий толчок, а затем прилив острого удовольствия, когда яйцо, находящееся внутри меня, начинает жужжать.

Черт возьми.

Я вытягиваюсь по стойке смирно на своем сиденье, изо всех сил стараюсь вести себя непринужденно и беззаботно, хотя вибрация ощущается чертовски приятно. Я оглядываю комнату в поисках Шейда.

Я нахожу его сидящим в тени в кабинке неподалеку. Он пристально смотрит на меня, его голубые, очень голубые глаза напряжены, когда он наблюдает, как я извиваюсь.

Он отпускает кнопку. Я знаю это, потому что жужжание прекращается. Мышцы моей матки опускаются с того места, где они были приклеены к брюшному потолку.

Шейд ангельски улыбается мне. Я делаю глубокий вдох и поворачиваюсь обратно.

Брайан пристально смотрит на меня.

— С тобой все в порядке? — спрашивает он с беспокойством.

Я улыбаюсь.

— Конечно. Я в порядке. Просто небольшая судорога в ноге.

И под этим я подразумеваю судороги в моей матке.

Мы продолжаем обсуждать идею Брайана о светской беседе. Он взволновал меня причинами, по которым Главная бухгалтерская книга не была сбалансирована в прошлом месяце на работе, когда Шейд снова нажимает на кнопку.

На этот раз я чуть не пробила крышу, потому что мои нервы все еще напряжены с

первого раза.

Я судорожно вдыхаю и пытаюсь взять себя в руки, вцепляясь в края стола так сильно, что костяшки пальцев белеют.

Поскольку на этот раз жужжание угрожает свести меня с ума, и я изо всех сил пытаюсь выглядеть нормальной, я колеблюсь между ненавистью к Шейду и любовью к нему. Это мучительная боль/удовольствие. И это чертовски охренительно, потому что все вокруг меня продолжают ужинать, как обычно, потому что они понятия не имеют, что я нахожусь на грани оргазма прямо на своем месте.

Шейд отпускает кнопку, и я отпускаю край стола.

О, Боже мой!

Я медленно выдыхаю.

Я бросаю на Шейда едва заметный взгляд, и он снова блаженно улыбается.

Долбаный панк.

Словно прочитав мои мысли, Шейд немедленно снова нажимает на кнопку.

И я выгибаюсь дугой, прислоняясь к столу. Моя матка кричит, угрожая сжаться вплоть до оргазма. Я практически задыхаюсь, пока Брайан продолжает говорить своим скучным монотонным тоном.

А потом подходит официант, чтобы принять наш заказ на основное блюдо.

Я ожидаю, что Шейд смягчится, отпустит кнопку.

Но он этого не делает.

На самом деле, когда я готовлюсь произнести свой заказ, он увеличивает скорость.

Я вскрикиваю, и оба, официант и Брайан, обеспокоено смотрят на меня.

— С тобой все в порядке? — снова спрашивает Брайан. Я киваю, не в силах вымолвить ни слова.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь снова.

— Хорошо. Я бы. Хотела. Пасту Альфредо. — Я говорю неестественно, но ничего не могу с собой поделать. Им просто повезло, что я сейчас не кричу. Черт возьми. Я собираюсь кончить, когда они оба пялятся на меня.

Я хватаюсь за стол, пока официант принимает заказ Брайана.

— Я. Сейчас. Вернусь, — умудряюсь выдать из себя.

Я вскакиваю из-за стола и практически бегу в дамскую комнату.

Всю дорогу яйцо приятно жужжит, выполняя свою работу по доведению меня до грани безумия. Когда я закрываю дверь, она распаивается, и на пороге стоит Шейд. Пульт дистанционного управления болтается у него в руке. Он отпускает кнопку, и мучительные/удивительные вибрации прекращаются. Он запирает дверь.

Затем роняет пульт дистанционного управления.

Он опускается на колени и задирает мне юбку, утыкаясь носом во внутреннюю поверхность бедра. Я зарываюсь руками в его волосы.

— Ты дьявол, — говорю я ему отрывисто, пока он лижет мой долбаный клитор. Затем он вытаскивает мое яйцо и бросает его вместе с пультом дистанционного управления.

— Я хотел почувствовать, как ты кончаешь, а не смотреть на это, — говорит он мне, прижимая меня к стене. Я снова слышу шуршание, а затем Шейд скользит в меня, длинный, толстый и насыщенный.

Черт возьми, черт возьми.

Я готова принять его из-за яйца. Никаких дальнейших прелюдий не требуется.

И я занимаюсь сексом в общественном туалете.

Это очень чистый и модный общественный туалет, но все же.

И это не имеет значения.

— Ты знаешь, насколько ты сексуальна? — Шейд шепчет мне на ухо, покусывая его.

Он прижимается ко мне, мышцы его торса вдавливают меня в стену, и это изысканное, чувственное ощущение. Его руки изгибаются, пока не обхватывают мою задницу, притягивая меня к себе.

Из-за яйца я кончаю ровно через две минуты.

Я безвольно падаю на Шейда, когда он напрягается, затем расслабляется.

Он только что кончил.

Я пристально смотрю на него.

— Ты кончаешь со всеми своими клиентками?

Вопрос задан еще до того, как я его осознаю. Потому что, честно говоря, я не хочу знать о других его клиентках.

Он ухмыляется мне сверху вниз, снимая презерватив и выбрасывая его в мусорное ведро. Его бедра с таким же успехом могли быть высечены из мрамора. Вот какой он мускулистый. Мои глаза прикованы к ним, пока он натягивает брюки и застегивает их.

— Я парень, Элли Кэт, — отвечает он. Я практически могу кончить в любое время и в любом месте.

Пока что, думаю я про себя, вспоминая, как у Рика Мудака начались проблемы с этим, когда он стал старше. Но я не говорю Шейду. Он поймет это примерно через пятнадцать лет.

— Теперь вторая часть твоей миссии — вернуться туда и поужинать как ни в чем не бывало, — говорит мне Шейд. — Ты можешь это сделать. Ты смелая и веселая.

— Я смелая и веселая, — твердо повторяю я, одергивая юбку и поправляя волосы.

— Затем, ты присоединишься ко мне в «Утопии» после ужина. Сегодня вечером у меня для тебя запланирован сюрприз.

Он злобно ухмыляется, и я мгновенно начинаю опасаться.

— Еще один сюрприз? Я стара, Шейд. Я не знаю, сможет ли мое сердце вынести два сюрприза за один день.

Я шучу только наполовину.

Шейд смеется.

— Ты не старая. Ты в самом расцвете своей сексуальной силы. И я тоже. Давай используем это в наших интересах, хорошо?

Что ж, черт возьми. Если он хочет так выразиться.

Я возвращаюсь к столику Брайана и приношу извинения. Я объясняю, что у меня внезапно началась головная боль, но я приняла немного аспирина в ванной и что я уже чувствую себя лучше. Я съедаю всю тарелку макарон, чувствуя уверенность, что углеводы мне понадобятся в качестве топлива до конца моего вечера с Шейдом.

Оказывается, я была о-о-очень права. Мне нужны были эти углеводы.

Шейд встречает меня на обочине «Утопии». Под неоновыми вывесками улицы я в очередной раз поражаюсь тому, насколько он красив. Черт возьми. Он сильный, высокий и уверенный в себе. Его лицо абсолютно, идеально выточено. Он снова ведет меня по задним коридорам клуба в тихую комнату.

После того, как мы входим, Шейд притягивает меня в свои объятия и грубо целует.

— Я думал о тебе весь последний час, — признается он мне. — Это было чертовски сексуально, Элли Кэт.

И это было так классно, я должна признать. На самом деле, мои колени все еще немного подкашиваются после нашей маленькой выходки в ресторане.

Я позволяю его языку исследовать мой рот, шею, грудь, пока он стягивает бретельки моего платья и облизывает мои соски. Я снова зарываюсь руками в его волосы. У него густые темные волосы. К тому же они такие же мягкие.

Он отстраняется.

— Сегодня вечером я собираюсь оказать тебе услугу, — говорит он мне. — Я знаю, что скоро ты снова будешь встречаться. Такая сексуальная женщина, как ты, не собирается долго сидеть дома одна.

Я начинаю что-то говорить, но он прикладывает палец к моим губам.

— И я хочу, чтобы ты была готова. Я уже знаю, что тебе нравится быть хорошей во всем, что ты делаешь. Это в твоей натуре. Итак, сегодня вечером я собираюсь показать тебе, что именно сведет мужчину с ума. И тебе понравится этот урок.

Мои губы растягиваются в улыбке. Он очень проницателен, этот парень. Он уже раскусил меня.

— Значит, ты собираешься превратить меня в богиню секса? — спрашиваю я с усмешкой.

Он улыбается в ответ и притягивает меня к себе.

— Ты уже богиня секса, — говорит он мне. — Я собираюсь превратить тебя в очень искусную богиню секса, которая может поставить мужчину на колени ровно за пять минут.

Я улыбаюсь шире.

— Я собираюсь насладиться сегодняшним вечером, — отвечаю я.

— О, я тоже, — уверенно говорит он, подмигивая, прежде чем продолжить.

— Ладно. Во-первых, послушай сценарий. Ты собираешься притвориться, что я парень, с которым ты встречаешься, и я тебе очень нравлюсь. Это и есть «та самая ночь». Первая ночь, когда вы займетесь сексом. И ты возьмешь на себя полную ответственность, потому что это чертовски сексуально. И я собираюсь сказать тебе, что делать. Я не хочу, чтобы ты спорила — просто делай все, что я говорю, и запомни это. Ты можешь это сделать?

Я киваю, снова медленно расплываясь в улыбке.

— Конечно. У меня отличная память.

— Держу пари, что так оно и есть, — усмехается Шейд в ответ. — Ты в доме своего кавалера... в моём доме. Вы сидите в гостиной с бокалом вина. Скажи мне, что ты собираешься переодеться во что-нибудь более удобное. Затем зайди в его спальню и найди в шкафу одну из его рубашек. Сними лифчик и оставь на себе трусики. Сними чулки, но останься на каблуках. Расстегивай рубашку до тех пор, пока не станет виден изгиб твоей груди. Затем очень уверенно возвращайся сюда и встань передо мной.

— Считаю уже сделано. — Я поворачиваюсь на каблуках и начинаю уходить.

— Подожди, — зовет Шейд. — Ты мне ничего не сказала.

Дерьмо. Я оборачиваюсь.

— Я собираюсь переодеться во что-нибудь более удобное, — говорю я ему. Я улыбаюсь, надеюсь, сексуальной улыбкой. Шейд кивает.

— Чувствуй себя как дома, — отвечает он, улыбаясь в ответ.

Я проскальзываю в ванную и оглядываюсь по сторонам. Ванная комната невероятно

красивая, отделана мрамором, гранитом и оловянной сантехникой. Кроме того, в нашем распоряжении шкаф для одежды. Я открываю его, и о чудо, там висит рубашка.

Я улыбаюсь и снимаю ее с вешалки.

Я делаю в точности то, что сказал мне Шейд. Я расстегиваю рубашку до тех пор, пока не вижу в зеркале изгиб своей груди. Я взъерошиваю свои волосы, чтобы выглядеть сексуально. Я снимаю чулки и остаюсь в нижнем белье, но снова надеваю каблуки.

Шейд пересел на диван в гостиной. Он сидит, скрестив ноги, и потягивает вино из бокала. Он идеально соответствует своему характеру.

Он пристально смотрит на меня, когда я выхожу из ванной.

— Ты прекрасно выглядишь, — тихо говорит он мне. — Иди сюда.

Я подхожу к нему, ожидая, что он захочет посадить меня к себе на колени. Но когда я оказываюсь в нескольких футах перед ним, он говорит:

— Остановись.

Я останавливаюсь.

— А теперь постой здесь минутку. Посмотри мне в глаза.

Я делаю, как он сказал.

Он пристально смотрит на меня.

— Будь уверена в себе, — наставляет он.

Мой подбородок вздергивается, и я выпячиваю бедра.

Ухмылка медленно расплывается по лицу Шейда.

— Это прекрасно. Мужчинам нравится смотреть, — объясняет он. — А женщинам обычно не нравится, когда на них смотрят. Они чувствуют себя уязвимыми, незащищенными. Они стесняются своих предполагаемых недостатков. Чего они не понимают, так это того, что мужчины видят их не так, как они видят самих себя. Мы видим изгибы, и нам нравятся эти изгибы. Уверенность в себе чертовски сексуальна, Элли Кэт. Это самая сексуальная вещь, которую ты только можешь надеть.

Черт возьми. Я помню, как Сара сказала мне то же самое. Скорей всего, была права.

— А теперь иди прямо сюда, поддерживая зрительный контакт. Оседлай меня и хорошенько поцелуй.

Итак, я так и делаю. У него во рту вкус водки, тоника и лайма. Его большие руки обхватывают мою задницу и притягивают меня к себе так, что я прижимаюсь к его мышцам. Я чувствую влагу в своих трусиках, как только оседлала его промежность.

— А теперь перевернись.

Я смотрю на него в замешательстве.

— Закинь одну ногу и повернись на моих коленях, — говорит он мне. — И потришь еще немного.

Я все еще в замешательстве, но делаю то, что он говорит.

Его дыхание немного затруднено, когда он говорит:

— А теперь встань.

Я встаю прямо перед ним.

— Наклонись.

Не раздумывая, я наклоняюсь.

Я чувствую себя немного нелепо, но я слышу дыхание Шейда. Ему это нравится. Я могу сказать, что он смотрит на мою задницу. Итак, я перекидываю одно колено через другое и оттопыриваю ее, мою задницу, чуть дальше.

— Мужчинам нравится, как женская задница обрамлена трусиками, — говорит он мне. — Всегда приятно это видеть. Женщины обычно так быстро сбрасывают с себя трусики и ныряют под одеяло.

Он протягивает руку и хватается меня за задницу.

— И у тебя прекрасная задница.

Я улыбаюсь.

— А теперь отойди от меня, повернись и сними свои трусики. Брось их мне на колени. Поддерживай со мной зрительный контакт все это время.

Я следую его инструкциям слово в слово. И, как ни странно, несмотря на то, что он направляет меня, я чувствую, что полностью контролирую ситуацию. Глаза Шейда прикованы к каждому моему движению. Все, что я делаю — это то, что, доставляет ему удовольствие, и я это знаю. Доказательством тому служит то, как натягиваются его брюки в промежности, и то, как он хрипло дышит.

Мне это нравится.

Мои трусики теперь у него на коленях.

— Сядь снова ко мне на колени.

Так я и делаю. Руки Шейда пробегают по моей спине, вниз по бедрам и хватают мою голую задницу, когда он целует меня. Его язык исследует каждый дюйм моего рта, прежде чем он ласкает мою шею.

Я прижимаюсь к его твердости, и его руки притягивают меня еще ближе.

Он шепчет мне на ухо:

— Теперь встань и медленно расстегни свою рубашку. Сними ее, но подразни меня на секунду — прижми ее к своей груди, как будто ты не уверена, стоит ли раскрываться. Затем брось ее на землю. Стой неподвижно, расправив плечи и выпятив подбородок. Будь уверена в себе и позволь мне посмотреть на тебя.

— Да, — просто говорю я. Я встаю и делаю то, что он говорит.

Когда я стою и позволяю ему смотреть на меня, моя кожа горит. Я не уверена, кто больше возбужден, он или я.

После того, как он смотрит на меня пару минут, и я вижу желание в его глазах, он снова заговаривает. Его голос хриплый и насыщенный.

— Большинство женщин думают, что для того, чтобы они могли брать на себя ответственность в спальне, им нужно быть сверху. Лично я не предпочитаю женщин сверху. Я думаю, большинство мужчин согласились бы с этим. Я всегда немного нервничаю, что ты ошибешься в расчетах и раздавишь мой член. Вместо этого ты можешь контролировать себя, но все равно позволять мне чувствовать себя под контролем, и это чертовски сексуально.

— Каким образом? — Тихо спрашиваю я, облизывая губы.

— Подойди сюда и нагнись. Прошепчи мне на ухо, что ты хочешь, чтобы я трахнул тебя сейчас.

Я подхожу, несмотря на то что мои колени с каждым мгновением слабеют, и наклоняюсь. Я высовываю язык и легонько облизываю его ухо, вдыхая его восхитительный аромат.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня сейчас, — говорю я ему. Я так счастлива, что уже практиковалась произносить это слово дома. Так гораздо легче говорить сейчас в его присутствии.

— Мужчинам нравятся неприличные слова, — просто говорит он. — Возьми меня за

руку и отведи к кровати. Когда мы доберемся туда, ты сможешь скинуть свою обувь.

Мы направляемся к кровати.

Я скидываю туфли, как было указано.

— А теперь скажи мне, чтобы я трахнул тебя.

— Трахни меня, — выдыхаю я ему в ухо, прежде чем снова страстно поцеловать его. Он вдыхает мой язык и укладывает меня обратно на кровать. Он снимает с себя одежду ровно за тридцать секунд и быстро надевает презерватив. Не успеваю я опомниться, как его теплая кожа прижимается ко мне. Я обхватываю его ногами и притягиваю ближе.

— Скажи мне, что тебе нравится мой член.

— Я люблю твой член, — шепчу я ему в шею.

Он ускоряет темп и скользит внутрь и наружу; сначала жестко, потом еще сильнее. Затем он замедляет темп.

— Скажи мне трахнуть тебя сильнее.

— Трахни меня сильнее, — бормочу я.

Так он и делает. Мышцы его спины пульсируют и напрягаются, когда он прижимается ко мне. Его кожа влажная, а член твердый. Я хватаюсь его за плечи, и удерживаюсь.

— А теперь скажи мне, чтобы я остановился.

— Что? — Я дико смотрю на него. — Я не хочу, чтобы ты останавливался.

Шейд лениво ухмыляется, нависая надо мной.

— Я не особенно хочу останавливаться. Но я знаю, что если ты сделаешь это в следующий раз, это сделает секс умопомрачительным, а это то, чего ты хочешь, верно?

Я киваю.

— Итак, скажи мне, чтобы я остановился.

— Остановись.

— А теперь я хочу, чтобы ты перевернула меня на бок и отсосала. Я знаю, что женские журналы любят советовать женщинам доводить мужчин до крайности, «почти доводить» их до оргазма, а затем останавливаться, потому что это делает оргазм более интенсивным. Но это неправда. Обычно это только расстраивает. Но если сделать все правильно.... Этот способ потрясающий.

Я следую его инструкциям. Я чувствую себя чертовски извращенной, потому что давайте посмотрим правде в глаза, это чертовски круто. И, да, я отсасываю у него. И да, я пробую себя на вкус.

Он двигается вместе со мной, толкаясь в меня. Проходит всего пара минут, прежде чем он говорит:

— Я готов кончить. Остановись. Подойди сюда и поцелуй меня. Затем скажи мне, чтобы я наклонил тебя и трахнул.

Я вытираю рот и выпрямляюсь.

Я целую его.

— Наклони меня и трахни, — тихо говорю я ему, прижимаясь к его губам.

— С удовольствием, — говорит он. Он наклоняет меня над кроватью и легко скользит внутрь, затем наружу. Сильнее, сильнее, сильнее.

— Скажи мне, чтобы я кончил в тебя.

— На тебе презерватив, — неровно произношу я.

— Это не имеет значения. Это просто чертовски сексуально слышать. — Его голос звучит так же оборванно.

— Кончи в меня, — говорю я.

— Готово, — резко отвечает он. И он наклоняется к моей заднице, прижимаясь ко мне, хватая за бедра.

Срань господня.

Он на мгновение вздрагивает, потом замирает.

— Это было чертовски горячо, — говорю я ему, падая на кровать.

Шейд понимающе смотрит на меня, когда плюхается рядом со мной, его красивое лицо самодовольно.

— Ага. И теперь ты мастер умопомрачительного секса. Вот так!

— Спасибо, — смеюсь я, прижимаясь к нему. Его рука обнимает меня и притягивает к себе, и внезапно я перестаю чувствовать, что мы клиент и работник. Я чувствую, что у нас только что был потрясающий сексуальный опыт. Это было взаимно удивительно, и ему это понравилось так же сильно, как и мне.

Он очень, очень хорош в своей работе.

(Или: Я хищница, услышь мой рёв, пока я делаю желе-шоты)

Солнце вышло, небо в Лас-Вегасе голубое, а Шейд обнимает мою дочь.

Ладно, не в этом смысле, но все же.

Я лежу у бассейна в ярко-желтом топе от бикини и обрезанных джинсовых шортах и смотрю урок Колби и Софи. В настоящее время он показывает ей, как сделать ее баттерфляй более эффективным. И когда он это делает, каждый мускул в его груди напрягается. Если бы Софи не было здесь, я бы прыгнула в свой бассейн полностью одетой и облизала каждую выпуклость.

Но она здесь.

И вот я нахожусь в режиме мамы. А Шейд — это Колби.

И мне не очень нравится тот факт, что его руки удерживают ее в воде прямо сейчас, когда она тренируется.

Заставляет ли это меня ревновать к собственной дочери?

Неужели я провалилась в долбаную кроличью нору?

Я вздыхаю и делаю поток лимонада. Который, кстати, без водки, и это настоящая трагедия, учитывая обстоятельства.

Поскольку всего 3:15 часа дня субботы, я решила немного воздержаться от алкоголя. Особенно с учетом того, что «Член Рик» скоро приедет сюда, чтобы забрать Софи на ночь. Для этого мне, наверное, следовало бы быть абсолютно трезвой.

У меня действительно потрясающая сила духа.

— Софи, подними подбородок! — Кричит Колби, когда Софи порхает по бассейну. Отсюда она похожа на очень тощую морскую свинку. Колби смотрит на меня, и его взгляд становится порочным. Он на самом деле подмигивает, когда его взгляд скользит вниз по моей груди, затем снова поднимается к моим глазам.

У меня в животе порхают собственные бабочки.

Выражение его лица игривое и озорничающее, когда он вылезает из бассейна и подходит ко мне, наклоняясь, чтобы взять полотенце, лежащее рядом со мной.

— Мы договорились на следующие выходные? — Тихо спрашивает он, глядя на меня сверху вниз своими голубыми, голубыми, голубыми долбаными глазами.

Я улыбаюсь.

— Я не знаю, — отвечаю я. — Эти выходные ещё не закончились. До следующих выходных еще далеко.

Он усмехается, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что Софи все еще плавает. Она плавает.

— Ах, не дразни меня, Элли Кэт. К следующим выходным мне понадобится моя доза Элли. И тебе понадобится Шейд.

Я сплываю. На самом деле он прав. К следующим выходным мне определенно понадобится Шейд. Эта мысль уже приходила мне в голову, и она немного беспокоит. Неужели я уже стала зависеть от него...что бы заполнить мое одиночество? Это немного неприятная мысль.

— Может быть, — отвечаю я застенчиво, скрывая свое беспокойство.

Он ухмыляется.

— Я запишу тебя на определенное время, — говорит он мне. — На всякий случай. — И он снова подмигивает, вытирая волосы полотенцем. Боже, мне нравится, когда он подмигивает. Это так мило и игриво. И кокетливо.

Я все еще смотрю на него снизу вверх, когда слышу голос Рика Мудака, доносящийся из-за ворот.

Ад.

Я встаю, и Колби подходит к Софи, предположительно, чтобы дать ей несколько последних советов, прежде чем ей придется уйти со своим отцом.

Рик подходит ко мне, его взгляд скользит вверх-вниз по моему телу. Я стараюсь не дрожать. Одной мысли о том, что руки этого слизняка так много раз касались моего тела за последние пятнадцать лет, достаточно, чтобы мне захотелось утопиться в моем собственном бассейне, сразу после того, как я наполню его кислотой, конечно, чтобы стереть воспоминание о его прикосновениях.

— Ты хорошо выглядишь, Элли, — говорит он мне. Даже его голос теперь мне отвратителен. — Ты тренируешься.

— Я всегда тренировалась, Рик, — резко напоминаю я ему. — Ты просто никогда этого не замечал. Трудно замечать свою жену, когда у тебя всегда есть подружка на стороне.

Кажется, он не слышит моей колкости.

Он подходит ближе.

— Да, ты действительно хорошо выглядишь. — При этих словах он действительно проводит большим пальцем по моему локтю. Я отстраняюсь, затем стою в шоке, уставившись на него.

— Что за черт, Рик? — Прекрати. — Не прикасайся ко мне.

Рик просто смотрит на меня, потом смеется.

— А все-таки еще есть ледяная королева, с которой я развелся. Не прикасайся ко мне, Рик. Не сегодня, Рик. У меня мигрень, Рик. И ты удивляешься, почему я вышел за рамки нашего брака, чтобы получить удовлетворение? Это потому, что ты никогда не удовлетворяла меня, Эллисон. Мужчине нужна самореализация.

Я смотрю на него в шоке и отвращении.

— Почему-то, Рик, я все это помню совсем не так. На самом деле, я помню, что занималась сексом два или три раза в неделю, многие из тех случаев, когда я смертельно уставала, но я никогда не жаловалась. Я помню, как уезжали на выходные — только мы вдвоем, — где у нас было много секса. В то время я даже думала, что это был хороший секс, но с тех пор, как ты ушел, я обнаружила, что секс с тобой никогда не был хорошим. Я просто не знала ничего лучшего. Но теперь я знаю. Ты не можешь винить меня в своих изменах. Это твоя вина, а не моя.

Рик спокойно смотрит на меня, казалось бы, не обращая внимания на мои язвительные слова.

— Знаешь, когда ты становишься стервозной, у тебя действительно начинают появляться гусиные лапки вокруг глаз. Тебе следует избегать этого, если ты хочешь скрыть усталую ведьму, какой ты на самом деле являешься.

Сейчас я вне себя от злости, но к этому моменту Софи выбралась из воды и направляется в нашу сторону. Я знаю, что ничего не могу сказать в ответ, и Рик тоже это знает. Он ухмыляется мне.

Колби заходит за спину Софи, не сводя глаз с моего лица. Он может сказать, что я

взволнована. Он прищуривает глаза.

— Папа! — Зовет Софи. — Ты видел мою бабочку?

Рик бросает на меня последний взгляд, прежде чем повернуться.

— Да, я это видел. Все идет как по маслу. И это, должно быть, тот тренер по плаванию, за которого я плачу.

Тьфу. Оставьте это Рiku — сводить все к деньгам. Как я могла оставаться с ним так долго? Мне хочется буквально хлопнуть себя по лбу.

— Здравствуйте, сэр, — говорит Колби, протягивая руку. — Я Колби. И да, я тренер по плаванию. У вашей дочери все замечательно получается. Я думаю, вы будете довольны ее успехами.

— Я уверен, — холодно говорит Рик. Он пожимает Колби руку, но коротко. Затем он поворачивается к Софи, демонстративно игнорируя Колби, поворачиваясь к нему спиной.

И я знаю почему.

Рик — очень поверхностный, очень неуверенный в себе человек. Нахождение в присутствии такого молодого, удивительно подтянутого и красивого парня, как Колби, разрушает уверенность Рика в себе. Особенно с учетом того, что Колби все еще в плавках. На нем нет ни грамма жира, а на животе у него вздувается упаковка из шести банок. И я точно знаю, что у Рика пивное брюшко, которого он очень, очень стесняется. Колби высокий, худощавый и красивый, а Рик стареет. Я это понимаю, и уверена, что эта ситуация почти компенсирует колкость Рика по поводу моих гусиных лапок.

Почти.

— Софи, пойдем заберем твои вещи. Ванесса ждет нас — у нас заказан в ресторане столик на вечер.

И они поворачиваются и уходят. Рик больше ничего мне не говорит и входит в мой дом, как будто он все еще его собственный. Я стискиваю зубы.

— С тобой все в порядке? — спрашивает Колби, взглянув на мое лицо. — Твой бывший — настоящий засранец.

Я улыбаюсь этому термину.

— Да, это так. А теперь представь, что ты был замужем за этим куском дерьма последние пятнадцать лет.

Колби качает головой. — Временное помешательство?

Он ухмыляется.

— Можно ли отнести пятнадцать лет к категории временных? — отвечаю я.

Колби пожимает плечами.

— Я думаю, это зависит от точки зрения. Если ты согласишься на долгосрочную перспективу, то пятнадцать лет — это временно, если ты согласишься на всю продолжительность жизни. Просто подумай. Если бы ты неправильно разыграла свои карты, ты все еще могла бы быть с этим самородком.

Я вздрагиваю. Буквально содрогаюсь. Колби смеется и кладет руку мне на плечо.

— Но ты не с ним. Потому что ты правильно разыграла свои карты. И вот ты здесь, сс мной.

Да, потому что я тебе плачу. Думаю я. Но я этого не говорю. Вместо этого я улыбаюсь.

— Ты прав. Я определенно должна быть благодарна. Хочешь пива или еще чего-нибудь? Я зайду попрощаться с Софи, но вернусь через секунду.

Колби улыбается.

— Мне некуда спешить, — объявляет он. — У меня была отмена на сегодняшний вечер, так что мой вечер свободен. Не хотела бы ты потусоваться и посмотреть фильмы?

Я пристально смотрю на него.

— Только я и ты, тусующиеся вместе, как друзья? — спрашиваю я.

Он снова ухмыляется, и мне хочется облизать его губы.

— Разве мы не друзья?

Я снова смотрю на него.

— Я думаю, что да. Я не думала об этом с такой точки зрения. Но я думаю, что так оно и есть.

— А разве друзья не тусуются вместе? — аргументирует Колби. — Сейчас я не Шейд, я Колби.

Я медленно киваю.

— Конечно. Колби и Эллисон могут быть друзьями. Шейд и Элли Кэт не могут, потому что они клиент и работник.

— Теперь ты понимаешь, — отвечает Колби, посмеиваясь. — Это то, как я отделяю безумие в своей жизни.

Я засмеялась.

— Мне придется брать уроки, — отвечаю я. — Потому что безумие в моей жизни выходит из-под контроля.

Колби (не Шейд!) садится, когда я захожу в дом, на ходу натягивая рубашку. Я не хочу, чтобы «Член Рик» снова пялился на меня. Я все еще хочу искупаться в йоде после первого раза.

Я нахожу Рика, бредущего по коридору прочь от моей спальни.

— Что ты делаешь? — с подозрением спрашиваю я. — Тебе нет необходимости находиться в моей спальне.

— О, как будто я этого не знаю, — хмуро отвечает Рик. — Я искал свои любимые серебряные запонки — те, что моя мама подарила мне на выпускной в колледже. Они таинственным образом исчезли, когда я съехал.

— Ты нашел их? — спросила я. Я приподнимаю бровь. Рик качает головой.

— Нет, но я нашел твоего маленького друга.

На секунду я в замешательстве, пока не вижу его самодовольную ухмылку.

— Знаешь, тебе следовало сказать, что твой «отличный секс», которым ты занималась, был с твоим новым дилдо. — Рик улыбается злой, отвратительной улыбкой. Он так уверен, что он — Божий дар женщинам. Меня от этого тошнит.

А потом он бросает его мне. Рик держал Джеронимо голыми руками? Мне придется протереть его спиртом перед следующим использованием. Или, может быть, я просто куплю новый.

— О, это, — отвечаю я так беспечно, как только могу, держа в руке гигантский фаллоимитатор. — Это то, что я использую по ночам, когда слишком устаю, чтобы получить кайф. Мой новый парень меня изматывает.

Рик пристально смотрит на меня, пытаюсь решить, говорю я ему правду или нет.

— Если у тебя действительно есть новый парень, — говорит он, — тогда мне нужно с ним познакомиться, если он собирается быть рядом с Софи. Это прописано в нашем соглашении о разводе. Ты включила это в наше соглашение о разводе.

Я ангельски улыбаюсь. Или я надеюсь, что это по-ангельски.

— Да, я это сделала, действительно так! И когда я решу, что Софи пора с ним познакомиться, я организую встречу и с тобой.

Рик свирепо смотрит на меня.

— Я не могу дождаться, когда расскажу твоей новой жертве все о тебе.

Я закатываю глаза и начинаю отвечать, когда Софи выходит из своей спальни. Я запикиваю Джеронимо себе за спину.

— Ребята, вы не могли бы перестать спорить, пожалуйста? — требует она. — Я ненавижу это. Я думала, это прекратится, когда вы разведетесь.

Я мгновенно чувствую себя виноватой, особенно учитывая то, что у меня в руках. Мама года, прямо здесь.

— Мне жаль, Софи, — искренне говорю я ей. — Я не знала, что ты можешь это услышать.

Она бросает на меня взгляд.

— Конечно, я слышу. Я не глухая, и вы прямо за дверью моей комнаты. И, папа, держись подальше от маминой комнаты. Это больше не твоя спальня. Ее фаллоимитаторы — это ее дело, а не твое.

Я, черт возьми, хочу умереть. Мои щеки заливают румянец, и Рик смотрит на меня со смехом в глазах. Софи не хотела осчастливить его этим замечанием, но она осчастливила, очень сильно. У меня все кипит внутри, когда Рик делает жесты за спиной Софи, используя фаллоимитатор. Только, очевидно, он притворяется мной.

Так что, очевидно, я делаю то, что сделала бы любая зрелая женщина. Я делаю движение, будто вонзаю ему в голову мясницкий нож. Но в данном случае я использую свой фаллоимитатор.

Мы оба опускаем руки, когда Софи резко оборачивается.

— Вы ведь знаете, что перед нами зеркало, верно?

Блядь. Она права. Я определенно должна знать, поскольку именно я повесила его в конце коридора.

Мама года, черт возьми, прямо здесь.

Она закатывает глаза и поворачивается, волоча за собой свою сумка с вещами на ночь. На кухне она поворачивается и целует меня в щеку.

— С тобой все будет в порядке? — спрашивает она. Меня удивляет тот момент, когда она начинает думать не о себе. Подростки, в целом, эгоцентричные монстры. Я улыбаюсь ей.

— Со мной все будет в порядке, — говорю я ей. — Правда. У нас с твоим отцом все в порядке. Мы просто спорим время от времени.

И притворяемся, что убиваем друг друга в пантомиме.

С фаллоимитаторами.

Это нормально, не так ли?

Она снова качает головой.

— Ладно. Завтра я буду дома. У меня есть сотовый, если я тебе понадобится.

— Я в порядке, милая, — настаиваю я. — Честно.

Она улыбается и уходит со своим отцом, который больше не произносит ни слова. Я не могу поверить, что Софи беспокоится обо мне. Вырастет ли мой маленький монстр в сострадательного человека?

Я улыбаюсь про себя этой мысли, когда вспоминаю Шейда. Колби. Дерьмо.

Я забрасываю Джеронимо обратно в свою комнату, а затем спешу обратно во

внутренний дворик и нахожу его устроившимся в шезлонге и просматривающим свой телефон.

— Привет, — ухмыляется он. — Все в порядке?

Я улыбаюсь в ответ.

— Все в порядке. Хочешь зайти в дом? Должны ли мы пойти куда-нибудь поесть или нам следует заказать на дом... или?

Он пожимает плечами.

— Что бы ты ни планировала, делай.

Я собиралась заказать еду на вынос, съесть все до крошки, посмотреть девчачий фильм, чтобы выплакаться навзрыд, чтобы стабилизировать свое эмоциональное состояние, а затем, вероятно, воспользоваться услугами Джеронимо.

Но я этого не говорю.

— Я как раз собиралась заказать китайскую еду, — говорю я ему. — А потом съесть это перед телевизором.

— Звучит как рай, — говорит он мне. — Знаешь что? Сегодня вечером показывают марафон старых фильмов ужасов.

Я приподнимаю бровь.

— Ты пытаешься сказать, что мы должны посмотреть это, потому что я старая и поэтому буду чувствовать себя как дома?

Он выглядит потрясенным.

— Нет, конечно, нет! Я...

Я перебиваю.

— Я, конечно, шучу. — Я смеюсь. — Я не старая. Я в самом расцвете своей сексуальной силы, помнишь? Я улыбаюсь. — Старые фильмы ужасов? Тебе это нравится?

Он кивает.

— Мы с папой часто допоздна засиживались и смотрели их, когда я был маленьким. Это хорошее воспоминание, которое у меня осталось.

— А сейчас у тебя о нем нет никаких хороших воспоминаний?

По какой-то причине это прозвучало так, будто именно это он и имел в виду. Он пожимает плечами.

— Мы с моим отцом просто сейчас не сходимся во взглядах. Он хочет, чтобы я делал то, чего я не хочу делать. Но я не совсем уверен, что хочу делать, вот в чем проблема.

— Он знает об этом? — спросила я. Я указываю на него, но он знает, что я имею в виду.

— Он не знает о Шейде. Черт возьми, нет. Никто в моей семье этого не знает.

Я киваю, открываю дверь во внутренний дворик, и мы заходим внутрь.

— Это, должно быть, напрягает.

Я наливаю каждому из нас по бокалу.

— Не так уж много, — отвечает Колби. — Я просто разделяю свою жизнь на части. Это довольно просто.

— Еще раз, ты можешь давать мне уроки? — спрашиваю я с легким смешком. Шейд тоже смеется.

— Я уже преподавал тебе урок прошлой ночью, — отвечает он. — Разве одного урока в неделю недостаточно?

Воспоминания о прошлой ночи захлестывают меня, и у меня слабеют колени. И я должна согласиться.

— Ты прав. Этот ученик готов к отдыху. Пойдем, я покажу тебе медиа-зал.

— Мне нравится, как это звучит, — отвечает Колби, натягивая рубашку. Голос у него усталый.

Я показываю ему дорогу, а затем бегу обратно наверх, чтобы надеть спортивные штаны и футболку. Эй, не осуждай меня. Он сказал мне сделать то, что я бы сделала, если бы его здесь не было. В мои планы определенно входили мои любимые спортивные штаны.

Итак, вот так начинается наша ночь. Со мной в спортивных штанах, свернувшейся калачиком рядом с Колби под теплым одеялом. В моей медиа-комнате всегда прохладно, поэтому я всегда держу под рукой пушистые одеяла, и сегодня вечером они определенно пригодятся.

Мы едим попкорн и делимся друг с другом китайскими блюдами. Затем мы смотрим дурацкие старые фильмы, пока Колби не решает, что мне нужно научиться делать желейные шоты, потому что они, очевидно, вкусные и необходимы в жизни. Итак, мы бежим на кухню и готовим порцию, оставляя их в холодильнике настояться, пока мы смотрим другой фильм.

После того, как самый глупый и угрюмый фильм ужасов в истории Земли наконец-то закончился, мы возвращаемся на кухню, чтобы попробовать наше рукоделие.

Колби протягивает мне вишневым, а сам берет лайм.

— И вообще, почему у тебя под рукой были эти маленькие чашечки? — спрашивает он меня, открывая крышку.

— Честно говоря, я не помню, — говорю я ему. — Я думаю, Софи понадобились они для сбора средств, который она проводила для своей команды поддержки в прошлом году.

— Что ж, тогда за чирлидинг, — произносит Колби тост, поднимая свой маленький пластиковый стаканчик. А потом он вычерпывает желе языком. Я делаю то же самое.

Я киваю, переваривая вкус.

— Я едва чувствую вкус водки, — говорю я ему. Он кивает в ответ.

— В том-то и дело, — говорит он. Он протягивает мне еще одну. — Вот почему они проходят так гладко.

Мы снова выковыриваем желе языками. Я не могу не следить за языком Колби. Я лично знаю, что это очень искусный язык. Но сегодня вечером он — Колби. *И все по-другому, когда он Колби*, напоминаю я себе. *И мне, наверное, следует беспокоиться из-за того, что я провожу свой субботний вечер, тусуясь с молодым жиголом.*

Но, по-видимому, у коктейлей с желе есть способ незаметно подкрасться к вам и изменить то, как вы раньше думали о чем-то.

Потому что, пока мы с Колби смеемся и шутим, нам удастся сделать еще несколько (примерно по десять) порций желе каждому. И тогда один из нас (я) решает, что мы должны сделать шоты с тела, потому что я никогда их не делала.

— Серьезно, — говорю я ему. — Ты можешь показать мне, как это делается? Потому что я думаю, что это жизненный навык, которым нужно обладать.

Я пьяна. И я достаточно взрослый человек, чтобы сказать, что я пьяна.

— Я пьяна, — добавляю я. — И это определенно хорошее время, чтобы научиться делать шоты с тела.

Колби смотрит на меня, изучая. Он такой красивый. И в этот момент легко забыть, что он моложе меня. И что я должна думать о нем таким образом только тогда, когда он Шейд. Потому что, черт возьми, он сексуален. Я делаю глубокий вдох.

Колби улыбается.

— Ты права. Шоты с тела — это жизненный навык, которым тебе обязательно следует овладеть. Давай — я сделаю это на тебе, чтобы продемонстрировать, а потом ты сможешь сделать это на мне. У тебя есть текила?

Я киваю, внезапно очень очарованная перспективой этого урока.

— А у тебя ещё есть соль и лаймы?

Я снова киваю, пока Колби обыскивает кухню. Пока он это делает, я вытираю гранитную стойку. Он оборачивается со всеми необходимыми нам припасами и застаёт меня раздевающейся.

Он приподнимает бровь.

— Я не хочу испачкать текилой свои любимые спортивные штаны, — невинно пожимаю я плечами. Что, конечно, не объясняет, почему я также снимаю трусики и лифчик.

Я так и так попаду в ад.

Он смеется и помогает мне взобраться на стойку. Я вытягиваю ноги и закидываю руки за голову. Гранит подо мной холодный, и я дрожу.

— Хочешь, я тебя согрею? — спрашивает Колби, его взгляд лукавый. Он смотрит на меня взглядом, похожим на Шейда, и я снова вздрагиваю.

Затем я киваю.

Я бесстыдница.

У меня нет стыда.

Я отправляюсь в ад.

Я безмолвно повторяю эти слова в своей голове. И когда Колби снимает с себя рубашку, я прекращаю бубнить. Я ничего не могу с этим поделать. Этот парень великолепен. И обворожителен.

Он пожимает плечами.

— Я не хочу испачкать текилой свою любимую футболку.

Тепло мгновенно наполняет мою нижнюю часть тела, когда он прижимается ко мне сбоку. Его кожа теплая и упругая.

Он отрезает дольку лайма и кладет ее мне между зубов. Затем он посыпает мои груди солью, уделяя особое внимание моим соскам. А потом он наливает текилу мне в пупок. Я молча благодарю Бога за то, что я очень скрупулезно мою пупок.

Моя барная стойка идеально подходит для этого занятия — я нахожусь прямо перед грудью Колби. У него есть легкий доступ ко всем частичкам меня, которые ему необходимы.

Он наклоняется и начинает с моей лодыжки, целуя, посасывая и вылизывая свой путь вверх. Когда он добирается до моего бедра, он уделяет мне особое внимание, посасывая очень сосредоточенно. Озноб пробегает по моему телу, и огонь разгорается во мне. Поскольку «Би Би» — бесстыдная потаскушка, она хочет этого даже больше, чем я. А затем он намеренно и дразняще проводит по ней языком.

Мои ноги выпрямляются, как доски, а сердце начинает бешено колотиться.

Он облизывает все подбираясь к моему пупку, обходя его стороной и вместо этого концентрируясь на моей груди. Он высасывает соль до последней крошки с каждого из них, дразня меня, облизывая, посасывая и покусывая мои соски. Я буквально выгибаюсь навстречу ему, прежде чем он заканчивает, но он удерживает меня.

— Ты прольешь свою текилу, — шепчет он мне на ухо. Его дыхание обжигает мою кожу.

Я хватаюсь за край барной стойки. Я действительно обладаю удивительной силой духа.

В противном случае я бы бросила это занятие, спрыгнула с этого гранитного выступа и оседлала этого мужчину-мальчика на полу моей кухни.

Но, как бы то ни было, я остаюсь неподвижной.

С долькой лайма в зубах.

Колби спускается к моему пупку, и в этот момент его правая рука находит «Би Би». Он прихлебывает текилу, в то время как его рука делает неторопливые круги вокруг «Би Би»... а затем он вводит в нее палец.

Я чуть не слетела.

Удивительная сила духа, повторяю я.

Потрясающая, блядь, стойкость.

Колби выпивает текилу до последней капли, а затем скользит по мне обратно к моему рту. Его глаза встречаются с моими, и я умираю от желания ощутить его губы на своих... его полные, сочные губы.

Наконец-то, наконец-то, его губы касаются моих, когда он берет дольку лайма, не используя руки. Он посасывает ее, а затем выплевывает в сторону. Я знаю, что моя экономка завтра потребует прибавки к зарплате. Но сегодня мне все равно.

Сегодня вечером я притягиваю лицо Колби к своему и вдыхаю его поцелуй. Я целую его так крепко и так долго, что не могу ясно мыслить. Я не могу ясно мыслить. Я больше не связана ни логикой, ни разумом, ни правилами. Мне сейчас все равно, как его зовут, Колби, Шейд или даже Кот в долбаной шляпе. Я хочу только, чтобы он был внутри меня.

Он стаскивает меня со стойки и кладет на пол.

Раздается короткий шорох, и затем мое желание исполняется.

(Или: Это все забавы и игры, пока ты не проснешься голым)

Мы просыпаемся при свете дня в моей постели. Я не помню, как вообще добралась до спальни, и вполне возможно, что Колби отнес меня сюда на руках.

Я приподнимаюсь на локте и изучаю его. Он спит и выглядит таким юным, когда спит.

Поскольку он молод, мой разум дьявольски напоминает мне об этом. Он достаточно молод, чтобы быть твоим ребенком.

Нет, это не так! Другая половина моего мозга спорит. *Даже близко не так.*

Здорово.

Я вздыхаю. Теперь я спорю сама с собой. Я почти уверена, что это признак безумия. Все, что мне сейчас нужно сделать, это начать раскачиваться на своем сиденье и что-то бормотать, и Софи сможет меня сдать.

Софи!

Я бросаю взгляд на часы и вздыхаю с облегчением. Сейчас только 10:00 утра. Ее не будет дома еще несколько часов.

— Доброе утро, — говорит Колби, потягиваясь рядом со мной.

Я снова смотрю на него. Он восхитительно мил, когда только просыпается. Его волосы взъерошены, а глаза остекленели от сна.

— Мне жаль, — говорю я ему. — Я тебя разбудила?

Он качает головой. — Нет. Я не спал. Я просто лежал здесь с закрытыми глазами и слушал, как ты храпишь.

— Я не храплю! Я протестую, хихикая. — Я этого не делаю.

— О, ты делаешь, — настаивает он, наклоняясь, чтобы поцеловать меня. — Но это мило.

Его поцелуй мягкий и нежный. И пугающий.

Нам не следует целоваться или быть обнаженными прямо сейчас, при свете дня. Или быть в постели вместе обнаженными. И целоваться. Он Колби, а я Эллисон. Он намного моложе меня. И это совсем не круто.

Я отступаю назад.

— Все в порядке? — его брови сошлись на переносице. Я качаю головой.

— Я не знаю. Нам не следовало этого делать. Прямо сейчас ты — Колби. А я Эллисон. И это не то, что мы должны делать.

Колби на мгновение замирает, затем садится. Мне приходится игнорировать то, как напрягается его пресс, когда он двигается, если я хочу продолжить какие-либо когнитивные размышления.

— Ты права, — соглашается он. — Мы увлеклись. Это случается. Это часто случается, когда вовлечены желе-шоты — добавляет он с иронией. Он поворачивается ко мне.

— Но это не конец света, Элли. Это была оплошность. Ничего страшного. Это было весело. Мы друзья. И прошлой ночью мы были друзьями с привилегиями. Не сходи с ума, ладно?

Не сходи с ума. Что за юные слова ты говоришь. Сегодня мне уже в четырнадцатый раз напоминают, насколько он молод. Я киваю.

— Хорошо.

Колби перекидывает ногу через край кровати и встает. Я не могу не смотреть. У меня потрясающая стойкость духа, но я не долбаная монахиня. И тогда я жалею, что посмотрела. Он стоит там, на солнечном свете, во все свои двадцать два (или двадцать три?) совершенных года, и я немедленно хочу, чтобы он вернулся в постель. Но я с трудом сглатываю и подавляю эту мысль.

Убирайся обратно в ад, сатана, где тебе самое место! Я молча отчитываю свои мысли.

— Но раз уж я сейчас здесь, не хочешь ли ты принять душ вместе со мной? — лукаво спрашивает Колби. Он поворачивается, и теперь я вижу весь профиль его тела, полуэрегированный член и все такое. Мать-природа во всей своей красе. Я решаю, что, в конце концов, она, скорее всего, женщина. Она создавала таких мужчин, как Колби, в качестве подарков женскому полу.

Я киваю, вопреки воле своих логических мыслей.

— Да.

Он поднимает меня на ноги и тащит в душ.

Очевидно, сатана не вернулся обратно в ад, как я того требовала. Вместо этого он контролировал мои мысли в душе, потому что там мы с Колби занимаемся сексом во всех мыслимых позах, известных человеку... наряду с еще несколькими, которые сатана изобрел на лету.

Когда все зеркала запотевают и мы полностью измотаны, мы, спотыкаясь, выходим на холодный воздух.

— Что ж, — криво вздыхаю я. — На этой неделе мне не нужно будет ходить на йогу.

Колби смеется и вытирается полотенцем.

— Ты мне нравишься, Элли. Серьезно. И не только потому, что ты мне за это платишь.

Мое сердце останавливается. Я думаю. Выражение его лица сейчас такое милое, но это не то, чего я хочу. Я не могу «встретаться» с двадцатилетним парнем. У меня не может быть с ним никаких настоящих отношений... даже соглашения «друзья с привилегиями». Я смотрю на него, и он сразу же видит это по моему лицу и отступает.

— Я не имел в виду... Я имел в виду... — Сейчас он заикается, и это первый раз, когда я вижу его каким-либо иным образом, кроме хладнокровия и собранности. В кои-то веки он выглядит на двадцать два (или двадцать три!) года, каковым он на самом деле и является.

— Все в порядке, — говорю я, перебивая его. — Я не знаю, к чему ты клонил, но все в порядке. Я просто еще не готова к отношениям. Ты удивительный и обалденный, и все же ты мне тоже нравишься.

— Это то, что я хотел сказать, — говорит он, и я не могу понять по его лицу, правда это или нет. — Я только хотел сказать, что ты мне нравишься. Что ты потрясающая, и я считаю тебя своим другом.

Я улыбаюсь, тепло разливается по мне.

— Я тоже считаю тебя своим другом. Это одна из идей, которая пришла в голову Сары и которая на самом деле была хорошей.

— Значит, я был идеей Сары? — спрашивает Колби с ухмылкой, натягивая одежду.

Я киваю.

— А чьей еще?

Он смеется. — Хорошая мысль. Эта твоя подруга — нечто особенное.

— Это так, — соглашаюсь я. — Она втягивает меня во всевозможные неприятности. Но эта конкретная проблема... что ж, мне это нравится. Но мне нравится, как все обстоит

сейчас. Я не хочу, чтобы это менялось.

Это значит, что я не собираюсь встречаться с парнем двадцати с небольшим лет. Даже если он чертовски сексуален и научил меня, как поставить мужчину на колени ровно за пять минут.

Он улыбается мне.

— Сообщение получено, Элли Кэт. Но мы можем быть друзьями. И ты все еще мой клиент, верно?

Я киваю.

— Конечно.

Потому что я слишком сильно хочу облизать твое тело, чтобы отказаться от этого, добавляю я про себя.

— Хорошо, — говорит он. — А теперь я собираюсь уходить. Хочешь, я принесу тебе кофе или еще что-нибудь, прежде чем уйду?

Я качаю головой.

— Нет, я встаю.

Он наклоняется и целует меня в лоб.

— Прошлая ночь была веселой. Позвони и назначь встречу на следующие выходные, хорошо? — Я снова киваю.

А потом он ушел.

И я одна в своей комнате.

Я накидываю халат и спускаюсь на кухню, чтобы сварить кофе. Я оцениваю ущерб. Пол посыпан солью, моя одежда валяется посреди комнаты, а с барной стойки для завтрака все скидано.

Я улыбаюсь при воспоминании о прошлой ночи.

Что ж, никто не может сказать, что я не смелая и не веселая.

Я вздыхаю и начинаю убирать следы побоища.

— Ты сделала что?? — Сара поражена и практически лишилась дара речи, что я чувствую себя обязанной отметить в своем календаре. — Вы провели с ним ночь в твоём доме?

Я киваю.

— Ага. И он был Колби, а не Шейд. Я явно размыла какую-то невидимую границу. Но я все уладила с ним. Это была временная оплошность. Теперь все вернется на круги своя.

Сара с сомнением смотрит на меня. Мы снова обедаем в центре парка, и поэтому ей приходится говорить потише, иначе она напугает маленьких старичков, которые приходят сюда покормить уток.

— Я не знаю об этом, — говорит она. — Я думаю, что это одна из тех ситуаций, когда, как только вы пересекаете эту черту, ничто уже никогда не будет прежним. Я имею в виду, что у тебя уже был секс с Колби. Раньше у тебя просто был секс с Шейдом. Это грандиозно. Элли. Может, тебе стоит просто подумать о том, чтобы встретиться с ним.

Я пристально смотрю на нее.

Но не раньше, чем эти образы мелькают у меня в голове. Мы с Колби встречаемся. Идем в кино. Ужинаем. Чтобы люди принимали его за моего сына. Нет, спасибо.

Поэтому я говорю ей это.

— Люди подумали бы, что он мой сын, — твердо говорю я. — И, хотя мне нравится то

соглашение, которое у нас есть, я не собираюсь встречаться с ним. Этого не случится, Сара.

Она зажимает рот.

— Посмотрим, мисс Напряженная. Посмотрим.

— Нет, мы не будем, — говорю я ей. — Не в этот раз. Но, говоря о зрении... Посмотри мне в лицо и скажи, что ты видишь.

Я наклоняюсь над своей индейкой и прижимаюсь лицом к ее лицу. На секунду она поражена, но затем заглядывает мне в глаза, ее глаза смотрят прямо в мои собственные.

— Что именно я ищу? — спрашивает она, осматривая меня.

— Мои гусиные лапки, — отвечаю я. — Насколько они плохи? Рик Мудак был у меня дома в эти выходные и среди прочего, он упомянул, что у меня ужасные гусиные лапки. Так ли это?

Она поворачивает мое лицо к свету туда-сюда.

— Они там, — объявляет она. — Но они не ужасные. Рик — придурок. Очевидно. Тебе тридцать пять. У тебя будут морщинки от смеха. Мы много смеемся. Это неизбежно.

Сара снова берет свой сэндвич и беззаботно откусывает от него.

— Так ли это? Я задумчиво отвечаю, уставившись в пространство. — Ты когда-нибудь пробовала ботокс?

Сара чуть не подавилась, и я хлопаю ее по спине. Я мельком вспоминаю инцидент с бразильским воском и бью чуть сильнее, чем необходимо. Затем я злобно улыбаюсь. Хлопать по ее маленькой худенькой спинке на удивление приятно.

— Ты серьезно? — выдыхает она, вытирая рот салфеткой и отталкивая мою руку. — Ты не сделаешь ботокс. Ты ведь знаешь, что это такое, верно? Это бактерия, вызывающая ботулизм. Это долбаный токсин.

— О, я знаю, — говорю я ей. — И я не собираюсь делать ботокс. Мы собираемся.

Она снова подавилась.

— Нет. Если ты думаешь, что... нет. Она смотрит на меня так пристально, как только может, задрав свой тощий носик. Ее короткие, торчащие рыжие волосы выглядят так, словно даже они тоже восстали против меня. Я улыбаюсь.

— О, да, — говорю я ей. — Я встречалась с жиголом, занималась с ним сексом, купила секс-игрушку и сделала бразильскую эпиляцию. Все по твоему приказу. И я должна признать, что это были хорошие идеи. Тебе придется признать, что иногда у меня тоже возникают хорошие идеи. Я почти уверена, что это один из тех случаев.

Теперь она заикается. Совершенно лишенная дара речи. Мне определенно нужно будет отметить это в календаре.

— Но... но... ботулизм — это бактерия. Впрыснут мне в лицо! Это совсем не то, что...

— Отличается от пениса незнакомца, введенного в мое влагалище? — невинно спрашиваю я. Сара едва не брызжет слюной.

— Нет, но тебе это понравилось!

— Конечно, мне это понравилось! Я смотрю на нее так, словно у нее выросло две головы. — Этот пенис прикреплен к идеальному телу двадцати с чем-то лет. И я уверена, что тебе тоже понравится ботокс. Знаешь, у тебя тоже гусиные лапки. Я никогда раньше не хотела ничего говорить. Но ты должна знать. Нам обоим не помешало бы омоложение. И это именно то, чем является ботокс. И предположительно, это даже не больно.

— Ты дьявол, — объявляет Сара, убирая мусор после обеда.

— Не имеет значения, — сладко отвечаю я, возвращая ей ее вчерашние слова. — И ты

тоже дьявол. Вот почему мы так сильно любим друг друга. Я запишусь на прием.

— Я не могу сделать это сегодня вечером, — огрызается она. — У меня Спиннинг.

— Все в порядке, — говорю я успокаивающе. — Я уверена, что у них есть свободные места на завтрашний вечер.

Сара срывается с места, но не раньше, чем пару раз бросает на меня свирепый взгляд для пущей убедительности. На полпути к своей машине она поворачивается и отталкивает меня обеими руками. Обеими руками — потому что она говорит серьезно. Я смеюсь, а пожилая дама, сидящая рядом с нами, ахает.

Я наклоняюсь.

— Я сожалею об этом, мэм.

Но на самом деле это не так. Приятно хоть раз в жизни одержать верх над Сарой. Это длилось так долго. Обычно именно она вытворяет такое дерьмо.

Я в прекрасном настроении возвращаюсь в свой офис и заручаюсь помощью Тейлор в поиске лучшего пластического хирурга в городе с применением ботокса. У нее назначена встреча для нас с Сарой в течение часа.

— Чему Вы улыбаетесь? — спрашивает Алекс, влетая в мой кабинет.

Я отворачиваюсь от компьютера и улыбаюсь своему новому боссу. Я ни за что не скажу ему, что смеюсь, потому что только что отправила Саре по электронной почте время нашей встречи с ботоксом на завтрашний вечер. Я практически слышу, как она кричит отсюда, и это доставляет мне огромную радость. Возможно, я немного садистка, и я не могу допустить, чтобы мой новый босс знал об этом.

— Ничего особенного, — отвечаю я ему. — Наверное, у меня просто хорошее настроение.

— В понедельник? — Алекс приподнимает одну красивую бровь. Да, даже брови у него сексуальные. Я улыбаюсь.

— Думаю, да. Я знаю. Я, должно быть, инопланетянин или что-то в этом роде.

— Я думаю, ВЫ, несомненно, инопланетянин.

Алекс снова улыбается, и снова у меня возникает самое странное чувство, что я его знаю. Но еще раз повторяю, я знаю, что это не так. Я бы запомнила такое сексуальное личико. И тело. В этом я уверена. Я рассеянно задаюсь вопросом, сколько часов в неделю он проводит в спортзале.

— Я договорился о нашей встрече с поставщиком, — говорит он мне, возвращая мои мысли к настоящему. — Ты сможешь быть готова к отъезду к вечеру четверга? Встреча состоится в пятницу утром в Сан-Диего. Мы проведем встречу, а затем улетим обратно тем же вечером.

Я бросаю взгляд на свой календарь. Я, конечно, могу попросить Софи остаться в четверг вечером с Риком. А если нет, Сара заберет ее.

— Конечно, — говорю я ему. — Это будет прекрасно. Я буду готова.

— Отлично, — отвечает он. — Я попрошу Либби отправить детали Тейлор по электронной почте. И я принес тебе справочную информацию об их компании, чтобы Вы были в курсе событий. — Он протягивает мне папку.

— Отлично, — улыбаюсь я.

Я ожидаю, что он уйдет, но он этого не делает. Он задерживается, болтая о пустяках... о том и сем. Я ловлю себя на том, что наблюдаю за ним. То, как он двигается, как непринужденно говорит.

Алекс определенно красив по-взрослому. Утонченный и великолепный. Очевидно, ему стало комфортно в своей шкуре, и он хорошо ее носит. Его костюмы дорогие и сшитые на заказ, его обувь идеально начищена. Его улыбка... ну, опьяняющая. Я знаю, это звучит банально, но это правда. И он улыбается мне прямо сейчас.

— Итак, что Вы думаете? Это выполнимо?

Выполнимо? Черт возьми, да, с ним можно справиться. Но подождите.

О-о-о. Он попросил меня о чем-то, и я понятия не имею, о чем.

— Эм, конечно, — отвечаю я.

Пожалуйста, Господи, не дай мне согласиться на что-то ужасное, я молча молюсь.

Хотя я не уверена, что Бог будет настолько склонен помочь, поскольку я не знаю, что сказал Алекс только потому, что размышляла о том, насколько он сексуален.

Алекс улыбается, тепло разливается по его глубоким голубым глазам.

— Идеально! Я попрошу Либби позаботиться о документах для стажера, и я скажу своему сыну, что он может приступить, когда мы вернемся из нашей поездки. Спасибо Вам, Элли. Я ценю это.

Я замираю. Стажер?

Деррррррмо. Почему я не обращала внимания? У меня нет времени на стажера. Но сейчас я вряд ли могу сказать «нет».

Вместо этого я улыбаюсь. — Конечно. Это не проблема. Мы наверняка сможем найти для него какое-нибудь занятие.

Алекс встает со стула и улыбается еще раз, затем уходит.

Я опускаю голову на свой стол.

Я такая идиотка.

Я неохотно поднимаю голову, чтобы отправить Тейлор хорошие новости по электронной почте. Она отвечает за ещё одного стажера. И не просто стажера, а сына нашего старшего вице-президента. Она убьёт меня.

Я слышу, как она вскрикивает, когда читает это, поэтому я бегу к своей двери и запираю ее, чтобы она не смогла применить ко мне какое-либо физическое насилие. Я слишком молода, чтобы умирать.

— Я убью тебя, — говорит мне Сара. И судя по выражению ее лица, когда мы подходим к кабинету пластического хирурга, она, возможно, не шутит. Я на всякий случай отступаю от нее на шаг.

— Все будет хорошо, — уверяю я ее.

Хотя, честно говоря, я не чувствую себя настолько уверенно. Я всегда говорила, что никогда не сделаю никакой пластической операции. И хотя инъекция ботулизма в лицо — это не совсем хирургическое вмешательство, я также не чувствую себя такой уж тепло и хорошо настроенной.

— Люди делают это постоянно, — продолжаю я, когда мы регистрируемся и сидим в шикарном зале ожидания. Слева от нас течет водяная стена, и мои ноги покоятся на тиковом полу. — И этот парень, должно быть, действительно хорош. Посмотри на этот зал ожидания! У них даже есть шоколад.

Я направляюсь к маленькому кафе сбоку, где есть автомат для приготовления мокко/кофе/латте и корзиночки с шоколадными батончиками.

Сара закатывает глаза.

— Хм. Он просто пытается привлечь постоянных клиентов. Он хочет вернуть нас на липосакцию.

Я хихикаю и беру журнал. Но мы не ждём достаточно долго, чтобы прочитать это. Они зовут нас, и мы идём вместе, ведомые очень аккуратной медсестрой в стиле Барби.

После того, как в наши лица на короткое время ткнули длинными иглами, мы выходим обратно через несколько минут.

Это было быстро, безболезненно, и это было совсем не похоже на тот адский опыт, который я испытала с бразильским воском. Это почти не кажется справедливым — кажется, что для того, чтобы отплатить Саре, нужно было приложить немного больше усилий. Я поворачиваюсь к ней.

— Видишь? У нас все в порядке. И через пару дней мы будем выглядеть на десять лет моложе. Тогда ты сможешь поблагодарить меня, если захочешь. Тебе не нужно делать это сейчас.

Я смеюсь, а она свирепо смотрит на меня.

Но утром весь этот сценарий меняется на противоположный.

Когда Сара заходит ко мне домой, чтобы посмотреть на мое лицо, она смеется до тех пор, пока чуть не обмочится в штаны. Потому что я похожа на Человека-слона. Или, скорее, я выгляжу так, как выглядел бы Человек-слон, если бы у него только что была аллергическая реакция на ботулизм.

Я плачу, а Сара смеется, когда Софи врывается в мою ванную.

Я вижу, как моя дочь заметно вздрагивает, когда смотрит на мое лицо. И, честно говоря, это выглядит так, словно в мое лицо въехал мусоровоз.

Мои глаза распухли до такой степени, что я практически выглядываю из-за двух пышных стопок теста с прорезями в них. У меня под глазами слабые тени, и я не уверена, но мне кажется, что в моем левом глазу даже лопнул кровеносный сосуд. Хотя я не могу сказать наверняка, потому что не могу открыть его достаточно широко, чтобы рассмотреть.

— О, боже мой! Кто это с тобой сделал? — требует ответа Софи, бросаясь ко мне и кружа меня вокруг себя. — Клянусь богом, если это сделал папа, я убью его. Мы вызовем полицию.

Я с минуту смотрю на нее в замешательстве, прежде чем понимаю, что она думает, что кто-то избил меня. Я выгляжу так плохо, что кажется, будто кто-то ударил меня по лицу.

Сара сейчас умирает.

Софи свирепо смотрит на нее. — Как ты можешь так смеяться? Я думаю, моей маме нужен врач.

Сара воеет.

— Твоя мама уже была у врача, — выдыхает она. — Вот что произошло. Это называется ботокс, милая. И твоя мама настояла, чтобы мы пошли. И, очевидно, из-за такой мелочи, как Карма, у твоей мамы была какая-то реакция.

Говоря это, Сара поднимает трубку своего мобильного телефона и набирает номер. Минуту спустя она разговаривает с кабинетом врача. Она кивает и соглашается с кем-то, а затем поворачивается ко мне.

— У тебя есть проблемы с дыханием?

Софи ахает, и я быстро качаю головой.

— Нет.

Сара передает это медсестре, затем снова кивает, прежде чем повесить трубку.

— Ага. Похоже, у тебя была какая-то реакция. Она сказала, что опухоль должна спастись, вероятно, в течение дня или двух. Если у тебя возникнут трудности с дыханием или глотанием, тебе следует обратиться в отделение неотложной помощи. В противном случае ты можешь использовать безрецептурные лекарства от дискомфорта и пакеты со льдом. Я так рада, что мы это сделали, а ты? Какая это была замечательная идея.

Она саркастически приподнимает рыжую бровь, глядя на меня. И я свирепо смотрю на нее.

— Я никуда не могу пойти, — рычу я. — Не сейчас, когда я так выгляжу. Я выгляжу так, словно мне самое место в женском приюте.

Сара, наконец, сжалилась надо мной и перестала смеяться. Она даже слегка обнимает меня за плечи.

— Я думаю, это преподало нам ценный урок, — серьезно говорит она.

Я киваю.

— Что нам никогда не надо вводить токсины в лицо?

Она кивает.

— Это, но также и то, почему мы оставляем подобные решения за мной. Это у меня блестящие идеи.

Я не утруждаю себя закатыванием глаз, потому что все равно никто не смог бы этого увидеть. Вместо этого я просто топаю к своей кровати и падаю на нее, накрываясь с головой.

Софи приносит мне пакет со льдом, когда уходит в школу, потому что очевидно, что она ангел. Она унаследовала эту черту от своей матери. Я благодарю ее и даю ей 20 долларов на обед. Я прижимаю лед к своему бедному лицу и беру пульт дистанционного управления. Если я собираюсь лечь в постель, то буду смотреть канал «Lifetime» весь день.

И это именно то, что я делаю. То есть до тех пор, пока мой мобильный телефон не зазвонит в 16:00. По номеру я вижу, что это офис, поэтому я должна ответить.

Это Тейлор.

— Привет, босс, — весело приветствует она меня. — Вы чувствуете себя лучше?

Я позвонила сегодня утром и сказала, что у меня грипп. Очевидно, я никак не могла сказать им правду.

— Немного, — честно отвечаю я. — Надеюсь, я вернусь завтра.

— Отлично, — отвечает она. — Эй, я звоню, потому что заходил Алекс и попросил у меня файл, который он дал Вам вчера — тот, в котором содержится информация о поставщике, с которым Вы собираетесь встретиться на этой неделе? Я сказала ему, что он у Вас в портфеле. Это верно, не так ли?

Я киваю, потом вспоминаю, что она меня не видит.

— Да, он у меня в сумке. Я отдам ему его завтра.

— Ну, в том-то и дело. — И я замираю от ее неуверенного тона. Тейлор никогда, ни в коем случае не колеблется. Это часть ее характера.

— В чем дело? — нервно спрашиваю я.

— Ему он нужен сегодня, потому что он готовит какой-то отчет, или краткое изложение, или что-то в этом роде для встречи. Ему пришлось уйти пораньше на встречу, и он хотел узнать Ваш адрес, чтобы потом заскочить и забрать его. Я дала ему его — я подумала, что Вы не будете возражать.

Я хочу покончить с собой. Серьезно. Очевидно, что самоубийство — единственный

выход из сложившейся ситуации.

— Когда он выехал, ты не знаешь? — Я удивлена, что могу спрашивать об этом спокойно. Я вижу свое расплывчатое отражение на экране телевизора, и это некрасиво.

— Он ушел больше часа назад. Я предполагаю, что он должен быть у Вас скоро.

Я стискиваю зубы и делаю глубокий вдох. Очень быстрый вдох, так как у меня не так много времени.

— Тейлор, мне нужно, чтобы ты добавила кое-что в мой календарь на завтрашнее утро.

— Ладно, я все достала. Я готова, — говорит она. — Что это?

— Добавь «Убить Тейлор» в течение одного часа в 9:00 утра. Я хочу, чтобы у меня было достаточно времени.

Затем я вешаю трубку для пущей убедительности.

Я извинюсь завтра. А пока я должна придумать, что делать.

Я ненадолго задумываюсь о том, чтобы надеть мусульманский хиджаб, но отвергаю эту идею только потому, что у меня его нет под рукой.

Пока я летаю по комнате, на грани истерики, я вспоминаю охлаждающую гелевую маску, которая входила в набор для спа-процедур, который Софи подарила мне на Рождество. Сейчас он в морозилке, вероятно, погребен под тридцатью четырьмя пакетами замороженного горошка. Я никогда им не пользовался. И я также никогда не готовлю замороженный горошек.

Я бросаюсь к холодильнику.

Я буду выглядеть нелепо, но это лучше, чем выглядеть как Человек-слон.

Перебирая все замороженные продукты в своей морозилке, я начинаю паниковать, потому что не могу найти то, что нужно, когда слышу, как на подъездной дорожке хлопает дверца машины.

Дерррррьмо.

А потом произошло чудо. Я нахожу маску, спрятанную сзади.

— Спасибо тебе, Боже, — шепчу я.

Мое сердце бешено колотится в груди, когда я надеваю маску на голову и прикладываю ее к лицу. У меня даже нет времени посмотреться в зеркало. Я могу только молиться, чтобы это скрыло мое уродство.

Раздается звонок в дверь, и я расправляю ночную рубашку и расправляю плечи. Единственный способ справиться с этим — быть уверенным в себе. И вести себя нормально. Все открывают дверь в пижамах и спа-маске, верно?

Я направляюсь к двери.

Я знаю, что выгляжу нелепо, но мне все равно. И, кроме того, с этим все равно ничего не поделаешь.

Я распахиваю дверь.

И Алекс вздрагивает точно так же, как это сделала Софи.

Я серьезно хочу умереть.

(Потому что сейчас самое подходящее время получить весточку от Алекса)

Алекс

— Срань господня, — говорю я, прежде чем успеваю сдержаться.

Я смотрю на Эллисон, и она выглядит так, словно в нее врезался полуприцеп. Конкретно, ей в лицо. Она также выглядит так, словно присутствует на каком-то странном балу-маскараде в образе растрепанной, оскорбленной домохозяйки. На ней ночная рубашка, босые ноги, растрепанные волосы и что-то вроде ледяной маски. Если бы я сразу не забеспокоился о ее благополучии, я бы рассмеялся.

— На Вас напали? — спрашиваю я, заходя внутрь. Элли выглядит так, словно хочет либо ударить меня, либо забиться в угол. Я не могу сказать, какой именно.

Она качает головой.

— Нет. А потом она вздыхает.

— Вы в порядке? — спрашиваю я, снова осматривая ее. У нее синяки на скулах. — Вас избили?

Она краснеет, или, по крайней мере, мне кажется, что она краснеет. Это трудно определить из-за маски.

Это та сторона Элли, которую я еще не видел. Обычно она свирепая и сильная — настоящая динамо-машина. Честно говоря, когда я впервые встретил ее, я был немного напуган. У этой женщины определенно есть азарт. И она красива, что делает ее силой, с которой нужно считаться.

И к настоящему времени я вижу, что больше ничего с ней, похоже, не произошло, все в порядке. Никаких других изменений и отметин на ней, кроме лица, не было.

И она качает головой.

— Нет, никто меня не обижал. За исключением врача. Но я заплатила ему за это, потому что я идиотка.

Я приподнимаю бровь, потому что теперь я в замешательстве.

— Что?

Она снова вздыхает и выглядит смущенной. По крайней мере, так кажется из-за ее ледяной маски. Я смотрю на нее, ожидая, что она объяснит.

Она приподнимает худенькое плечико, пожимая плечами.

— Я сделала инъекцию ботокса. А потом произошла реакция на ботокс.

Я ничего не могу с собой поделать. Я смеюсь.

И даже возмущенное и смущенное выражение на обычно милом лице Элли не удерживает меня от смеха все сильнее и сильнее. У меня буквально слезы текут по щекам, прежде чем я, наконец, могу взять себя в руки.

— Я рада, что могу Вас развлечь, — говорит Элли. Насколько я могу судить, теперь ее скулы покраснели еще сильнее. Ее очень опухшие скулы.

Я проглатываю остатки своего веселья.

— Вам больно? — спрашиваю я. Она качает головой.

— Нет. Я просто ужасно выгляжу. Вы не зайдете? Она делает жест рукой, и я захожу дальше в ее дом.

Ее дом прекрасен, именно такой, как я и ожидал. Дорогая мебель, выполненные со

вкусом произведения искусства, много естественного света и современные удобства. Она ведет меня на кухню, где роется в своей сумке.

— Вам не нужен был ботокс, — говорю я ее напряженной спине. Я явно заставил ее защищаться своим смехом, хотя и не хотел этого. — Вы выглядите великолепно. Простите меня за то, что я смеялся. Я смеялся, потому что мысль о том, что Вы можете сделать укол красоты, когда уже выглядите великолепно, просто шокировала меня.

И ее позвоночник расслабляется.

Иногда, наверное, я могу сдержаться и сказать что-нибудь тактичное. Очевидно, за сорок лет я кое-чему научился.

Она поворачивается с легкой улыбкой на губах.

— Спасибо, — любезно говорит она, протягивая мне папку. — И я не виню Вас за то, что ты смеешься. Моя лучшая подруга тоже смеялась.

— Хороший лучший друг, — отвечаю я. Элли снова улыбается.

— Ну, честно говоря, я уговорила ее сделать это вместе со мной, и она решила, что это уместно. Карма и все такое. Но она уговаривала меня на сотню разных вещей... и все они были хуже, чем это, могу тебя заверить.

Я пристально смотрю на нее.

— Хуже, чем ботокс? Сомневаюсь.

Она кивает.

— О, да. Гораздо хуже. Но их немного неуместно обсуждать с моим боссом.

И теперь я заинтригован. Но, очевидно, я не могу спросить. Она уже стоит передо мной в ночной рубашке. Говорить одновременно о неподобающих вещах было бы, наверное, чересчур.

Особенно с учетом того, что она мне нравится. Я признался себе в этом еще при нашей первой встрече. То есть после того, как я перестал быть запуганным. Эй, она великолепная, умная женщина, а я настоящий мужчина. Это нормально.

Я делаю шаг к ней.

— Что они сказали сделать для этого чтобы спала опухоль?

— Я принимаю ибупрофен и использую пакет со льдом, — говорит она, слегка натягивая маску. Я думаю об этом.

— Разве не следует воспользоваться антигистаминным кремом? У моей сестры иногда бывает крапивница, и она пользуется кремом, чтобы снять отек. У Вас есть такое средство?

— О-о-о, это отличная идея! — восклицает Элли, немедленно отворачиваясь. — Я держу немного под рукой для своей дочери Софи. На самом деле у нее тоже иногда бывает крапивница! Спасибо, что напомнили мне! — бросает она через плечо, направляясь по коридору. — Я сейчас вернусь.

— Не торопитесь! — отвечаю я.

Я сажусь на табурет у барной стойки для завтрака и жду, оглядываясь по сторонам. Приборы из нержавеющей стали, гранитные столешницы, безупречная обстановка. Я не уверен, пользуется ли она на самом деле своей кухней, но это определенно милое место. Рядом со мной стоит тарелка со свежими лимонами и лаймами. Среди различных произведений искусства, висящих на стене, есть фотография улыбающейся девочки-подростка. Карие глаза, великолепная улыбка, темные волосы. Девочка выглядит точь-в-точь как Элли — это, должно быть, ее дочь.

Пока я смотрю на это, у меня звонит телефон.

Я бросаю на него взгляд. На экране высвечивается номер моего сына.

Я вздыхаю и отвечаю на звонок.

— Привет, Колби.

— Привет, папа, — холодно отвечает мой сын. — Я получил твое сообщение. На самом деле я не хочу проходить стажировку на твоей новой работе. Я уже сто раз тебе это говорил.

— Да? Я отвечаю так терпеливо, как только могу. — Что еще ты собираешься делать? У тебя высшее образование. Ты должен во всем разобраться и решить, что ты собираешься делать. Тебе двадцать три года.

— Ты это уже говорил... много раз до этого, — отвечает Колби. Я очень сильно борюсь с собой, чтобы не выдать саркастический ответ. Мой сын упрямый — черта, которую он мог бы перенять от меня. Или, по словам моей бывшей жены, он определенно это сделал.

— Послушай, ты можешь начать в понедельник. Платят прилично, и ты сможешь работать в действительно отличной компании. Ты творческий человек, и я думаю, ты поймешь, что маркетинг отлично подходит для твоего творческого ума. Приходи в штаб-квартиру «Zellers» в понедельник и спроси Эллисон Ланкастер на стойке регистрации. Она исполнительный директор, отвечающий за маркетинг. Она отчитывается передо мной, и я думаю, она тебе понравится.

Колби секунду молчит, прежде чем ответить.

— Эллисон Ланкастер, да? Хорошо. Я спрошу о ней в понедельник и попробую. Ты, очевидно, сильно переживаешь по этому поводу.

Я ошеломлен, но изо всех сил стараюсь этого не показывать.

— Превосходно! Я рад, что ты передумал. Уверен, что это правильное решение, Колби.

— Что ж, посмотрим, — отвечает он.

Мы вешаем трубку, и я медленно выдыхаю.

Мой сын, безусловно, полон сюрпризов.

Как и мой новый исполнительный директор. Я поворачиваюсь на своем месте, ожидая, когда она снова выйдет из зала. Мой сын такой же упрямый и своевольный, каким только могу быть я. Я надеюсь, что Элли справится с ним.

(Потому что, очевидно, на данный момент мы должны получить весточку от Колби)

Колби

Срань господня!

Я вешаю трубку и сижу в ошеломленной тишине в своей спальне.

Эллисон Ланкастер работает на моего отца. И я буду работать на нее с понедельника. Я имею в виду, в несексуальном качестве. Она скоро умрет. Она, черт возьми, умрет. Я практически вижу выражение ее лица прямо сейчас.

Я бросаю взгляд на свой телефон. Я должен позвонить ей и предупредить. Но потом заколебался.

В голову приходит дьявольская идея, и я не могу удержаться от улыбки. Эллисон очаровательна, когда смущается. Я помню выражение ее лица в ресторане, когда она пыталась не кончить на глазах у официанта. И тут промежность моих штанов увеличивается на два размера при воспоминании о том, что последовало за этим... в туалете ресторана.

Поэтому я беру свой телефон и отправляю ей сообщение.

Почему бы тебе не записаться ко мне на прием в субботу? Мне нужна моя доза Элли Кэт.

Я отложил свой телефон.

Я не собираюсь ей говорить. Сделаю ей сюрприз, когда появлюсь в понедельник. Выражение ее лица того стоит.

(Или: Линии созданы для того, чтобы их пересекать, не так ли?)

Элли

Я только что намазалась антигистаминным кремом, глядя в зеркало в ванной, когда мой телефон зазвонил с сообщением. Я вытираю руки и поднимаю его.

Шейд.

Почему бы тебе не записаться ко мне на прием в субботу? Мне нужна моя доза Элли Кэт.

Я не могу удержаться от улыбки.

Я так рада, что провела с ним черту на песке — и убедилась, что он знает, что я никогда не смогу встретиться с ним. Но это не значит, что я когда-нибудь перестану пользоваться его услугами. И тогда я чувствую себя ужасно непослушной из-за таких мыслей, учитывая, что мой новый босс ждет меня на кухне. Мой ультра-сексуальный-я-возможно-даже-запала-на-нового-босса. Тот самый.

Я отвечаю Шейду: *Я подумаю.*

Но я знаю, что так и сделаю. Я вернусь домой из Сан-Диего в пятницу вечером, так что вероятно, смогу сделать это даже той ночью. Или я могу перестраховаться и назначить встречу на субботу. Посмотрим.

Я наношу немного консилера под щеки, а затем беру баночку с бронзирующей пудрой. Я наношу немного кисточкой, затем рассматриваю себя в зеркале. Опухоль все еще на месте, но, по крайней мере, синяк скрыт. Хотя я все еще выгляжу так, словно провела пять раундов на боксерском ринге с призовым бойцом.

Я снова смотрю на себя. Нет, десять раундов.

В этот момент я слышу, как Алекс зовет меня.

— Могу я взять что-нибудь выпить из вашего холодильника?

Я начинаю отвечать, но понимаю, что он не смог бы меня услышать. Я возвращаюсь на кухню и пытаюсь не обращать внимания на то, что теперь, когда маски нет, он может видеть мое лицо Человека-слона более отчетливо.

— Конечно, — говорю я ему, подходя к холодильнику. — Чего бы Вы хотели?

Алекс соскальзывает с табурета и, обойдя барную стойку, быстро подходит ко мне.

— Вам не обязательно было выходить и доставать, — говорит он мне, потянувшись к ручке холодильника одновременно со мной. — Я могу взять сам.

И каким-то образом, и я никогда точно не узнаю, как, баночка с бронзовой пудрой вылетает из моей другой руки и взрывается облачком коричневой пыли ржавого цвета на ширинке очень дорогих брюк Алекса.

На промежности.

Я в ужасе смотрю на него и начинаю заикаться.

— Я... мне... так жаль! О, боже мой, мы должны... — Он смахивает их, и я хватаю его за руку. — Нет, не делайте этого. Вы вотрете это внутрь. Мы должны... Я отсосу тебе! — Я бегу к кладовке для метел, но как только я осознаю, что только что сказала, мне хочется умереть.

А потом я застываю на месте.

Я отсосу тебе???

Я медленно поворачиваюсь и встречаюсь с его удивленным кобальтовым взглядом.

— Я имела в виду, пылесосом. Я отсосу это с помощью вакуумного шланга.

Алекс ухмыляется, озорная ухмылка озаряет его чертовски сексуальное лицо.

— Ясно, — отвечает он. — Что же еще ты могла иметь в виду?

И я хочу умереть снова.

Мои щеки ярко краснеют, когда я вытаскиваю пылесос из шкафа, включаю его в розетку и затем подхожу к нему. Он улыбается и протягивает мне руку.

— Я думаю, мне, вероятно, следует сыграть эту роль, — предлагает он. — Не то, чтобы я тебе не доверял, но...

И я хочу умереть в третий раз.

Я протягиваю ему шланг вялыми пальцами, а затем включаю пылесос, наблюдая, как он приводит в порядок свою промежность. Возможно, это самая неловкая ситуация за всю историю моей жизни. Серьезно. Или, может быть, даже в чьей-то жизни или во всех жизнях, вместе взятых.

Когда он заканчивает, на его серых брюках все еще видны слабые следы бронзатора. Я вздыхаю.

— Разумеется, я заплачу за химчистку, — говорю я ему. — А если они испортятся, я куплю тебе новые.

Алекс машет рукой.

— Не переживай, — добродушно говорит он мне. — Seriously. Я заявился сюда в твой больничный без предупреждения. Я это заслужил.

Он смеется, и я не могу удержаться, чтобы не рассмеяться вместе с ним.

Что за день.

— Похоже, что все складывается против того, чтобы у нас были нормальные отношения, не так ли? — Алекс хихикает. И при слове «отношения» у меня перехватывает дыхание. Может ли он знать, что я думала о нем совсем не по-начальнически? Я сглатываю.

— Я знаю, и это моя вина, — неуверенно говорю я. — Мне правда жаль. Обещаю, обычно я очень профессиональна.

Алекс качает головой.

— Я бы ни капельки не изменил тебя, — объявляет он.

Он такой красивый, когда вечернее солнце светит на него через окно. Я стараюсь этого не замечать.

— Ты делаешь работу интересной, — добавляет он.

— Рада, что могу быть полезна, — бормочу я. — Ты действительно хочешь выпить сейчас или мне найти что-нибудь еще, чтобы облить тебя?

Он смеется.

— Знаешь, как бы заманчиво это ни звучало, мне, наверное, пора идти. Я хочу просмотреть этот файл сегодня вечером и сделать кое-какие пометки. Но тебе спокойной ночи, и увидимся завтра. Я надеюсь, что твой отек спадет. Честно говоря, это уже выглядит лучше. Этот крем, должно быть, помогает!

Я осторожно дотрагиваюсь до своих щек. Он прав. Кожа стала гораздо более расслабленной, чем была некоторое время назад.

— Ты прав, и спасибо тебе за идею. Я даже не думала об этом. Может быть, тебе следовало стать врачом.

— Ах, но тогда мне пришлось бы весь день видеть голых женщин на работе, знаешь ли

— без нижнего белья и прочего. О, подожди! Это происходит со мной и сейчас! — Он смеется, наблюдая за моим лицом. Мое лицо, очевидно, вспыхивает пламенем.

— Я шучу, — говорит он мне. — Я не должен был бы находить это таким смешным, но я ничего не могу с собой поделать. Я надеюсь, ты не сочтешь это неуместным. Ты должна признать, что вся эта ситуация забавна.

Я несчастно киваю.

— Я знаю. Так и есть, — признаю я. — В последнее время, с каждым глупым трюком, который я выкидываю, мне кажется, что я испытываю внетелесный опыт. Как будто я продолжаю наблюдать, как кто-то другой делает все те глупости, которые продолжаю делать я.

Алекс только посмеивается.

— Не беспокойся об этом. У меня был период после развода, когда я тоже немного сошел с ума. Это пройдет, и все снова вернется на круги своя.

Я киваю, потому что знаю, что он прав, но беда в том, что я даже не знаю, что такое норма. Думаю, мне придется найти новую нормальную жизнь. Я провожаю его до двери и благодарю за то, что он пришел забрать папку, и еще раз извиняюсь за то, что испортила ему промежность.

— И твои штаны, — заикаясь, добавляю я.

Он ухмыляется.

— Рад был увидеть тебя сегодня, Элли, — улыбается он. — На самом деле.

И он ушел.

И я успеваю дойти только до своего коридора, как он возвращается, смущенно улыбаясь и просовывая голову в дверь.

— Эм, моя машина не заводится, — говорит он, качая головой. — Я собираюсь вызвать эвакуатор. Тогда ты не возражаешь, если я подожду здесь с тобой?

Я пристально смотрю на него.

— Твоя машина не заводится? На чем, черт возьми, ты едешь?

Я подхожу к окну и смотрю на свою подъездную дорожку, чтобы увидеть сверкающий черный BMW. Он явно совершенно новый.

— Хм. Что ж, даже самые лучшие вещи ломаются, — говорю я, оборачиваясь. — Конечно, ты можешь подождать здесь. Не хочешь ли выпить сейчас?

Алекс кивает.

— Это было бы здорово.

Он находит по своему телефону компанию, предоставляющую эвакуаторы, и затем звонит им, пока я наливаю ему бокал вина. А потом еще один для себя. Я жестом показываю ему, что сейчас вернусь, и направляюсь в свою спальню, чтобы одеться.

Мне приходится заставлять себя не надевать что-нибудь сексуальное.

Я поражена этой тяге.

Я хочу выглядеть сексуально для своего босса?

Но мой босс потрясающе сексуален, напоминаю я себе.

Поэтому, конечно, я тоже хочу выглядеть сексуально. Вместо этого я натягиваю штаны и футболку, в которых я занимаюсь йогой. Это облегчающая футболка с v-образным вырезом, но это все равно футболка. И штаны для йоги действительно хорошо подчеркивают мою задницу, но это все равно штаны для йоги. Я бросаю взгляд в зеркало. Мое лицо выглядит немного лучше, но оно все еще не феноменально. Но, по крайней мере, облик Человека-

слона исчез. Это определенно мне не шло.

Когда я возвращаюсь на кухню, Алекс вешает трубку.

— Ты выглядишь лучше, — объявляет он, выглядя во всех отношениях как модель GQ, отворачиваясь от окон и улыбаясь мне.

— Ну, одежда может сделать это с человеком, — отвечаю я. Теперь, когда я улыбаюсь, мое лицо не кажется напряженным из-за припухлости. Это, должен быть, хороший знак.

— Хорошо, — говорю я, оглядывая свою кухню. — Практически единственное, что у меня есть, — это шоколад, попкорн и куча замороженных овощей. Но я проголодалась. Хочешь заказать китайскую еду, пока мы ждем эвакуатор? Они у меня на быстром наборе.

Алекс смеется.

— Я так и думал, что твоя кухня слишком чистая, чтобы ею кто-то пользовался. Я люблю китайскую кухню. Я знаю, что сейчас только 5:00, но я пропустил сегодня обед, так как мне пришлось уйти пораньше.

Я пожимаю плечами и тянусь за телефоном.

— Я не такой уж хороший повар, — честно говорю я ему. — Но я могу испечь замороженную пиццу лучше всех. И я отлично умею набирать номер по телефону.

Он снова смеется, когда я заказываю наш ужин. Затем я наливаю нам еще по два бокала вина, и мы устраиваемся во внутреннем дворике ждать.

— Итак, как ты решил перейти в «Zellers»? — спрашиваю я, поддерживая вежливую светскую беседу. Я намеренно не обращаю внимания на то, что его живот плоский, как стиральная доска. Единственная рябь на нем — от мышц. И я практически вижу их сквозь его сшитую на заказ рубашку. Я чувствую горячую вспышку, возникающую от одной только мысли, поэтому не свожу с него глаз.

Он барабанит пальцами по столу во внутреннем дворике, и я смотрю на них. Они длинные и прямые, но в то же время очень мужественные. У него сексуальные руки. Я вздыхаю. Почему они должны быть какими-то другими? Они прикреплены к сексуальному телу.

Сосредоточься, идиотка! Я упрекаю себя. И я снова зацикливаюсь на его глазах.

Что, конечно, не помогает, потому что у него великолепные глаза.

Но я продолжаю смотреть на них и не обращаю внимания на то, как двигаются его полные губы, когда он говорит.

— Ну, один из моих хороших друзей — рекрутер. И когда он увидел эту должность, он подумал, что она идеально подойдет мне. Он знал, что я давно хотел что-то изменить. Я действительно хотел начать все с чистого листа.

Я пристально смотрю на него.

— Ты местный? — спросила я.

— Да, — отвечает Алекс, делая глоток вина. — Но после развода я переехал на другой конец города и как бы изменил свою жизнь во всех отношениях. Я завел несколько хобби, внес кое-какие полезные изменения... что-то в этом роде. Иногда, когда вы женаты, вы забываете расти как личность, потому что вы так сосредоточены на том, чтобы быть частью единого целого.

— Как давно вы развелись? — спрашиваю я с любопытством. По какой-то причине мне пришло в голову, что прошло уже какое-то время.

— Восемнадцать месяцев, — говорит он. — И мне от этого только лучше.

Я делаю глоток вина. Боже, как я люблю вино.

— Что случилось? Почему вы развелись?

— Мы отделились друг от друга, — пожимает он плечами. — Я думал, что у нас все было в порядке, и, очевидно, с моей женой все было в порядке... но у нее все было в порядке со своим инструктором по теннису. Итак... мы развелись. Я не из тех уродов, которым нравится делить свою жену.

Он криво усмехается, и мне внезапно хочется обнять его. Я, конечно, знаю, каково это, когда тебе изменяют. Но кто в здравом уме стал бы изменять Алексу Харрису?? Святая корова, какой же глупой девчонкой, должно быть, была его бывшая.

— Мой бывший тоже изменял, — говорю я ему. — И это было тяжело. Я имею в виду, что это заставляет тебя переосмыслить все в своей жизни. Но мне тоже от этого лучше.

Он смотрит на меня с выражением полного шока.

— Кто в здравом уме стал бы тебе изменять? — откровенно спрашивает он.

— Это именно то, что я только что думала о тебе! — Признаюсь я. — Я думаю, наши бывшие были просто сумасшедшими. Итак, выпьем за сумасшествие. — Я чокаюсь своим бокалом с его.

Он улыбается.

— Что ж, у сумасшествия действительно есть некоторые преимущества, — говорит он. — Если бы они не сошли с ума, мы бы все еще были привязаны к ним, верно?

Да, я думаю. И я бы не сидела здесь с тобой, практически пуская слюни.

Хорошо. Я должна положить конец такого рода мыслям. Он мой босс. Я не могу связываться с ним. Но я, кажется, не могу убедить свой мозг перестать думать о нем.

Поэтому я делаю единственное, что приходит мне в голову, чтобы остановить безумие... единственное, что может подавить мою ненасытную потребность вести себя с ним как идиотка.

Я признаю свою влюбленность в него.

Да, я, наверное, сумасшедшая. Но я уже давно это знаю.

— Итак, я тоже совершенствуюсь, — говорю я ему, снова наполняя наши бокалы вином. — И одна из вещей, которые я делаю, заключается в том, что я абсолютно честна во всем, что происходит в моей жизни. На игры уходит слишком много энергии, а жизнь слишком коротка. Итак, я здесь кое с чем борюсь и просто хочу, чтобы ты знал об этом. Потому что, может быть, это поможет.

Алекс смотрит на меня с беспокойством.

— Я помогу тебе всем, чем смогу, Элли.

— Ладно, смотреть на меня так ласково — это не помогает, — объявляю я. Поскольку мы сидим в моем патио и пьем третий бокал вина, легко упустить из виду тот факт, что он мой босс.

— Я тебя не понимаю, — неуверенно говорит мне Алекс. — Я тебя обидел? Мне казалось, ты сказала, что тебя нелегко обидеть.

— Нет, конечно, нет, — говорю я ему, делая глубокий вдох. — Я не обижаюсь. Ты мне нравишься. Наверное, именно поэтому я вела себя как неуклюжая идиотка. Ты пугаешь меня, и меня влечет к тебе. И я не согласна со свиданиями на рабочем месте, потому что это делает ситуацию слишком неловкой, так что я в некотором роде в растерянности.

Теперь он молча смотрит на меня. И он выглядит немного контуженным, так что я спешу извиниться.

— Ладно, мне жаль. Я перешла черту, не так ли? — с тревогой спрашиваю я, и мое

сердце начинает бешено колотиться. Последнее, что мне нужно, — это чтобы меня уволили за неподобающее поведение. Можно ли считать это неуместным, поскольку это происходит в моем собственном доме? Мои мысли мечутся, а щеки вспыхивают.

И тут Алекс улыбается.

— На самом деле, это облегчение. Потому что ты мне тоже нравишься. И ты тоже меня пугаешь. И я согласен с тем, что нельзя встречаться на рабочем месте.

Это совсем не то, чего я ожидала.

Я тупо смотрю на него, не зная, что сказать.

— И это освежает — разговаривать с такой честной женщиной. Хотя, я думаю, это пугает меня еще больше.

Алекс снова улыбается, и, клянусь богом, у него такие белые зубы! Это вообще естественно??

Я все еще ошеломлена, и Алекс подсказывает мне.

— Ты не собираешься ничего сказать?

— Мне нужно еще вина, — заикаюсь я, протягивая руку за своим бокалом. Я делаю глоток. И смотрю на него еще раз. — Я тебя пугаю? Почему?

Он пожимает плечами, весь такой красивый, элегантный и утонченный.

— Я не знаю. Это просто есть. Хотя сейчас я немного пришел в себя. Я думаю, это все из-за того, что я пропылесосил свою промежность у тебя на глазах.

Я снова краснею.

Как может одна женщина умудриться нести в себе сотню разных видов идиотизма?

— Я не знаю, как это произошло, — говорю я ему снова. — Я действительно не знаю. Как я уже сказала, рядом с тобой я превращаюсь в неуклюжею идиотку. Я чувствую себя долбанной тинэйджеркой.

Он заговорщицки наклоняется ко мне.

— Я вроде как тоже, — признается он. — Но мы работаем вместе. И мы взрослые люди. Мы ведь справимся с этим, верно?

Я автоматически киваю.

— Конечно. Я просто подумала, что будет справедливо рассказать тебе, почему я, кажется, веду себя так странно. В некотором роде приятно взять быка за яйца и просто разобраться с ситуацией, а не ходить вокруг да около, как киска.

Алекс вздыхает.

— Это не помогает, когда ты используешь слово «яйца» и «киска» в одном предложении, Элли. — Теперь он смеется, и мне приходится смеяться тоже.

— Это самый странный разговор, который у меня когда-либо был с боссом, — говорю я ему. — Но, с другой стороны, я никогда раньше не была влюблена в босса, так что это новая область. У меня сейчас такое чувство, будто я на чаепитии с Безумным шляпником.

— Ну, может, я и Безумный шляпник, но, по крайней мере, на мне есть нижнее белье, — невозмутимо заявляет Алекс.

— На мне есть нижнее белье! — Говорю я. — Обычно на мне есть нижнее белье. Я просто не сделала этого в тот конкретный день по очень конкретной причине, в которую я не хочу вдаваться прямо сейчас. И я думаю, нам следует сменить тему, пока я не вспыхнула.

Алекс ухмыляется.

— Согласен. Окей... Как насчет детей? Я видел фотографию твоей дочери. Она красива и выглядит так, словно могла бы быть твоей сестрой. Она твой единственный ребенок?

Я киваю.

— Да. Софи. Ей пятнадцать, и она моя единственная. Она замечательный ребенок. Вообще-то, она, наверное, уже должна была вернуться домой с чирлидинга в любое время. А как насчет тебя?

— У меня тоже есть только один. Один сын. Ему двадцать три, и, по-видимому, он все еще пытается разобраться в своей жизни, но он тоже отличный парень. Я уверен, что когда-нибудь он это поймет.

И тут раздается звонок в мою дверь. Я слышу это через сетку на дверях моего внутреннего дворика.

— Ужин подан! — Объявляю я с улыбкой. Мы берем наши бокалы и возвращаемся в дом. Мы едим, свернувшись калачиком в гостиной, и еще немного болтаем о пустяках. И, честно говоря, в кои-то веки я думаю, что сделала что-то правильно. Рассказ Алексу о моей влюбленности в него, казалось, отнял у меня часть сил. Сейчас я уже не так откровенна.

Алекс интересен и обаятелен. И когда приезжает эвакуатор и ему приходится уезжать, я обнаруживаю, что разочарована. И это поразительно.

Что подводит меня к еще одному поразительному факту.

Я совершенно определенно влюблена в своего босса.

(Или: Испытание, ты — дьявол. И я, наверное, люблю тебя)

Поскольку Мудак Рик не смог найти в своем расписании время, чтобы взять Софи на дополнительную ночь, я устраиваю так, чтобы Сара осталась на ночь у нас дома. Меня это вполне устраивает, или, по крайней мере, так будет после того, как я оговорю, что Сара никоим образом не может вытворять ничего дикого с Софи.

Моя лучшая подруга торжественно пообещала.

Итак, я отправляюсь в аэропорт, чувствуя себя несколько непринужденно в сложившейся ситуации. Кроме того, у меня назначена встреча с Шейдом на завтрашний вечер. Я думаю, горячее, сексуальное свидание с горячим и сексапильным молодым человеком поможет мне отвлечься от того факта, что я влюблена в Алекса. Шейд мог отвлечь умирающую женщину от мыслей о судьбе ее собственной души. Настолько он отвлекает внимание.

Я паркую свою машину и захожу в терминал... тот самый, откуда вылетают частные самолеты. У «Zellers» есть собственный парк частных самолетов.

Поскольку я не вице-президент компании, я могу пользоваться ими только тогда, когда путешествую с вице-президентом. Но это все равно приятная привилегия.

Алекс уже здесь, ждет меня. Он выглядит потрясающе красивым в своих повседневных брюках цвета хаки и белой рубашке на пуговицах. Сара, безусловно, была права. В конце концов, белые рубашки на пуговицах могут быть чертовски сексуальными, особенно когда они натянуты на его подтянутую грудь.

И как будто такой хороший внешний вид не был достаточным подарком для меня в такую рань, он протягивает мне чашку изысканного кофе. Он что, пытается заставить меня влюбиться в него? Боже.

— Спасибо, — говорю я ему, потягивая нектар Богов. — У меня не было времени остановиться по дороге.

— Я и не предполагал, что у тебя будет время, — говорит он мне. — Ты готова?

Я киваю.

— Так и есть. Я не ложила спать прошлой ночью и просмотрела отправленное тобой электронное письмо. Все выглядит в порядке.

— Это так, — соглашается он. — Все должно пройти гладко. Я думаю, этот проект сработает, и они собираются назвать конференц-залы в честь нас на работе. — Он улыбается, и я улыбаюсь в ответ, как от его дерзости, так и от мысли о моем имени на табличке перед шикарным конференц-залом в «Zellers».

Я следую за ним вверх по лестнице и в самолет, где мы окружены роскошью, которая обычно доступна только руководителям высшего звена. Шикарные кожаные диваны, мягкие одеяла, личные стюардессы. Я решаю, что мне нужно повышение по службе, чтобы я могла летать вот так, даже когда меня не сопровождает Алекс. В конце концов, вице-президент — это всего лишь на один шаг выше моего нынешнего поста исполнительного директора.

Полет длится всего тридцать минут, так что у нас действительно даже нет времени устроиться поудобнее, прежде чем мы приземлимся в Сан-Диего. Там нас ждет машина, элегантный черный таун-кар, который отвозит нас в наш отель.

— Я подумал, что мы могли бы встретиться в моем номере, чтобы обсудить кое-какие

вопросы, а потом пойти поужинать, — предлагает Алекс, когда машина плавно останавливается и водитель открывает дверь.

— Конечно, — говорю я ему, хотя от того, что я сижу взаперти с Алексом в его комнате, у меня учащенно бьется сердце. — Только дай мне сначала отнести сумку в свою комнату.

Мы регистрируемся, и я направляюсь в свой номер. Отель потрясающий, и из моего номера открывается великолепный вид на океан. Я отправляю быстрое электронное письмо со своего телефона Тейлор, чтобы поблагодарить ее. Она действительно заботится обо мне, и я знаю, что она пытается заглядеть свою вину за то, что вчера отправила Алекса ко мне домой.

При этой мысли я дотрагиваюсь до своего лица. Опухоль значительно уменьшилась. Серьезно, сейчас едва ли можно сказать наверняка, что что-то было. Мои глаза выглядят так, будто они немного припухли от недосыпания, а не так, будто кто-то ударил меня бейсбольной битой по скулам. Это прогресс.

Я бросаю свой чемодан и смотрю в зеркало в ванной.

На самом деле, учитывая все обстоятельства, я выгляжу довольно хорошо. Я провожу щеткой по волосам и наношу немного бальзама для губ, а затем направляюсь в комнату Алекса, которая находится чуть дальше по коридору.

Он открывает дверь, и мне приходится затаить дыхание. Он ослабил воротник своей рубашки, что делает его еще сексуальнее. Небеса, помогите мне.

— Привет, — приветствует он меня. — Как насчет этого вида?

— Я знаю, — отвечаю я, заходя внутрь. — Если бы только в Вегасе был океан, верно?

— Что ж, у нас есть пустыня. Это почти так же хорошо, согласись? — Он одаривает меня улыбкой. Белоснежной улыбкой. Я укрепляю свою решимость. — Могу я предложить тебе что-нибудь выпить?

— Было бы здорово выпить воды, — говорю я ему, усаживаясь за стол. У него уже повсюду разложены бумаги, хотя мы пробыли здесь всего пятнадцать минут. Он протягивает мне бутылку, а затем садится рядом со мной.

Он пахнет, как природа... как солнечный свет и мужчина. И я ловлю себя на том, что мне хочется запрыгнуть к нему на колени и вдохнуть его запах. Что было бы странно. Поэтому я сопротивляюсь этому желанию и вместо этого сосредотачиваюсь на бумагах, лежащих перед нами. На самом деле это занимает нас на два часа.

И я обнаруживаю, что как только мы начинаем говорить о бизнесе, я могу каким-то образом абстрагироваться от его сексуальности и его удивительного запаха и сосредоточиться на насущных вопросах. Мы придумали довольно эффектную модель совместного партнерства, которую представим утром, если я могу так выразиться.

— Мы хорошая команда, — отмечает Алекс, начиная собирать бумаги. Я киваю.

— Да, это так.

— Ты хочешь съесть стейк? — спрашивает он. — Потому что я точно хочу.

Я улыбаюсь.

— Мужчины всегда хотят съесть стейк?

Он кивает.

— Да.

— Что ж, в таком случае, я далека от того, чтобы удерживать тебя от демонстрации своего мужества. Если ты захочешь секунду побить себя в грудь, я буду терпеливо ждать.

Алекс смеется, и мое влагилице трепещет.

Он надевает ботинки, а затем придерживает дверь открытой, как истинный джентльмен. Я ловлю себя на том, что загнипнотизирована его движениями, вообще-то, всем в нем. Я сглатываю. Вся эта совместная работа оказалась сложнее, чем я даже предполагала. Почему он должен быть таким великолепным? «Би Би» снова трепещет, — ее вагинальные антенны в состоянии повышенной готовности. Я шикаю на нее. Сейчас определенно не время.

Не успеваю я опомниться, как мы уже сидим в элегантной столовой, в темном углу ресторана, где на заднем плане звучит тихая музыка. У меня есть бокал красного вина, а у Алекса — джин с тоником. И я теряю себя в его голубых глазах.

Не помогает и то, что рядом с нами на стене висит декоративное зеркало, и когда я смотрю в него, то вижу, что мы идеально смотримся вместе. Идеальный возраст, идеальная разница в росте и даже наша «расцветка» дополняют друг друга. Я снова обращаю свое внимание на него. Это не помогает.

— Итак, — начинаю я, — что ты пока думаешь о «Zellers»?

Он сцепляет пальцы, что, как я замечаю, он делает, когда ему не по себе.

— «Zellers» — отличная компания, — говорит он мне. — Здесь полно талантливых и энергичных людей. Честно говоря, на меня произвели впечатление все, с кем я встречался до сих пор. И твой отдел самый впечатляющий из всех. Ты определенно знаешь, что делаешь.

От комплимента у меня розовеют щеки.

Это правда. Я успешна и хорошо справляюсь со своей работой. И то, что кто-то, похожий на него, кто-то, кто также успешен и хорош в своей работе, заметил... что ж, это просто приятное ощущение.

— Спасибо, — бормочу я. — Я стараюсь.

— Ты делаешь больше, чем просто стараешься, — отвечает он, делая еще один глоток. — Охотники за головами за много миль отсюда заметили тебя. Можешь ли ты дать мне слово, что не подумаешь об уходе, пока не поговоришь со мной об этом?

Теперь я удивлена.

— Никто ко мне не обращался, — честно говорю я ему. — И я люблю «Zellers». Потребуется невероятно хорошее предложение, чтобы побудить меня уйти.

Он улыбается мне.

— Отлично. Это именно то, что я хотел услышать.

Мы продолжаем болтать на протяжении всего ужина, а затем делимся кусочком шоколадного торта на десерт. Вытерев рот и бросив салфетку на тарелку, Алекс смотрит на меня.

— Я уже давно так много не ел. Не хотела бы ты прогуляться по пляжу? Я бы хотел подышать свежим воздухом.

— Конечно, — говорю я ему, отодвигая свой стул. И через минуту я оказываюсь под полной луной, прогуливаясь с этим великолепным мужчиной рядом с шумящим океаном.

Не самый умный поступок, Элли, упрекаю я себя. Мне следовало бы избегать подобных ситуаций, а не создавать их еще больше.

Но мне так приятно держать его за руку, говорить на умные темы, которые мы оба понимаем, потому что мы оба работаем в одной отрасли. Это потрясающее чувство — быть с кем-то, кто понимает меня такой, какая я есть... женщина, которая просто пытается начать новую жизнь и добиться успеха на работе.

Он понимает, потому что он точно такой же... моя идеальная мужская

противоположность.

Я сглатываю. А потом сглатываю сильнее.

Я могла бы гулять со своей идеальной парой.

Пока он ведет меня вокруг большого куска плавающего дерева, я должна признать, что моя идея рассказать ему о своей влюбленности, в конце концов, была неуместной. На самом деле, все стало только хуже. Осознание того, что он испытывает ко мне те же чувства, делает искушение более непреодолимым.

— Для тебя это так же тяжело, как и для меня? — тихо спрашивает Алекс, как будто может прочитать мои долбанные мысли. Я, молча, киваю. Он останавливается и пристально смотрит на меня. Лунный свет падает на него, и, клянусь всем святым, он выглядит как долбаная модель GQ.

— Да, — говорю я ему. — Это определенно так. А ты, случайно, не был когда-нибудь моделью GQ?

Он смотрит на меня сверху вниз, и я не могу не заметить его твердую, как скала, грудь, плоский пресс, точеные черты лица. Как могла Мать-природа так поступить со мной? Она привела в мою жизнь идеальную пару, но сделала его моим боссом? Она что, мазохистка?

Алекс улыбается, а затем заправляет прядь моих волос мне за ухо.

— Нет, я не был, — отвечает он с усмешкой. — Но я приму это как комплимент, что ты думаешь, что я мог бы им быть.

— Возможно, это был и не комплимент, — заявляю я. — Модели по своей природе чрезмерно самоуверенны и дерзки.

Алекс изучает меня, затем улыбается.

— Я ничего не знаю об этом, — говорит он. — Я слышал, что иногда они втайне неуверенны в себе и просто нуждаются в одобрении. И что иногда их пугают люди, которые лучше сложены, чем они сами.

Я не уверена, но я думаю, что последняя часть относилась ко мне. Я с трудом сглатываю.

— Это был комплимент, — признаю я. — Ты великолепен. И чертовски сексуален. И я немного борюсь.

— Я тоже. Но мы можем это сделать, — тихо говорит он. — Мы можем работать вместе и быть профессиональными. Я верю в нас.

В нас.

Я хочу броситься в его объятия и поцеловать его с языком. Никакой лжи.

Его рот просто такой дразнящий. И в этом могущественном и важном мужчине есть что-то такое, что меня возбуждает. «Би Би» практически истекает слюной, но я игнорирую ее безмолвные мольбы.

— Да, — соглашаюсь я. — Можем. Уверена, что это увлечение пройдет.

Он выглядит таким же неуверенным, как и я. Но мы продолжаем нашу прогулку, и, к моей огромной гордости, я не приглашаю себя вернуться в его номер, когда мы возвращаемся в отель. Я возвращаюсь к себе, как ответственный взрослый человек.

Мы встаем на следующее утро и полностью зажигаем на нашей встрече.

Все проходит так гладко, как никогда не проходила ни одна деловая встреча. К тому же, в кои-то веки мне удалось «избежать чего-либо постыдного». Это само по себе чудо.

Пока мы летим домой, мы болтаем о неважных вещах, и я могу совершенно не обращать внимания на то, как мне хочется устроиться у него на коленях и засунуть свой язык ему в

рот. Очевидно, мой язычок все еще бесстыден.

Когда я добираюсь до своего дома, то обнаруживаю, что все в порядке. Сара провела спокойный вечер с Софи и даже оставила корзинку со свежими фруктами на моей барной стойке в кухне.

И последнее, но, конечно, не менее важное: сегодня вечером у меня свидание с Шейдом. Если он не сможет отвлечь меня от мыслей об Алексе, то ничто не сможет.

Собираясь, я отправляю сообщение Шейду.

Мне нужно как следует отвлечься. Придумай что-нибудь развратное, чем можно заняться сегодня вечером.

Мои пальцы почти дрожат, когда я кладу телефон на стол, но я не обращаю на это внимания. Я должна попробовать что-то новое. В этом смысл всего этого, верно? И потребуется что-то новое, чтобы выбросить Алекса из головы.

Насколько развратное? Шейд отправляет ответное сообщение.

Развратное, отвечаю я. Я такая безумная. Я знаю это.

Тогда не волнуйся. У меня есть план, — отвечает Шейд.

И теперь у меня дрожат пальцы. Какой-то план? Боже милостивый. Но он хороший парень, и я ему доверяю. И вот я ловлю себя на том, что с нетерпением жду сегодняшнего вечера, когда заканчиваю одеваться. Маленькое черное платье, черные каблуки и мои волосы, собранные в гладкий низкий хвост.

Однако, когда позже я захожу в комнату в «Утопии», Шейд снимает повязку с глаз, и я вижу, что там стоит еще один мужчина, я ничего не могу с собой сделать, но начинаю немного нервничать.

Я поворачиваюсь к Шейду.

— В чем именно заключается твой план?

Теперь мои пальцы самозабвенно трясутся, а ноги подергиваются. Мне почти хочется развернуться на своих высоких каблуках и со всех ног помчаться к своей машине.

Шейд успокаивающе касается моего локтя.

— Успокойся, Элли Кэт, — бормочет он. — Я знаю, ты мне доверяешь. Я бы не стал делать ничего такого, что, я знаю, тебе бы не понравилось.

— Ну, а что, если ты не знаешь, что мне бы это не понравилось? — Я бросаю вызов.

Я смотрю на другого мужчину. Он высокий. Темный. Красивый. Именно мой типаж. Но все же.

Мое сердце бешено колотится.

— Я не собираюсь заниматься сексом втроем, — говорю я Шейду.

— И я тоже, — отвечает он. — Ты только что вернулась из деловой поездки, верно? И поэтому я предполагаю, что ты немного напряжена. Каждой женщине нравится хороший массаж. А Тайлер здесь просто случайно оказался дипломированным массажистом. Я собираюсь завязать тебе глаза. Тайлер собирается сделать тебе массаж. И я собираюсь делать с тобой... другие вещи. Ты почувствуешь на себе множество рук, и даже если я буду единственным, кто займется с тобой сексом, это не будет похоже на то. Это безопасный способ получить все удовольствие от секса втроем, без самого секса втроем.

Я смотрю на него.

Должна признаться, мне нравится эта идея. Это неприлично. И это может быть как раз то, что мне нужно, чтобы отвлечься.

— Ты единственный, кто будет заниматься со мной сексом? — Я спрашиваю.

Шейд кивает.

— Конечно. Я не собираюсь делить тебя ни с кем, Элли Кэт.

Его слова успокаивают меня. И в этот момент я понимаю, что позволила ему стать моей опорой. Он — мое надежное утешение. Я плачу ему за то, чтобы он делал то, что я хочу. Я контролирую ситуацию, а это значит, что я, возможно, ограничиваю свою жизнь. Но я отмахиваюсь от неприятных мыслей. Я позабочусь об этом позже. Прямо сейчас мне нужно заняться фальшивым сексом втроем.

— Сними свою одежду и надень эту повязку, — говорит Шейд. — Затем ложись на кровать.

Тайлер улыбается мне с другого конца комнаты, и он великолепен. Честно говоря, я не могу дождаться, когда он прикоснется ко мне. У него длинные и сексуальные руки... как раз мой тип рук.

Мое сердце бешено колотится.

Я определенно буду гореть в аду.

Но это не мешает мне снять с себя одежду и голышом забраться на кровать, прежде чем натянуть повязку на глаза.

Почти сразу же Тайлер наносит горячее масло на мою кожу, и мне даже не нужно беспокоиться о том, что оно испачкает простыни, потому что это не моя кровать. И это потрясающее ощущение. Он бормочет мне о том, какая я подтянутая, какая я красивая. Он гладит мои плечи, руки, икры. Он обращает пристальное внимание на напряжение в моей шее, и я опираюсь на его руки.

— Тайлер, мне кажется, я люблю тебя, — говорю я. Он тихо смеется и опускается к моим бедрам.

И тут я чувствую еще одну пару рук.

Они ласкают мой живот, прежде чем их примеру следуют губы. Поцелуи скользят по моему животу, поднимаются к шее и снова спускаются к бедрам. Тайлер продолжает растирать меня, и довольно скоро все руки, кажется, соединяются, как и сказал Шейд, что так и будет.

Это неприлично.

Это эротично.

Это удивительно.

Я тихонько постанываю, и Шейд наклоняется к моему уху.

— Тебе это нравится, Элли Кэт? — шепчет он. При этом он просовывает палец внутрь меня. По крайней мере, я почти уверена, что это он. Я знаю, что это так, но забавно говорить себе, что это может быть Тайлер.

Я киваю.

— Да, — шепчу я.

Это так невероятно сексуально и возбуждающе — знать, что Шейд мастурбирует мне на глазах у другого мужчины. Я даже не могу поверить, насколько это меня заводит. И как охотно я позволяю ему это сделать. Похоже, во мне определенно таится хищница. Ей просто потребовалось несколько лет, чтобы выйти в свет.

Язык Шейда ласкает мою грудь, затем он целует меня в шею, прежде чем я чувствую тяжесть его сильного тела на себе. Я сжимаю его бедра, которые изгибаются под моими пальцами.

Раздается шорох фольги, что удивляет меня, потому что я все еще чувствую, как Тайлер растирает меня... мои икры, мои бедра, мой таз.

И тогда Шейд оказывается напротив меня, а затем и во мне. Я задыхаюсь и прижимаюсь к нему. Тайлер все еще растирает меня, ласкает меня, гладит меня. Руки повсюду.

Шейд скользит внутрь... затем наружу. Внутри... затем наружу. Это мучительно медленно, но это позволяет мне сосредоточиться и на том, как Тайлер ласкает меня. Это невероятно эротично.

— Я отправлюсь в ад, — бормочу я Шейду на ухо.

Он смеется.

— Что ж, если это правда, тогда нам лучше сделать так, чтобы оно того стоило.

Он выходит и переворачивает меня на четвереньки.

Когда он это делает, его рот оказывается на моей груди... рот, который никак не может быть Шейда, так как он стоит у меня за спиной. Я задыхаюсь, когда язык обводит мой сосок, затем засасывает. Безликий рот, но я уверена, что это рот Тайлера.

— В любое время, когда захочешь остановиться, скажи «ананас», — напоминает мне Шейд.

Я киваю, но продолжаю молчать.

Потому что мне это нравится.

Потому что я бесстыжая, бесстыдная потаскушка. Озорство этой ситуации захватывает дух.

Одна пара рук сжимает мои бедра, притягивая меня к себе, пока он входит и выходит из меня. *Тень*. Другая пара рук ласкает меня повсюду, воспаляя все мои нервные окончания. *Тайлер*.

О, господи, я грязная, непристойная женщина.

— Произнеси мое имя, — инструктирует меня Шейд.

— Шейд, — кричу я, когда он погружается глубоко внутрь.

— Скажи это громче, — говорит он мне. Я вижу только бархатную черноту повязки на глазах, когда делаю то, что он говорит.

— Шейд! — кричу я. Мое дыхание прерывистое, голос хриплый.

И мне требуется всего две минуты, чтобы кончить, потому что внизу пара рук рисует круги на «Би Би», которая, кстати, тихо кукарекает от восторга. Очевидно, она еще большая шлюха, чем я.

Я безвольно падаю на кровать, а затем снимаю повязку с глаз.

Тайлер лежит позади меня, Шейд лежит передо мной. Я лежу посреди двух красивых и молодых мужчин. Я чувствую себя как на картине из Древней Греции под названием «Женщина в разгар оргии». С таким же успехом комната могла бы сейчас вспыхнуть пламенем, чтобы я мог привыкнуть к адскому огню. Я вздыхаю и прижимаюсь к телу Шейда.

— Ну, я же просила развратное, — криво усмехаюсь я.

— И ты знаешь, что у нас в «Утопии» политика 100 %-ной удовлетворенности клиентов, — улыбается Шейд ленивой улыбкой, которая уже снова заставляет «Би Би» обратить на себя внимание. Как я уже сказала, «Би Би» — бесстыжая потаскушка. — Я бы не хотел, чтобы ты требовала свои деньги обратно.

Я смеюсь, но его слова лишь еще раз напоминают мне, что я ему плачу. Я контролирую ситуацию. Я закрываю себя от реальных возможностей, которые могли бы существовать для меня в реальном мире.

Возможности, подобные Алексу.

Но я заглушаю этот надоедливый внутренний голос, садясь и уверенно улыбаясь двум мужчинам рядом со мной.

— Кто хочет принять душ? — бодро спрашиваю я.

Шейд приподнимает бровь.

— Ты спрашиваешь нас обоих?

Я киваю, как я надеюсь, уверенным кивком сексуальной лисицы.

— Я просто хочу в душ, — невинно говорю я.

Шейд улыбается в ответ, как и Тайлер.

— Я обучил тебя, Элли Кэт. Ты прилежная ученица.

Я соскальзываю с кровати и хватаю его за руки, увлекая за собой в ванную. Тайлер по собственной воле плетется следом, закрывая дверь ванной, когда входит.

— Что ж, ученица хороша настолько, насколько хорош ее учитель, — мурлычу я, проводя руками вверх-вниз по плоской, сильной груди Шейда.

Но когда Тайлер включает воду в душе, и я захожу туда вместе с Шейдом, единственное, что я могу видеть, — это лицо Алекса на секунду. Это поразительно, и я задыхаюсь.

— Ты в порядке? — обеспокоено спрашивает меня Тайлер. Я киваю.

— Да, в порядке. Вода просто не нагрелась.

Но это ложь. Вода была совершенно теплой. И мои щеки тоже краснеют, когда я понимаю, что думаю об Алексе, пока принимаю душ с двумя молодыми, великолепными мужчинами. Если бы я захотела заняться настоящим сексом втроем, чего я, безусловно, не хочу, эти желания были бы разбиты вдребезги этими неожиданными мыслями об Алексе.

Поэтому вместо этого я блокирую его образы и просто наслаждаюсь тем, что меня моют двое внимательных мужчин. Тайлер моет меня спереди, Шейд моет мне спину. И они оба прижимаются ко мне, мокрые, скользкие и твердые.

Святая чертова сексуальность.

Но мы только принимаем душ. Я имела в виду то, что сказала. Я не чувствую себя достаточно комфортно в сложившейся ситуации, чтобы пользоваться «услугами» Тайлера. Тем не менее, это очень сексуальная ситуация. Эти парни великолепны, сексуальны и очень хороши в своей работе. Это воспоминание, которое навсегда останется позорным в моей памяти.

Но когда Шейд вытирает меня насухо большим пушистым полотенцем, я ловлю себя на том, что представляю, что его руки — это руки Алекса. И я выпускаю очень долгий вздох.

Я серьезно, определенно, совершенно определенно в беде.

(Или: Судьба — извращенная, больная сука)

— О Боже. Ты точно отправишься в ад, — восклицает Сара в мой телефон, когда на следующее утро я натягиваю халат и, спотыкаясь, иду на кухню варить кофе. — Я бы даже этого не сделала. Что ж, может быть, я бы так и сделала. Но я еще этого не сделала.

Я закатываю глаза.

— Ты бы так и сделала. Твой малыш, Чез, просто еще не додумался попробовать это с тобой. Тебе следует сказать ему об этом. Я знаю, тебе бы это понравилось.

— Милая, я бы оторвалась от этого дерьма к чертовой матери, — говорит Сара, и я знаю, что она уже мысленно добавила это в свой список дел.

Я наливаю кофе в кофеварку, слушая ее болтовню.

— Значит, на самом деле у тебя не было секса со вторым? — спрашивает она немного недоверчиво. Я хихикаю.

— Нет. Я вроде как на самом деле хотела... но, думаю, для меня это было бы переходом границы дозволенного. Я могу зайти так далеко только до тех пор, пока не почувствую, что выхожу из-под контроля. Но все равно это было весело. Я чувствовала себя по-настоящему непослушной.

— Ты была действительно непослушной, — отвечает она. — О-о-о, ты когда-нибудь думала о том, чтобы тебя отшлепали?? Непослушную девочку следует отшлепать. И не за что. Если бы не я, ты бы до сих пор бездельничала в одиночестве по выходным.

— Спасибо, Сара, — любезно отвечаю я. — Ты права. Ты расширила мой кругозор, но недостаточно далеко, чтобы меня отшлепали. Я почти уверена, что мне бы это не понравилось.

Я нажимаю кнопку приготовления и падаю на кухонный стул.

Сейчас 10:00 утра, а я только сейчас встаю. Но, честно говоря, я вернулась домой только после 2:00 ночи. Софи снова осталась на ночь с Хейли, и ее еще нет дома, так что нет причин, по которым мне нужно было вставать раньше.

Сара что-то бормочет мне на ухо, и я не знаю почему, но решаю рассказать ей об Алексее и о том, как я даже не смогла выкинуть его из своих мыслей прошлой ночью, когда была с Шейдом и Тайлером. После того, как я заканчиваю, она на мгновение замолкает в изумлении.

— Боже мой, — повторяет она в сороковой раз за сегодняшний день. — Ты влюбляешься в своего босса. Типа, по-настоящему влюбляюсь в него.

— Может быть, — говорю я ей. — Он просто кажется таким подходящим для меня. И он такой веселый. Ты же знаешь, как я люблю хорошее чувство юмора. К тому же, мы находимся в одинаковом жизненном положении. Это сверхъестественно. Но я просто не думаю, что смогу заставить себя встречаться с кем-то прямо сейчас. Именно так ты уговорил меня на всю эту затею с Шейдом, помнишь? Потому что я не была готова к свиданиям.

— Да, но «Шейд» был задуман как способ облегчить тебе знакомство с миром свиданий. Я подумала, что если ты займешься с кем-нибудь сексом, это, в конце концов, снимет стресс от вступления в настоящие отношения. Прошло девять месяцев с момента развода, Элли. А до этого ты целый год ходила к психотерапевту, пытаешься во всем разобраться. Ты работала над собой, ты дала себе время. Если рядом есть кто-то, кто,

кажется, обладает всем, чего ты хочешь, ты должна без колебаний протянуть руку и схватить его за яйца.

— Ты говоришь о нем так, словно он спелый абрикос в бакалейной лавке, — ворчливо говорю я ей. — За исключением части с яйцами. Ты этого не понимаешь. Он мой босс. Я боюсь сейчас с кем-либо встречаться. Я потратила пятнадцать лет на свои отношения с Риком только для того, чтобы он изменил мне и разрушил все, ради чего мы работали.

Сара фыркает.

— Рик ни на что не работал. Ты проделала всю работу. Ты работала над отношениями, ты работала, чтобы заработать достаточно денег, чтобы он мог начать свой собственный бизнес.... Ты работала. Он этого не сделал. Тебе пора встречаться с настоящим мужчиной.

Я молчу, думая об этом.

Но мои размышления прерывает звонок в дверь.

— Эй, мне нужно идти, — говорю я Саре. — Я позвоню тебе позже.

Я подкрадываюсь к двери и заглядываю внутрь, но только для того, чтобы увидеть самого Рика Мудака, стоящего на моем крыльце. Святое дерьмо. Лёгко на помине.

Я открываю дверь.

— Да? Софи здесь нет. Ты должен был ее забрать?

Я в замешательстве. Никто не говорил мне ничего подобного. Но он уже качает головой.

— Нет. На самом деле я здесь, чтобы увидеть тебя. Могу я войти?

Рик нехарактерно тих и подавлен. И теперь я в еще большем замешательстве.

— Конечно. Раз уж так, входи.

Я открываю дверь пошире, и он проходит мимо, направляясь напрямиком на кухню. Он садится за стол.

— Ты можешь сесть? — Он указывает на свободное место напротив себя. Я стараюсь не обижаться на то, что он контролирует ситуацию в моем собственном доме. Вместо этого я поплотнее запахиваю халат и сажусь.

— Что происходит? — спрашиваю я, подозрительно глядя на него. — Чего ты хочешь?

Он закатывает глаза.

— Я ничего не хочу, Эллисон, — вздыхает он. — Разве это не возможно, что я просто хочу с тобой поговорить? Раньше мы все время разговаривали.

Я пристально смотрю на него.

— Да, мы это делали, — признаю я. — До того, как я узнала, что ты изменял мне в течение многих лет. Это своего рода сжигает мосты общения.

Он почти хмурится, но быстро прячет это. И это делает меня еще более подозрительной. Он очень старается быть милым, а это значит, что он хочет меня о чем-то попросить.

— Чего ты хочешь? — Я спрашиваю снова. — Я еще не пила кофе, так что, боюсь, я немного нетерпелива.

Словно по сигналу, моя кофеварка подает звуковой сигнал, сигнализируя о том, что все готово. Рик встает и подходит к ней, доставая чашку из буфета. Он наливает кофе, сливки и сахар и возвращает мне.

— Видишь? — говорит он с улыбкой. — Я знаю, как тебе все нравится, Элли.

И теперь я на взводе. Его тон странный, почти кокетливый. Мои глаза сужаются.

— Эллисон, я совершил ошибку. Я думаю, это потому, что я переживал кризис среднего возраста. Но я скучаю по дому, по тебе и Софи. Я думаю, нам следует снова собраться вместе и попробовать еще раз.

Он просто выкладывает это так, словно говорит о футбольном матче, как будто это вообще возможно. Но это не так.

Я остаюсь с открытым ртом.

— Чт-что? — глупо спрашиваю я.

Рик улыбается. — Я бы хотел снова быть вместе.

— А что насчет Ванессы? — Я спрашиваю, потому что в моем тумане это единственное, что я могу придумать, чтобы сказать.

Рик пожимает плечами.

— Она милая девушка, но слишком незрелая. Я скучаю по тебе, Эллисон. Я скучаю по тому, как ты заботилась обо мне.

И это все прямо здесь. Он скучает по тому, чтобы о нем заботились. Его маленькой Ванессе нужен кто-то, кто позаботился бы о ней, так что она никак не сможет позаботиться о нем. Дело вовсе не во мне, а в нем. Конечно. Все как всегда. Моя кровь мгновенно вскипает, поэтому я считаю до десяти, прежде чем заговорить.

— Я так не думаю, Рик.

И теперь он единственный, кто удивлен.

— Что?

— Ты изменил мне, — выдавливаю я сквозь стиснутые зубы. — Ты унизил меня перед всеми, кого мы знаем, изменяя мне с девушками, которые едва ли старше подростков. И теперь ты помолвлен с одной из них. Я желаю тебе всего наилучшего, но это, конечно, будет не со мной.

— Сейчас, Элли, — успокаивающе говорит он, кладя руку мне на плечо. Я отдергиваю ее и свирепо смотрю на него. — Подумай о Софи, — добавляет он. — Она может вернуть семью.

Я смотрю на него еще пристальнее.

— Я не могу поверить, что ты вообще произносишь эти слова. Ты — причина, по которой эта семья сейчас не вместе. Ты. Ты изменял. Ты разлучил нас. И теперь я двинулась дальше. Проваливай вон.

Он смотрит на меня.

— Элли, перестань... — Но я перебиваю его.

— Проваливай. Вон.

Он хмурится и отодвигает свой стул назад, царапая кафельный пол.

— Если я уйду прямо сейчас, Элли, я больше не вернусь. Я больше не буду предлагать.

Я остолбенела, когда встала.

— Твое возвращение — это не предложение, ты, осел. Это угроза. Пожалуйста, уходи. И не возвращайся сюда, если только не для того, чтобы забрать Софи. Я не хочу иметь с тобой ничего общего.

Он выходит, и я запираю за ним дверь, прежде чем соскользнуть на землю, дрожа как осиновый лист. Как, черт возьми, он мог подумать, что я приму его обратно... когда-нибудь? Какой напыщенный, эгоцентричный осел.

Я пишу Саре сразу же нецензурное сообщение, от которого мне становится лучше. Я засовываю телефон обратно в карман халата, возвращаюсь на кухню и пью свой кофе. Какой отличный способ начать свой уик-энд. Но между моим отправленным смс Саре и возвращением Софи домой я отвлекаюсь.

Мы с Софи ходим по магазинам, покупаем еду навынос и, в общем, снова устраиваем

девичьи выходные. И мои мысли отвлекаются от мыслей об Алексе, а это именно то, чего я хотела, чтобы произошло.

То есть до той ночи, когда я готовлюсь ко сну и получаю от него сообщение.

Даже несмотря на то, что я не должен был этого делать, я думаю о тебе.

Мои внутренности тают, и я падаю в постель, натягивая одеяло на голову. Что, черт возьми, мне теперь делать?

Понедельник наступает слишком скоро, и к тому времени у меня тоже нет никаких ответов. Я действительно проявляю особую осторожность, готовясь к работе. Я одеваюсь в бледно-серую юбку-карандаш, бледно-розовую шелковую блузку и темно-серые туфли на каблучках. В юбке моя задница выглядит потрясающе, а шелковая рубашка облегает моих девочек. Я знаю, что хорошо выгляжу, когда вхожу в свой офис.

Тейлор поднимает глаза и улыбается.

— Доброе утро, босс! — Она протягивает мне стопку сообщений. — У Вас на столе свежий кофе.

О, как я люблю эту девушку.

Но когда я подхожу к своему столу, я вижу чашку из местной кофейни и понимаю, что это была не Тейлор. Это был Алекс. Он приносил мне этот кофе, потому что знает, что мне нравится. Мои внутренности снова тают, когда я опускаюсь на свой стул.

Приятно, когда о тебе заботятся, даже в таких мелочах.

Я открываю свою электронную почту и просматриваю ее, отвечая на некоторые и удаляя несколько других. И тут Тейлор тихо стучит в дверь моего кабинета.

— Привет, босс. Ваш новый стажер здесь.

Ее лицо выглядит странным, и я приподнимаю бровь.

— Что? — Я спрашиваю ее. Она делает шаг в мой кабинет и понижает голос.

— Он чертовски сексуален, — шепчет она. — Он будет настоящим отвлекающим фактором на рабочем месте. Вы можете ожидать, что с ним производительность снизится в десять раз.

Я закатываю глаза. Тейлор чуть за двадцать, так что двадцатитрехлетний стажер, вероятно, будет для нее отвлекающим маневром.

— Ты сможешь контролировать себя? — спрашиваю я в шутку. — Ты должна придумать, что ему делать.

— О, я могу придумать, что ему делать, — похотливо говорит она, а затем смеется. Я снова закатываю глаза.

— Просто впустите его, прежде чем набрасываться на него, пожалуйста. Последнее, что нам нужно, — это иск о сексуальном домогательстве.

Она улыбается и уходит. А потом она возвращается через минуту. Мне требуется секунда, чтобы понять, что тень, следующая за ней, — это Колби.

Это... Шейд.

Что.

За.

Черт.

Я смотрю на него с открытым ртом, пока Тейлор представляет его мне. Но я едва слышу ее голос. Этот звук ревет у меня в ушах. Я просто ошеломлена. И улыбка Колби озорная, его глаза сверкают. Это почти так, как если бы он знал, как будто ожидал увидеть меня.

Я неуклюже встаю, протягивая руку.

— Привет, Колби. Приятно снова тебя видеть, — говорю я в угодую Тейлор. Яжимаю руку, которая была повсюду на моем теле, пальцы, которые были у меня во рту... и в других местах. Я не отрываю от него глаз, и злобное выражение никогда не исчезает с его лица.

Он знал.

Я уверена в этом.

— Вы уже знаете друг друга? — Тейлор удивленно смотрит на меня.

Я не отрываю глаз от Колби.

— Да. Колби — новый тренер Софи по плаванию.

— А, — отвечает Тейлор, практически заискивая перед Колби. — В этом есть смысл. Ты похож на пловца, — говорит она ему. Он улыбается ей.

— Спасибо тебе, Тейлор, — говорю я ей. — Я просто уделю несколько минут, чтобы поговорить с Колби о должности. Ты можешь закрыть мою дверь?

Она выглядит заинтригованной, но делает, как я прошу, и мы остаемся наедине с Колби.

Я изо всех сил стараюсь сохранять спокойствие, поскольку последствия этого сценария доходят до меня.

Колби — это Шейд.

Шейд — жиголо, с которым я переспала.

Отец Шейда — Алекс, в которого я влюблена.

О, Боже милостивый.

Моя жизнь — это бесконечная череда осложнений.

— Ты знал, — мягко говорю я. — Ты знал, когда пришел сюда сегодня, что я буду здесь, не так ли?

Колби улыбается, его голубые глаза сверкают.

— Да. Мой отец позвонил на прошлой неделе и назвал мне твое имя, чтобы я знал, к кому обратиться.

В героической попытке взять себя в руки я делаю три глубоких вдоха, прежде чем ответить ему.

— И ты ничего не сказал мне в пятницу вечером, потому что? — Я приподнимаю бровь и с трудом сглатываю, вспоминая, что мы делали вместе в пятницу.

— Потому что я подумал, что было бы забавно удивить тебя, — признается он, делая шаг ко мне. Я делаю шаг назад, а затем, по сути, отступаю за свой стол. В его глазах светится смех, когда я встречаюсь с ним взглядом.

— Элли, почему ты убегаешь от меня? — Его голубые глаза сверкают. — Это ничего не меняет. На самом деле, я занял эту должность только после того, как мой отец сказал мне, к кому обратиться. Должен признаться, я подумал, что было бы забавно поработать здесь с тобой. Но это не меняет наших занятий на выходных. Ты видела, как я тренирую Софи. Я очень хорошо умею разделять эти вещи. Я могу справиться со всем. Поверь мне.

Он такой милый. Такой, такой милый.

И такой, такой молодой.

Я уже упоминала, что такой, такой молодой?

Я принимаю решение на месте, даже не посоветовавшись с «Би Би», и я знаю, что позже она убьет меня.

Я также знаю, что, возможно, доживу до того, чтобы пожалеть об этом, но я знаю, что должна это сделать.

И серьезно, когда я смотрю на него, на то, какой он молодой и великолепный, моя решимость колеблется. Но потом я вспоминаю, что не могу продолжать платить ему за то, чтобы он заполнял пустоту в моей жизни. Потому что до тех пор, пока я буду это делать, я не смогу двигаться вперед и найти что-то реальное.

Итак, я вздыхаю, в то время как «Би Би» тихо причитает. Я знаю, что если бы она могла, то прямо сейчас ударила бы меня кулаком в область таза.

— Колби, ты очарователен. И нам было очень весело. Но это действительно все усложняет. Но, тем не менее, я верю, что это прекрасная возможность для тебя, пока ты решаешь, чем хочешь заниматься в жизни. Итак, я собираюсь положить конец нашим... другим отношениям. В любом случае, ты выполнил свое предназначение. Мне нужно было, чтобы ты снова подготовил меня к свиданиям. И ты это сделал. Так что, спасибо тебе. Это было действительно весело.

Колби пристально смотрит на меня, все веселье исчезло из его глаз. На самом деле, я вижу в его глазах тревогу, когда он понимает, о чем я говорю. И, честно говоря, я не могу до конца поверить, что говорю это. Неужели я всерьез собираюсь разрушить идеальную договоренность ради чего-то, что может произойти, а может и не произойти никогда?

Но я представляю красивое лицо Алекса и укрепляю свою решимость.

Да. Я укрепляю.

— Это было действительно весело? Элли, перестань. Я обещаю. Я справлюсь с этим. Никто никогда не узнает, что мы знаем друг друга издалека.

— О, я знаю, — говорю я ему. — Но, видишь ли, в этом-то и проблема. Я буду знать. И я знаю, что ты ничего не скажешь. Но я не так хороша в разделении, как ты. Я не могу продолжать видеть тебя и работать с тобой здесь. Я не настолько талантлива.

Теперь Колби запрокидывает голову и смеется.

— Элли, ты гораздо талантливее, чем думаешь.

Я качаю головой.

— Видишь? Это то, о чем я говорю. Если ты будешь сыпать в мой адрес сексуальными намеками, я не смогу сосредоточиться на работе. И я здесь для того, чтобы работать в течение дня. Плюс, то, что ты и твой отец оба здесь, — это просто двадцать разных видов неправильности, если я все еще встречаюсь с тобой. Так что я не собираюсь этого делать.

Колби молчит, оценивая меня.

— Мой отец. Знаешь, когда ты сказала мне, что тебе нужно отвлечься, я подумал, не потому ли это, что ты, возможно, встретила кого-то. Ты говорила о моем отце?

Я слишком долго колеблюсь, прежде чем ответить, потому что Колби почти задыхается.

— Да, говорила.

Я киваю.

— Ты равнодушна к моему отцу, — медленно произносит Колби, как будто пытается заставить себя это понять.

— Возможно, — говорю я. — Я пытаюсь это выяснить.

Колби качает головой.

— Что ж, я хорошо тебя обучил. По крайней мере, я знаю, что о моем отце позаботятся. — Он смеется, потому что считает это шуткой. Но я содрогаюсь.

— Видишь? Это все просто слишком странно, — говорю я, чувствуя легкую тошноту в животе. — Я не могу сейчас встречаться с твоим отцом. Ни за что на свете. А твой папа знает, чем ты занимаешься?

Я опускаюсь в кресло, обхватив голову руками. Почему моя жизнь должна быть такой запутанной?

Колби подходит и слегка массирует мне плечи.

— Нет, мой папа не знает, чем я занимаюсь. И да, Элли, ты можешь встречаться с моим отцом. На самом деле, я разговаривал с ним вчера по телефону, и его голос звучал счастливее, чем когда-либо за долгое время. Я спросила его, виновата ли в этом женщина, и он сказал мне, что встретил кое-кого, но не мог с ней встречаться, потому что это было сложно.

Я несчастно киваю.

— Все еще сложнее, чем он думает. И это не помогает, — отвечаю я.

Колби перестает массировать мои плечи и наклоняется, глядя мне в глаза.

— Элли, я знаю своего отца и знаю тебя. Вы идеально подходите друг другу. Я знаю, это кажется странным, но мы перестанем видеться и через некоторое время практически забудем, что между нами когда-либо что-то было. Это вообще не будет иметь большого значения.

— Но я не знаю, смогу ли я встречаться с твоим отцом, зная, что переспала с его сыном, — практически шепчу я. Когда я говорю это вслух, это звучит так убого, ужасно и драматично, как будто я должна сниматься в плохой мыльной опере.

Колби закатывает глаза.

— Элли, мой отец никогда не узнает. И ты не спала с его сыном. Ты спала с Шейдом. Сына моего отца зовут Колби. Мы два разных человека. И мой отец никогда, ни за что не узнает.

— Может, вы и два разных человека, но у вас один и тот же пенис, — иронично напоминаю я ему. Колби смеется.

— В любом случае. Моя сексуальная жизнь — не забота моего отца. Людям не нужно раскрывать, с кем у них был секс в прошлом. Все будет хорошо, Элли. И я не могу поверить, что я должен стоять здесь и разговаривать с тобой вот так. Вам с моим отцом нужно во всем разобраться. Глупо позволять работе становиться на пути к счастью.

Я пристально смотрю на него.

— Как ты умудрился стать таким сообразительным для двадцатитрехлетнего парня?

Он просто улыбается, молодой и красивой улыбкой.

— Я думаю, это семейная черта. А теперь, Элли Кэт, меняем тему... что ты собираешься заставить меня делать здесь, в «Зеллерсе»?

Я расправляю плечи и возвращаюсь к делу.

— Ну, во-первых, я скажу тебе, чего ты не будешь делать. Ты не будешь называть меня Элли Кэт. Кто-нибудь может тебя услышать.

Колби усмехается.

— Я обещаю. Когда я выйду за эту дверь, я притворюсь, что единственный способ откуда я тебя знаю — это через твою дочь. Но здесь, — и он постукивает себя по виску. — Ты всегда будешь Элли Кэт.

Я вздыхаю.

— Тейлор будет твоим руководителем, — говорю я ему. — Только не я. Я имею в виду, что в конечном счете ты будешь отчитываться передо мной, но Тейлор будет следить за твоими обязанностями. Я думаю, она подготовила для тебя кое-какие маркетинговые исследования. Она интересная и очень хороша в своей работе. И она такая же

фейерверкерша, как и моя подруга Сара, так что да смилостивится Господь над твоей душой.
Он смеется, когда выходит повидаться с Тейлор.
И я снова опускаю голову на руки.
Что за чертов бардак.

(Или: Решения приведут меня к чертовой смерти)

Колби пользуется большим успехом в офисе.

Каждый раз, когда я выхожу из своего кабинета по какому-либо делу, я вижу, как женщины (молодые и старые) исподтишка смотрят на него. Он, кажется, не замечает этого, но, конечно, он должен знать. Он должен чувствовать, что все эти пары глаз прикованы к каждому его движению. Но опять же, он, вероятно, привык к этому.

Как ни странно, я не ревную. Именно это осознание дает мне понять, что я поступаю правильно.

И каждый раз, когда я вижу его и Алекса, стоящих бок о бок, я *знаю*, что поступаю правильно.

Колби молод, красив и сексуален.

Алекс старше, утонченный и сексуальный. Ничуть не менее красив и в два раза опытнее. Он — то, что мне нужно.

Он — то, что мне нужно.

Эти слова звучат у меня в голове.

И сегодня, когда Алекс поднимает глаза и ловит мой взгляд, его кобальтовый взгляд теплый и искрящийся, как будто он знает какой-то секрет. И теперь я понимаю, почему мне все время казалось, что он выглядит знакомым. У него и его сына точно такие же глаза. Я не знаю, как я раньше не заметила этой черты.

Он хлопает Колби по спине и направляется ко мне.

Колби пристально смотрит на меня из-за его спины.

Взглядом *«сделай-правильный-выбор-ты-идиотка»*.

Я игнорирую это. Я знаю, что он ждет, когда мы с его отцом совершим решительный шаг — отбросим осторожность и просто открыто начнем встречаться. Но это трудное решение для принятия по многим разным причинам.

Когда Алекс направляется ко мне, Колби ведет себя так, словно это момент истины, поворотный момент, когда я должна действовать. Но это неправда. Я могу продолжать не торопиться. Алекс все еще будет здесь. И я буду здесь.

Но сейчас мы все еще работаем вместе, и это проблема.

Однако, когда Алекс подходит ко мне и я смотрю в его великолепные глаза, я должна признать, что чувствую необходимость сделать решение... как-нибудь придумать, как заставить это работать. Потому что здесь такая химия, такое осязаемое притяжение, что я не уверена, как долго еще захочу сопротивляться этому.

Возможности не всегда выпадают больше одного раза. Я не хочу упускать шанс построить отношения с кем-то, кто, казалось бы, идеально мне подходит.

— Я все еще не могу смириться с тем, что Колби — тренер твоей дочери по плаванию, — говорит Алекс, останавливаясь рядом со мной. — Какой тесен мир.

Я практически задыхаюсь. Он понятия не имеет, насколько тесен.

— Могу я поговорить с тобой секунду? — тихо спрашивает он меня.

Тейлор и Колби оба притворяются, что не наблюдают, но я вижу, как они оба смотрят на нас краем глаза, когда мы с Алекс входим в мой кабинет.

— Конечно, — говорю я вместо этого, плотно закрывая за нами дверь. — Пожалуйста,

присаживайся.

— Через минуту, — говорит он, направляясь ко мне. Он берет мое лицо в ладони и прижимается своими губами к моим.

Это всепоглощающий поцелуй, который угрожает воспламенить мои волосы.

К тому времени, как все заканчивается, я задыхаюсь.

— Мне просто нужно было проверить, — бормочет он, отходя в сторону.

— Что проверить? — спрашиваю я, затаив дыхание. Я обмякла. Я даже не знаю, что делать.

— Проверить, будет ли это так хорошо, как я себе представлял.

— И что? — Выдыхаю я.

— О, было даже лучше, — уверяет он меня. — Элли, нам нужно разобраться с этим делом. Я лежал без сна по ночам, думая о тебе. Это не может быть так уж сложно. Тебя влечет ко мне, меня влечет к тебе. Мы оба взрослые люди. Это не ракетостроение.

— Но мы работаем вместе, — просто заявляю я. — Это будет неловко.

— Будет неловко только, если мы позволим этому стать неловким, — твердо отвечает он. — Но как насчет этого — сходи со мной на свидание. Давай посмотрим, как мы уживаемся вне сферы работы или бизнеса. А потом, если мы все еще будем чувствовать то же самое, мы обсудим все эти вопросы. Нет смысла беспокоиться об этом прямо сейчас. Мы даже не были на свидании.

Я пристально смотрю на него.

— Я думаю, мы все равно будем чувствовать то же самое, — тихо говорю я ему, наблюдая за его губами. Очевидно, все, что я могу делать, когда нахожусь рядом с ним, — это думать о нем в сексуальном плане. Это безумие. Я взрослый человек, а не подросток.

Но ты грязная, развратная женщина, напоминает мне «Би Би». Я игнорирую ее. «Би Би» — распутная бродяжка. Что она знает?

— Я тоже так думаю, — отвечает Алекс, делая еще один шаг ко мне. У меня есть лишь короткая секунда, чтобы вдохнуть, прежде чем его губы снова накрывают мои. Мои руки на его спине, мускулистой и широкой, и я растворяюсь в нем. На вкус он как мята, а пахнет мужчиной. У него мягкие губы и сильные руки. И его пенис твердый. Я знаю это прямо сейчас... У меня серьезные неприятности.

— Это свидание, о котором ты говоришь, — говорю я, когда он, наконец, отстраняется, и я поправляю свою одежду. — Когда и где?

Алекс улыбается пугающе захватывающей улыбкой. Он, кажется, не замечает того факта, что его пенис настолько твердый, что секунду назад чуть не проткнул мою ногу.

— Сегодня вечером. На двадцать первой улице есть маленький итальянский ресторанчик. «У Манини». Ты знаешь его?

Я потрясенно смотрю на него. Это то самое место, которое я предложила, когда Мозговитый Брайан не мог принять решение. Это слишком иронично.

— Да. Я люблю это место, — отвечаю я.

Он снова улыбается, довольный.

— Хорошо. Почему бы мне не заехать за тобой в 7:00?

Я сглатываю.

— Хорошо.

Он снова прижимается ко мне, прижимая к себе. И снова его твердый как камень пенис прижимается к моему бедру. «Би Би» хнычет.

— Или мы могли бы назначить свидание за ланчем, — предлагает он мне на ухо. Он так хорошо пахнет и так восхитительно прижимается ко мне, что я с трудом могу ясно мыслить.

— Хорошо, — соглашаюсь я, даже не задумываясь о том, как это будет выглядеть. Я делаю вдох и отстраняюсь. — Подожди. Это то, о чем я и говорю. Вот почему это так сложно, поскольку мы работаем вместе. Люди увидят, как мы уходим. Они будут знать, что мы делаем.

Он пристально смотрит на меня. — Тебя волнует, что думают люди?

— Обычно нет, — признаю я. — Но когда они мои сотрудники, мне не все равно, считают ли они, что я веду себя непрофессионально. Потому что тогда у меня не будет опоры, если мне придется отчитывать их за то же самое в какой-то момент.

— Ты их босс, — напоминает он мне. — Тебе никогда не придется делать им выговор за то, что они уходят посреди утра на свидание со своим боссом. Потому что ты их босс. И я почти уверен, что ты собираешься встречаться со мной.

Я втягиваю воздух. Мне нравится, что он такой решительный.

— Но мы еще даже не ходили на настоящее свидание, — говорю я ему. — Ты не можешь этого знать.

Он улыбается.

— У меня отличная интуиция. Возьми свою сумочку.

Сейчас, когда я смотрю на него, я застываю на месте.

— Но сейчас только 10:00 утра.

Алекс кивает.

— Я передумал. Мы собираемся на поздний завтрак.

Мне приходится усмехнуться, но я делаю, как он говорит. Я хватаю свою сумочку. Мы беззаботно выходим из моего офиса, и я останавливаюсь, чтобы сказать Тейлор, что у нас с Алексом встреча за пределами здания. Поскольку она ведет мой календарь, она знает, что такой встречи не будет.

Но, к ее чести (и это единственный раз в ее жизни), она ничего не говорит. Она просто кивает. Колби понимающе выглядывает из своей кабинки, но тоже ничего не говорит, хотя я замечаю легкую ухмылку на его лице, когда прохожу мимо.

Мы с Алексом пробираемся через парковку и, честное слово, едва успеваем сесть в машину, как практически набрасываемся друг на друга на переднем сиденье.

Руки Алекса повсюду, его рот на моей шее, на моих губах. Моя рука находит путь к его промежности, которая тверда как скала и натягивается на его брюки. Он стонет, когда я прикасаюсь к нему.

— Ты сводишь меня с ума, — шепчет он. И я вдруг чувствую себя такой могущественной. Этот важный человек стонет под моими пальцами? Это пьянящее чувство. Я крепко целую его.

Его рука находит мою грудь, я чувствую его пальцы, длинные и сильные, сквозь тонкий шелк.

— Нам нужно уходить отсюда, — говорю я ему. Мы окружены темными цементными стенами парковки, но любой желающий мог пройти мимо и заглянуть в его машину. А потом нас могли бы увести в наручниках за непристойное обнажение или что-то в этом роде. Это было бы нехорошо.

— Да, — напыщенно соглашается Алекс. Он переключается на драйв, и моя рука не отрывается от его промежности. На самом деле, когда он выезжает из здания, я наклоняюсь

и расстегиваю молнию на его брюках, кожа моей руки скользит по коже его члена. Он задерживает дыхание.

— Ты проверяешь мою концентрацию? — лихорадочно спрашивает он. Я смотрю на него, на то, как плотно сжаты его губы, и смеюсь.

— У тебя проблемы с концентрацией внимания? — невинно спрашиваю я. Он смотрит на меня долю секунды, прежде чем съезжает на обочину и паркуется, практически вдавливая меня в пассажирское сиденье, когда целует меня.

— Тебе придется вести себя прилично, — говорит он мне. — Пока мы не доберемся туда, куда направляемся.

— И куда это? — спрашиваю я у его губ.

— Наше свидание, — напоминает он мне. — Сегодня мы прогуливаем занятия. У нас есть теория, которую нужно проверить. А теперь сядь вон там и веди себя хорошо. Я поведу.

Он смотрит на меня, приподняв бровь. Я киваю.

— Хорошо, — отвечаю я. — Если ты не можешь быть многозадачным, тогда я буду вести себя хорошо. — Алекс практически рычит, выезжая обратно на дорогу, и мне приходится рассмеяться.

Он отвозит нас прямо в отель «Стратосфера». Это неотъемлемая часть пейзажа Лас-Вегаса, и, честно говоря, поскольку я местный житель, я на самом деле никогда не останавливалась в этом отеле.

— Почему мы здесь? — спрашиваю я, когда он паркует машину.

— У нас свидание, — рычит он.

Он поддерживает меня за локоть, пока мы регистрируемся. Я осторожно прижимаюсь к нему, пока он подписывает регистрационную форму, и он искоса смотрит на меня. Я отступаю и невинно смотрю ему в глаза. Когда он возвращает свое внимание к форме, я снова прижимаюсь к нему. Он вздыхает.

Но вскоре мы оказываемся в лифте, и он поворачивается ко мне.

— Мы одни, — отмечает он. И это все, что для этого нужно.

Я немедленно оказываюсь в его объятиях, вдыхая его чертовски сексуальный запах и обхватывая его язык своим. Забавно, что, когда вы фантазируете о ком-то, обычно вы не представляете, каким он был бы на самом деле лично. Я рада сообщить, что Алекс в десять миллионов раз лучше, чем мои фантазии.

Он прижимает меня к золотой зеркальной стене, его рука скользит вверх между моих ног.

— Ты влажная для меня, — шепчет он мне на ухо. — Я чувствую это через твои трусики. Почему именно сегодня ты надела трусики?

Я смеюсь.

— Я же говорила тебе, что обычно так и делаю.

— Новое правило, — говорит он с рычанием. — Никаких трусиков. Когда-либо.

Я смеюсь, хватая его за брюки. Он такой твердый, что сквозь брюки видна идеальная выпуклость его члена. Я прижимаю его к себе, вдавливая в себя. Он снова стонет, и это меня полностью заводит.

— Новое правило, — говорю я ему. — Никаких штанов. Когда-либо.

Настала его очередь хихикать.

— Это может сделать встречи на работе неловкими. Хотя, тебе это как-то удастся.

Я свирепо смотрю на него, в то время как мои пальцы сжимаются вокруг него через

брюки.

— Один раз. Один гребаный раз, и я никогда не перестану слышать об этом, не так ли? Он уже качает головой и смеется.

— Элли, мне жаль, но тот конкретный инцидент был слишком хорош, чтобы я когда-либо позволил тебе забыть его.

Я закатываю глаза, когда лифт плавно останавливается и двери открываются, впуская двух других людей. Молодая пара смотрит на нас, и мы расходимся. Я знаю, что мои щеки покраснелись.

Алекс бросает на меня взгляд «ты-это-получишь». Я снова краснею.

Лифт, наконец, останавливается на нашем этаже, и мы спешим выйти и дальше пройти по коридору. Алекс вставляет ключ в замок, и мы вваливаемся в дверь. Я роняю сумочку и поворачиваюсь к нему, и он прижимает меня к стене, приподнимая мою задницу руками и засовывая свой язык мне в рот.

Этот момент горячий и первобытный, и я полностью отдаюсь ему.

Моя нежная шелковая рубашка долго не прослужит. Она срывается в течение минуты, и я наблюдаю, как обрывки ткани падают на пол. За ними следуют мои чулки, а затем меня снова приподнимают, и мои ноги обхватывают сильные бедра Алекса. Один быстрый шорох фольги, и затем он скользит в меня, задрав юбку до талии.

Я задыхаюсь, притягивая его ближе, прижимая его голову к своей груди. Он сосет там; облизывает, лакает, покусывает. Я стону, и он врезается в меня сильнее. Стена упирается мне в спину, но я даже не замечаю этого. Все, на чем я могу сосредоточиться, — это прерывистое дыхание Алекса, его прекрасное тело, его опьяняющий запах и этот эротический момент.

Он хватается за меня и относит на кровать, обхватив моими ногами его талию. Он быстро укладывает меня, подложив руку мне под голову, целуя меня так тщательно, что я думаю, что сойду с ума, если он снова не окажется внутри меня.

— Пожалуйста, — говорю я ему, притягивая к себе.

— Что «пожалуйста»? — лукаво спрашивает он, намеренно сопротивляясь моим пальцам.

— Пожалуйста, трахни меня, — говорю я ему, вспоминая слова Шейда. *Мужчинам нравятся неприличные слова.*

Алекс лукаво улыбается.

— Как тебя трахнуть? — тихо спрашивает он, проскальзывая в меня.

— Трахни меня жестко, — говорю я ему. — Я ждала этого целую вечность.

Он вдыхает и хватается за меня, грубо входит в меня. И он действительно жестко трахает меня. Через некоторое время он переворачивает меня и входит в меня сзади, оттягивая мою голову назад за волосы с нужным усилием.

О, мой Бог.

Это эротично, первобытно и почти отчаянно, потому что сексуальное напряжение накапливалось так долго. И теперь это взрывается.

После того, как я выкрикиваю его имя и падаю на кровать, Алекс запрокидывает голову и, содрогаясь, кончает. А потом он сваливается в кучу рядом со мной. Он мокрый, и я тоже. Он протягивает руку и убирает волосы с моих глаз.

— Это было потрясающе, — говорит он мне. — Ты дикая кошка.

Я улыбаюсь.

— Я думаю, правильный термин — «хищница».

Он хихикает, и я прижимаюсь к нему.

— Я думал, хищницы встречаются с мужчинами помоложе?

Меня пронзает острая боль, но я отбрасываю ее в сторону. Это часть моей личной жизни. Мне никогда не придется раскрывать это. Поэтому вместо этого я улыбаюсь.

— О, мне нравится думать, что хищница — это просто зрелая женщина, которая знает, чего она хочет — как в спальне, так и вне ее.

— О, ты определенно такая, — соглашается Алекс.

Следующие полчаса мы лежали, вплетенные друг в друга, на плюшевой кровати, расслабляясь и тихо болтая. Наконец, я поднимаю на него взгляд.

— Я думаю, мы сексуально совместимы.

Он смеется.

— Эм, да. Я думаю, это можно с уверенностью сказать. Не то чтобы у меня когда-либо были какие-то сомнения.

Он наклоняет голову и целует меня, на этот раз нежно. Чувство отчаяния теперь исчезло, и поэтому на этот раз мы позволяем себе роскошь быть медленными и расслабленными.

Он скользит своими руками повсюду и говорит мне, что я красивая. Я подражаю его движениям и говорю ему то же самое.

— Мужчины не красивы, — говорит он с улыбкой, целуя меня в шею.

— Ты да, — возражаю я, накрывая его губы своими.

А потом он занимается со мной любовью. И это действительно похоже на занятие любовью. С Шейдом такого никогда не было. Это был секс... это было чертовски... это было чертовски потрясающе. Но это не было занятием любовью.

С Алексом... между нами что-то есть. Что-то удивительное. И что-то нежное, сладкое, сексуальное и чертовски горячее. И это действительно похоже на занятие любовью. И мы занимаемся любовью еще три раза, прежде чем осознаем, что уже 15:00.

— Посмотри на время! — восклицаю я, наконец, взглянув на часы. — Софи вернется домой из школы примерно через час.

— Ты можешь позвонить и сказать ей, что задержишься? — спрашивает Алекс, присаживаясь на край кровати. — Нам нужно принять душ, а потом, я думаю, мне не помешало бы подкрепиться какой-нибудь едой.

Я бросаю на него взгляд.

— Подкрепится?

Алекс смеется.

— Я уже не так молод, как раньше. Мне требуется еда и питье после четырехкратного секса. Знаешь, у нас должен был быть поздний завтрак, пока ты не отвлекла меня своими женскими уловками.

Я пристально смотрю на него.

— Эм, ты проткнул мне ногу своим пенисом в моем кабинете. Вряд ли ты в этом невиновен.

Он снова смеется.

Я качаю головой и позволяю ему отвести меня к большому каменному душу. Где несмотря на то, что он еще не подкрепился, мы занимаемся сексом в пятый раз.

Когда нас окутывает пар, и я прижимаюсь лицом к запотевшему стеклу душа, Алекс

снова наполняет меня. Я никогда не чувствовала себя такой удовлетворенной.

И быть с ним кажется невероятно классно.

— Мы подходим друг другу, Элли Кэт, — шепчет он мне на ухо, и я замираю, оборачиваясь к нему.

— Элли Кэт? — с трепетом спрашиваю я. Конечно же, Колби ничего ему не сказал. Конечно. Это было бы отвратительно. Лицо Алекса открыто, честно и невозмутимо, когда он отвечает.

— Ты моя маленькая дикая кошечка Элли, — отвечает он. И я могу сказать, что он просто придумал это название. Он понятия не имеет, что его сын пользовался им до него. — И мы действительно идеально подходим друг другу.

— Да, — признаю я со вздохом. — Что мы собираемся с этим делать?

— Мы разберемся с этим, — говорит он, пожимая плечами. — Мы двое разумных взрослых людей.

Когда мы выходим из душа, я нахожу сообщение от Софи. Она собирается к Хейли делать домашнее задание и вернется домой позже.

Я поворачиваюсь к Алексу.

— Я свободна на ужин. Но есть небольшая проблема... ты сорвал с меня рубашку. Я не могу ходить голой.

Алекс ухмыляется.

— Думаю, теперь мы квиты. Ты испортила пару моих брюк, а я испортил одну из твоих рубашек. Счет ничейный, миледи.

Я смеюсь, и он убегает, чтобы купить мне рубашку в сувенирном магазине.

И вот так мы с Алексом заканчиваем тем, что ужинаем в ресторане «World» на вершине «Стратосферы», в то время как я надеваю сувенирную футболку большого размера, юбку-платье и обалденные каблукки. И, конечно же, мы едим стейк.

— Знаешь, слишком много стейка закупорит твои артерии, — говорю я Алексу с усмешкой. Он снова безразлично пожимает плечами.

— Думаю, сегодня я это заслужил, — лукаво говорит он. И я не могу с этим поспорить. Он заслужил это сегодня.

— Великолепный вид, — говорю я, глядя на горизонт Вегаса с его небоскребами, пустыней и угасающим солнцем.

— Не так великолепен, как мой, — говорит Алекс, пристально глядя на меня. Его слова были бы слащавыми, если бы не напряженное выражение его голубых глаз. Я вдыхаю. Резко.

— Ты же знаешь, нам хорошо вместе, — говорит он, потягивая свой напиток.

Я даже не утруждаю себя ложью.

— Да, — просто отвечаю я.

— И твоя единственная проблема в том, что мы работаем вместе, верно? — Алекс допивает свой напиток и жестом просит официанта принести ему еще.

Я киваю.

— Что ж, тогда это легко исправить, — говорит он, пристально глядя на меня. — Ты уволена.

(Или: Что за фигня?)

— Что? — взвизгиваю я, уставившись на него в изумлении и ужасе. — Нет. Я этого не хочу.

Алекс смотрит на меня в замешательстве.

— Я не имею в виду, что ты на самом деле уволена прямо сию минуту. Но у меня есть решение, если ты хочешь его услышать.

Я пытаюсь успокоить свое колотящееся сердце, взять себя в руки.

— Да, я хотела бы это услышать, если только это не связано с моим увольнением. Я упорно трудилась, чтобы добиться того, чего я достигла, Алекс.

— Я знаю, чего ты добилась, — кивает он. — И я не единственный, кто это заметил. Помнишь, я говорил тебе, что охотники за головами спрашивали о тебе? Один из них — мой друг Том. Друг, который нашел для меня эту работу. Он спрашивал о тебе. Очевидно, есть работа на соседней винодельне, которая идеально подошла бы тебе.

— Винодельня в Лас-Вегасе? — с сомнением спрашиваю я. Алекс улыбается.

— Ну, это чуть больше часа езды отсюда, через границу с Калифорнией. Но это легкая поездка на работу.

— И зачем мне менять работу? — спрашиваю я немного раздраженно. — Мне нравится то, что я сейчас делаю.

— Ну, — медленно произносит Алекс. — Это должность вице-президента. И это не винодельня. Ты любишь вино. И если ты найдешь работу получше, тогда ты больше не будешь работать на меня. А это значит, что наша маленькая проблема решена.

Я, молча, смотрю на него, пытаюсь осмыслить его слова.

— Я действительно люблю вино, — рассеянно говорю я.

— Да, это так, — соглашается Алекс с улыбкой.

— И я хотела бы получить должность вице-президента, — неуверенно говорю я.

— Да, ты бы хотела, — снова соглашается Алекс. — И ты заслуживаешь должности вице-президента. И, к сожалению, ваш единственный путь получить эту должность в «Zellers» лежит через меня — занять мою работу. И я никуда не собираюсь уходить в ближайшее время. Итак...

— Итак, это идеальное предложение для меня, — подытоживаю я, глядя на него.

— Похоже на то, — говорит он, снова потягивая свой напиток. — Но не торопись и подумай об этом. У меня есть визитка Тома. Ты можешь позвонить ему, чтобы обсудить это, если хочешь.

Я чувствую себя немного ошеломленной. Кажется, все происходит так быстро.

Но я должна признать. Полностью начинать все сначала, как это сделал Алекс, кажется немного увлекательным.

— Ты все это подстроил, не так ли? — Я спрашиваю. — Ты связался со своим другом, а не наоборот.

Я вижу по его лицу, что я права.

Он пожимает плечами. — Я просто запустил туда кое-какие щупальца. У нас с тобой с самого начала была химия. Как только кто-то другой связался со мной по поводу тебя, это навело меня на мысль проверить. Эта должность действительно идеально подходит тебе,

Элли. Ты бы возглавила отдел маркетинга. Это именно то, что ты делаешь, и делаешь хорошо. Плюс, я уже упоминал... ты бы занималась маркетингом вина.

Я вздыхаю, потому что он возбудил мое любопытство. Для меня это действительно звучит идеально.

— Я люблю вино, — вздыхаю я. — Ладно. Я позвоню твоему другу.

— Отлично, — говорит Алекс с улыбкой, поднимая свой бокал. — Выпьем за новые начинания.

В его улыбке много обещаний, и я знаю, что он говорит не просто о новых начинаниях в моей карьере. Я делаю глоток и чокаюсь бокалами.

— За новые начинания, — неловко произношу я.

Алекс пристально смотрит на меня.

— Что не так?

Я качаю головой. — Ты подумаешь, что я глупая.

— Вероятно, нет, — отвечает он. — Просто скажи мне.

— Сейчас у меня проблема... с обязательствами. После того, как я посвятила пятнадцать лет своей жизни Рику, а он изменил мне, я нахожу немного обескураживающим просто доверять тебе так много сфер своей жизни. Наверное, у меня проблемы с доверием.

Алекс медленно кивает. И он такой, такой красивый. Я стараюсь не обращать внимания на этот факт.

— Я понимаю, — говорит он мне. — Но я хочу, чтобы ты знала... Я человек, которому можно доверять. И я не ожидаю, что ты сразу же мне поверишь. Я рассчитываю заслужить твое доверие. И я так и сделаю, обещаю.

Его тон успокаивающий и хрипловатый, и это согревает меня. Я улыбаюсь. Он уже точно знает, как меня успокоить. *Он — то, что мне нужно.*

Мы заканчиваем наш ужин и выписываемся из отеля. Он высаживает меня обратно у моей машины и крепко целует.

— Я позвоню тебе позже, — говорит он мне. Я киваю.

Я прихожу домой, наливаю бокал вина и делаю то, что сделала бы любая разумная женщина.

Я залезаю в горячую ванну и звоню Саре.

Она приезжает через тридцать минут и забирается ко мне. На этот раз мы надеваем наши купальники, так как Софи находится в помещении.

— Я не понимаю, в чем главный вопрос, — объявляет Сара после того, как я заканчиваю объяснять. — Он дал тебе шанс устроиться на работу получше, чтобы ты могла встречаться с ним. И он подходящий, красивый, сексуальный и совершенный. По крайней мере, так кажется. Я не могу сказать наверняка, поскольку лично с ним не встречалась.

Здесь она делает долгую многозначительную паузу, приподняв бровь.

— Что? — Я спрашиваю. — Ты можешь встретиться с ним. Когда-нибудь. Вероятно, лет через сорок или около того. Я не хочу, чтобы ты напугала его до смерти.

— Я не страшный человек, — фыркает она. — Серьезно. Я имею право встретиться с ним, Элли. Это единственный способ, которым я могу вынести точное суждение по этому поводу.

— Мне не нужно твое точное суждение, — говорю я ей. — Я думаю, у меня все схвачено.

— Тогда зачем ты позвонила мне, гений? — спрашивает она. — Ты хотела узнать мое

мнение, вот почему.

— Может быть, — признаю я. — Но я хотела этого без того, чтобы ты запугивала Алекса из-за этого.

Я делаю большой глоток вина и откидываю голову назад. Сара тоже откидывается на спинку стула.

— Просто доверься мне, милая. Я не буду тебя смущать. У меня просто есть несколько вопросов к этому человеку. Кроме того, этот человек — большая шишка на посту вице-президента. Я уверена, что мне не удастся запугать его. Серьезно. Насколько все может быть плохо?

Никто никогда не должен задавать подобный вопрос.

Я знаю это. Я поняла это, когда она это сказала, и я поняла это четыре дня спустя, когда хотела убить ее. Снова.

— Откуда мне знать, что ты можешь держать свой член в штанах? — непринужденно спрашивает Сара за ужином из китайской еды навынос и дорогого вина в моем патио.

Она, конечно же, разговаривает с Алексом. После того, как она приставала ко мне всю неделю, я, наконец, согласилась позволить ей поужинать с нами сегодня вечером. И это была самая большая ошибка из всех возможных. Но Алекс воспринимает это спокойно и, похоже, даже забавляется.

Он произвел на меня еще большее впечатление, если это вообще возможно.

Алекс улыбается Саре.

— Ну, моему члену сорок лет. У меня нет сил выпрыгивать из штанов в незнакомые воды.

Она изучает его.

— Ну, это был бы хороший ответ, но Рикку было почти столько же лет, и его член нашел в себе силы.

Алекс добродушно вздыхает.

— Но я не Мудак Рик, — отмечает он.

Я киваю. Это очень веский довод. Этот допрос продолжается уже больше часа. И я должна сказать, что он очень хорошо обращается с Сарой.

— Верно, — говорит Сара, пристально глядя на него. — И это, вероятно, лучший ответ, который ты можешь мне дать.

Алекс бросает на меня взгляд из-за тощей спины Сары.

У нее добрые намерения, говорю я ему одними губами. Он кивает.

— Я принесу нам еще бутылку вина, дамы, — говорит он, вставая. Когда он входит в дом, Сара окликает его.

— У тебя действительно классная задница! Это одно очко в твою пользу.

Алекс поворачивается и улыбается, прежде чем направиться в дом.

— Серьезно, Сара, — шиплю я. — О, боже мой. Ты меня смущаешь.

— Но сейчас я чувствую себя намного лучше, — говорит она мне. — Ладно. Я приняла решение. У тебя есть мое разрешение. Ты можешь встречаться с ним. Секс хорош, он великолепен, он сексуален... Что тут может не нравиться?

Она небрежно откусывает кусочек яичного рулета, как будто это действительно ее решение. Я вздыхаю.

— Ты забыла о терпении, — говорю я ей. — Он очень терпеливый.

Она пристально смотрит на меня.

— Верно, он терпелив.

— И мне не нужно твое разрешение, — напоминаю я ей. — Но, тем не менее, спасибо вам.

Алекс возвращается и наливает каждому из нас по бокалу вина. Я борюсь с желанием прижаться к нему и поцеловать. Он чертовски сексуален, черт возьми. И еще от него хорошо пахнет. Но тут Сара отвлекает меня вопросом.

— Все это немного неожиданно. А что думает Софи?

Я молчу, уставившись на Алекса.

— Ты еще не сказала Софи? — Сара не верит своим ушам. — Как вам удавалось встречаться всю неделю так, что она этого не замечала?

— Ладно, во-первых. Это не внезапно. Мы движемся немного быстро, но это только потому, что мы зрелые люди, которые уверены в том, чего мы хотим, — говорю я ей. — Нет причин ждать. А во-вторых, мы еще не сказали Софи, потому что еще не пришло время.

Сара недоверчиво смотрит на меня.

— И когда настанет это время?

— Я не знаю, — тихо признаюсь я. — Скоро.

— А как насчет новой работы? — спрашивает Сара. — Что ты решила?

Я смотрю на Алекса через стол. Он ободряюще смотрит на меня.

— Я собираюсь встретиться с владельцами винодельни на следующей неделе, — говорю я ей. — И если это действительно такая хорошая возможность, как кажется, я думаю, что, вероятно, воспользуюсь ею.

Сара откидывается на спинку стула, глядя сначала на меня, потом на Алекса.

— Что ж, похоже, здесь все довольно гладко, — говорит она. — Моя работа здесь закончена.

Алекс сексуально приподнимает бровь.

— *Твоя работа?*

— Да, — отвечает Сара прежде, чем я успеваю пнуть ее. — Это из-за меня Элли дошла до этого в первую очередь. Она бы никогда не была готова встречаться с тобой, если бы я не вмешалась.

— О? — спрашивает Алекс, его глаза встречаются с моими.

— Да, — быстро встречаю я. — Сара уговорила меня пойти на свидание с Брайаном из бухгалтерии. Просто для практики, — говорю я ему. Понятно, что он удивлен.

— Брайан из бухгалтерии? — скептически повторяет он. Я киваю.

— Да, и это было примерно так весело, как ты можешь себе представить.

Алекс смеется, медленно и непринужденно, и меняет тему.

Мы допиваем новую бутылку вина, прежде чем Сара уходит, убедившись, что она шлепает Алекс по заднице, уходя. Он качает головой, когда мы входим в дом.

— Твоя подруга, тот ещё персонаж, — говорит он мне.

— Все так говорят, — смеюсь я. — Персонаж, фейерверк, дерзкая девка... выбирай сам.

— Но она мне нравится, — отвечает он. — Она говорит все как есть, и я должен уважать это.

Он садится на диван и тянет меня за собой. Он целует меня в шею, а затем отстраняется, глядя на меня.

— Итак, я могу ошибаться, а могу и не ошибаться, но я думаю, что ты была готова к

приступу паники, когда Сара начала говорить о том, что подготовила тебя к встрече со мной. Я прав?

Теперь я замерла. Я понятия не имею, что сказать. Я, конечно, не могу сказать ему правду.

Что же, да, Алекс. Сара уговорила меня заняться сексом с жиголо, который оказался твоим сыном. Нет. Это было бы нехорошо. Очевидно, я не могу этого сказать. Я как олень, попавший в свет фар. Мой рот открывается, затем закрывается. Я не знаю, что сказать.

Алекс изучает меня.

— Не стесняйся никого, с кем ты, возможно, встречалась до меня, — говорит он мне. — Это не мое дело. Ты только что развелась. Конечно, тебе нужно было выйти на улицу и сойти с ума. Этого следовало ожидать. И я уверен, что ты была осторожна по этому поводу. Честно говоря, я рад, что Сара уговорила тебя на это. Потому что теперь ты готова для меня.

Я молчу, пораженная его самым совершенным из ответов.

Я могу продолжать работать с ним, не испытывая чувства вины перед Колби, потому что Алекс только что дал мне пас. Он говорит, что этого следовало ожидать. *Ожидаемо.* Я почти уверена, что он не имел в виду секс со своим сыном, но это ведь детали, верно?

Я медленно киваю.

— Возможно, я немного увлеклась, — осторожно говорю я. — Но теперь с этим покончено. Мне нравится быть с тобой. Мы с тобой идеальны.

И теперь он смеется.

— Мы не всегда будем идеальными, — говорит он мне, притягивая меня ближе к себе на колени. — Но мы идеально подходим друг другу. В этом я не сомневаюсь. Когда ты хочешь рассказать нашим детям?

Наши дети.

Колби.

Я, черт возьми, хочу умереть прямо сейчас.

Если мы с Алексом когда-нибудь поженимся, Колби будет моим приемным сыном. Парень, который научил меня, как поставить парня на колени ровно за пять минут, будет моим пасынком.

Возможно, мне понадобится терапия.

Но опять же, справедливости ради, Колби был верен своему слову. Всю последнюю неделю на работе он притворялся, будто мы только сейчас узнаем друг друга, будто единственный способ, почему мы знаем друг друга — это потому, что он тренер Софи по плаванию. И, как он и сказал, это начинает казаться менее странным. Как будто я на самом деле просто его босс, а он на самом деле просто мой стажер.

Сын парня, с которым я встречаюсь.

Но я работаю над этим. И чем больше времени проходит, тем более нормальным это кажется. Я вполне могу это сделать. И Колби, похоже, действительно искренне рад за своего отца.

— Я не знаю, — говорю я ему. — Я думаю, с Софи все будет в порядке. Я имею в виду, она ненавидит невесту своего отца, но Ванесса едва ли старше Софи, и она настоящая стерва. Так что разница есть.

— Ты думаешь, со мной все будет в порядке из-за чего?

Голос Софи разносится по гостиной, и я резко поднимаю голову. Мои глаза встречаются с ее. И я вспоминаю, что сижу на коленях у Алекса.

— Эм.

Я даже не знаю, что сказать. Я настолько шокирована. Я сползаю с колен Алекса и практически ломаю себе шею, чтобы добраться до нее через всю комнату.

— Ну, мы говорили о тебе и о том, что бы ты сказала... если бы... Мы с Алексом начали встречаться.

Мой тон больше похож на вопрос, чем на утверждение.

Софи пристально смотрит на меня.

— Но вы уже встречаетесь, — отвечает она, как ни в чем не бывало. — Если тебе нужно было мое разрешение, тебе не кажется, что тебе следовало спросить заранее?

Теперь я в ужасе смотрю на нее, ошеломленная.

— Как ты узнала? — шепчу я. Алекс теперь стоит у меня за спиной, положив одну руку мне на поясницу. Он начинает что-то говорить, но Софи перебивает его с улыбкой.

— Ну, ты просто сидела у него на коленях, мама. — Я краснею, а она смеется. — Я шучу, мам. Да, я знала... потому что я не дура. Ты придумывала случайные предлоги, чтобы пойти к нему домой по работе, а он постоянно «забывал» здесь файлы, так что ему приходилось возвращаться. Вы, ребята, были ооочень очевидны. Но все в порядке — меня это вполне устраивает. Вы, ребята, милые.

И ее голос звучит так, словно она разговаривает со своим ребенком, а не с родителем.

Я тупо смотрю на нее.

Она снова улыбается и выглядит ангельски.

— Серьезно, мам. Все в порядке. Я рада за тебя. И я счастлива, что Алекс не такой мудака, как мой отец. Или Ванесса.

И она легонько обнимает меня и убегает по коридору, прежде чем я успеваю собраться с мыслями.

— Не называй своего отца мудаком! — Я кричу ей. А потом я поворачиваюсь к Алексу.

— Что ж, одним ребенком меньше, — вяло говорю я.

— Остался один ребенок, — говорит он. — Но с Колби все будет в порядке. Я почти уверен в этом.

Я уже уверена в этом, но я ничего не говорю. Вместо этого я просто улыбаюсь и иду на кухню, наливая нам еще по бокалу вина.

Боже, как я люблю вино.

Алекс рассказывает об этом Колби на следующей неделе.

Колби воспринял это просто отлично, как я и предполагала. На самом деле вскоре после этого он зашел ко мне в кабинет и поздравил меня.

— Я серьезно хочу, чтобы ты была счастлива, Элли, — говорит он, наклоняясь вперед на своем сиденье и одаривая меня своей мальчишеской улыбкой. — И мой папа тоже. Вы действительно идеально подходите друг другу.

— Я тоже так думаю, — говорю я ему. — Спасибо.

— И между нами не будет ничего странного, — говорит он. — Я могу сказать это прямо сейчас. Ты классная цыпочка. Ты просто принимаешь вещи такими, какие они есть. Мне это нравится. Это как раз то, что нужно моему отцу.

— Я улыбаюсь. Я не чувствую себя «классной цыпочкой», что бы это ни значило, но я не указываю на это и даже не прошу дать определение.

— И еще, ты будешь рада узнать... я ухожу из «Утопии». Мне вроде как нравится быть

здесь, в «Zellers», и я не могу быть жиголо всю свою жизнь. Мне нужно сделать что-нибудь более респектабельное. Итак, я все-таки поступаю в аспирантуру. Я думаю, это то, что мне нужно сделать.

Теперь, когда я смотрю на него, я в шоке.

— Ты был действительно хорошим жиголо, — говорю я ему. — Но ты станешь великим бизнесменом.

Он улыбается своей очаровательной улыбкой. — Спасибо. И, конечно, я по-прежнему намерен тренировать Софи, пока она не достигнет того уровня, когда ей понадобится профессиональный тренер.

— Конечно, — отвечаю я. — Я ценю это.

Он наклоняется и целует меня в щеку, и это совсем не кажется сексуальным.

Я действительно думаю, что смогу это сделать. Я могу справиться с этим.

И позже на этой неделе, после моего собеседования с владельцами винодельни, я решаю взяться за эту работу. При условии, конечно, что я смогу привести с собой своего помощника. Тейлор временами вспыльчива и раздражительна, но она хорошо заботится обо мне. Я бы не оставила ее здесь.

Однако эта мысль ставит меня в тупик после того, как я выслушала ее бесконечные жалобы на то, что она собирает мои офисные вещи, и на то, что ее новые поездки на работу будут длиннее, чем сейчас.

Я пристально смотрю на нее.

— Тейлор, мы будем работать на винодельне. *Винодельня*. Достаточно сказано. — Она свирепо смотрит на меня и выходит, но не раньше, чем я вижу ее улыбку. Ей это понравится. Как и я.

Я упаковываю последнюю коробку, когда входит Алекс и обнимает меня сзади.

Я счастливо вздыхаю.

Я понятия не имела, что буду так счастлива за такой короткий промежуток времени. «Би Би» практически поет для меня каждый день — вот насколько она довольна и счастлива. Знаете, как говорят... счастливая вагина — это счастливая женщина. Ну, может быть, этого и не говорят, но должны были бы.

— О чем думаешь? — спрашивает Алекс, запечатлевая поцелуй на изгибе моей шеи, как раз там, где мне это нравится. — Тебе грустно уезжать?

Я оглядываюсь на шикарный угловой офис, который я с таким трудом получила. И я знаю, что мне не грустно, потому что я побеждаю на стольких разных уровнях. Я перехожу в офис получше. Победа. И он окружен виноградными лозами. Двойная победа. Я встречаюсь с потрясающим и сексуальным парнем, который успешен и уверен в себе. Тройная победа.

Кажется, все встает на свои места, как будто, так и должно было случиться.

Я где-то читала, что каждая разбитая дорога в жизни ведет туда, куда тебе изначально было суждено попасть. Или что-то в этом роде. И это действительно так. Я думала, что мне суждено быть с Риком Мудаком и жить, пока мы не состаримся и не поседеем, в угловой комнате дома престарелых. Но у него были другие планы... и у Жизни тоже.

Жизнь забросала меня виноградом, но я превратила его в вино.

Боже, как я люблю вино.

Я поворачиваюсь к Алексу.

— Нет, мне не грустно. Мне совсем не грустно.

Потом он целует меня до тех пор, пока у меня не подкашиваются колени.

И я знаю без малейшей тени сомнения, что поступаю правильно... в отношении каждого аспекта своей жизни. Мои колени были созданы для того, чтобы этот мужчина их подкосил.

— Поцелуй меня еще раз, — говорю я ему.

Что он и делает.

— Вы можете сложить это вон туда, — говорю я грузчику. Все грузчики кажутся дородными и грубоватыми, но я угостила их пончиками на завтрак, так что я им нравлюсь. Этот хмыкает и передвигает коробку.

— Эй, милая, — зовет Алекс из нашей спальни. — Как ты хочешь, чтобы я наклеил этикетку на эту коробку?

Я возвращаюсь и обнаруживаю, что он собрал мою прикроватную тумбочку и все замечательные игрушки, которые в ней были. В течение прошлого года я добавила несколько компаньонов для Джеронимо. И мы с Алексом регулярно пользуемся ими... вместе. Эй, не осуждайте меня. Это чертовски горячо.

— Эм, как насчет «секс-игрушки»? — Я предлагаю. Он закатывает глаза и пишет «ПРИКРОВАТНАЯ ТУМБОЧКА ЭЛЛИ — ЛИЧНОЕ».

— Как будто никто не поймет, что это значит, — хихикаю я.

— Ты абсолютно уверена, что хочешь переехать? — Алекс спрашивает в двадцать пятый раз. Я бросаю на него взгляд.

— Я думаю, что после того, как у нас появился великолепный новый дом, построенный на краю виноградника, нам, вероятно, лучше переехать, тебе не кажется? — иронично спрашиваю я.

Алекс пристально смотрит на меня.

— Я просто знаю, что Софи выросла здесь. У тебя здесь много воспоминаний. Я не хочу, чтобы ты уходила, пока не будешь уверена, что хочешь этого.

Я улыбаюсь.

— Ты самый сексуальный, самый красивый мужчина на планете. Это была моя идея переехать. Я хочу начать наш брак в нашем собственном доме. Это не *мой* дом.

Он ухмыляется.

— Миссис Харрис. Мне действительно нравится, как это звучит. Хотя, просто знай, что тебе никогда не разрешат брать уроки тенниса. — Я улыбаюсь, вспоминая, что его бывшая жена, стерва, изменила ему с инструктором по теннису.

— Не волнуйся, — говорю я. — Я ненавижу теннис.

— Я знал, что люблю тебя не просто так, — шутит он, запечатывая мои игрушки.

— Ты любишь меня по многим причинам, — отвечаю я.

Он кивает.

— Я не буду с этим спорить, Элли Кэт.

Когда Колби впервые услышал, как Алекс назвал меня Элли Кэт, я думаю, он чуть не подавился своим языком. Но он быстро восстановился.

Колби уже год учится на программе MBA, и у него очень хорошие успехи в «Zellers». Мой сменщик быстро повысил его со стажера до менеджера начального уровня благодаря инициативе и напористости Колби. Я знаю по личному опыту, что у мальчика есть инициатива. И драйв.

Софи отлично плавает и завоевывает награды. Она на верном пути к победе на уровне штата, а затем сможет плавать в колледже. И кто знает, каких результатов она еще сможет добиться?

Рик Мудак остался один. Ванесса рассталась с ним вскоре после того, как мы с Алексом

начали встречаться. Мне редко приходится с ним видаться, но когда я это делаю, нам удается быть вежливыми. Он придурок, но он больше не мой придурок. Он может причинять кому-то еще горе. Когда-нибудь, то есть, когда он убедит кого-нибудь другого встречаться с ним.

И Сара... моя дьявольски лучшая подруга встречается с Томом, другом Алекса по подбору персонала, который устроил меня на работу, на винодельню. Она позвонила ему, чтобы узнать о рынке труда, и они каким-то образом начали встречаться. Сара хороша в том, чтобы разруливать подобные ситуации. Конечно, она будет моей подружкой невесты, и у нее уже запланированы всевозможные сверхсекретные мероприятия для моего девичника. Я уже в ужасе.

Да, и винодельня. В конце концов, Алекс купил винодельню, так что теперь мы совладельцы. Он подарил мне ее в качестве подарка на помолвку. Он сделал предложение на утесе на Гавайях, когда мы были там прошлым летом. Это было романтично, мило и идеально. Прямо как Алекс. Кольцо, которое я ношу на пальце, огромное. Такое огромное и сверкающее, что Сара взвыла от зависти, что, конечно, важно.

И последнее, но не менее важное: моя девочка «Би Би» довольна, как кошка, у которой живот полон молока. Или можно сказать *хищница с набитым брюхом*. Теперь она регулярно делает эпиляцию воском, каждые три месяца или около того. И эта Восковая девушка была совершенно права. После первого или второго раза это почти не так больно. «Би Би» лысая и гордится этим. Она дерзкая девчонка.

— Элли?

По тону Алекса я могу сказать, что он не в первый раз произносит мое имя.

Я поворачиваюсь к нему, любясь тем, как лучи утреннего солнца падают на его красивое лицо. Я глажу его по руке в том месте, куда попадает свет.

— Да? — ласково спрашиваю я.

Я как раз собирался спросить, где бы ты хотела позавтракать. Но не бери в голову. У меня есть идея получше.

Он пересекает комнату и запирает дверь спальни, а затем толкает меня на кровать с порочной ухмылкой, которую я очень, очень люблю.

Грузчики могут подождать.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ